

THE CITIES ARE THE NEW FRONTIER

NEW MANIFESTO: THERE ARE NO LIMITS TO OUR LAWLESSNESS

BAMN

(BY ANY MEANS NECESSARY)

BAMN

JAMES WAS A McARTHUR KID
BROWN WAS A PACIFIST

WE DEFY LAW-AND-ORDER WITH
OUR BRICKS BOTTLES GARBAGE
LONG HAIR FILTH OBSCENITY DRUGS
GAMES GUNS BIKES FIRE FUN +
FUCKING

MOTHERFUCKERS

УЛИЧНАЯ БАНДА

САНАЛИЗМ

good! We like it like that!

BAMN

MARSHALL DILLON + MAYOR DALEY
CAN'T PUT HUMPHREE DUMPFREE
BACK TOGETHER AGAIN.
CHICAGO WAS BREAKFAST...
AND WE MADE AN OMELETTE OUT OF THE DEMOCRAT
CONTENTION - I SMELL BACON... MUSTBE A

ORDER TO SURVIVE WE

STEAL CHEAT LIE FORGE DEAL HIDE

THE FUTURE BELONGS TO THE FREE SPIRIT OF THE OUTLAW

WE TAKE THE OUTLAWS OATH

ALL PROPERTY IS TARGET
ALL LAWMEN ARE ENEMY

ON - TOTAL DISREGARD FOR THE MANS.

JOS POLLS STREETS STORES CHURCHES DAUGHTERS SONS
MONEY CULTURE GAMES GOALS LAWS+ORDERS.

WE ARE THE FORCES OF

WE ARE EVERYTHING THEY SAY WE ARE AND WE ARE PROUD OF IT

WE ARE @BSCENE

LAWS

HIDE THE DANGER FROM

MOTHERFUCKERS
УЛИЧНАЯ БАНДА
С АНАЛИЗОМ

МОСКВА
ИИЗ

ISBN 5-87987-049-9

Составление и перевод с английского А. Умняшова

Примечания О. Озерова и А. Умняшова

*Перевод текстов Black Mask и Up Against the Wall Motherfucker
выполнен по изданиям:*

Black Mask & Up Against the Wall Motherfucker: The
Incomplete Works of Ron Hahne, Ben Morea and the
Black Mask Group. London: Unpopular Press and
Sabotage Editions, 1993.

Up Against the Wall Motherfucker: An Anthology
of Rants, Posters and More. Homebrew Press, 2007

*За первую книгу благодарим Александра Бренера и
Макса Нилина.*

Вторую нам прислал Бен Мореа. Спасибо ему.

**ЧАС «Ч»
ПРО ЭТО**

Black Mask сегодня:

Ben Morea

<http://e-blast.squarespace.com/>

Dan Georgakas

www.geocities.com/georgakas

⌘ Любым возможным способом

Radical Art> Radical thought> Radical politics.

The progressive history of Western culture IS the history of
ART.

pioneering Art Living ART.
Look for Rebellion Revolution and you will find POETRY.
They are absolutely connected.

In early Europe we find Hieronymous Bosch (part of a
free-thinking sect) and we find
the SEEDS of Reformation. We encounter the Symbolists and taste FREEDOM.

 Rimbaud and REVOLT.
We dance with DaDa flirt with Rosa Luxemburg.
We dream Surrealism and modern Revolution

APPEARS.

We embrace the Russian FUTURISTS and we taste change.
& Into the 60's-----the liberation of
the mind.

 And the World moves closer
EVER closer.

Free ART and ART will free you.

b.m.

Радикальное Искусство> Радикальная мысль> Радикальная политика.

История западного культурного прогресса ЭТО И ЕСТЬ история
ИСКУССТВА.

новаторского Искусства Живого ИСКУССТВА.
Станешь искать Мятежа Революции и обнаружишь ПОЭЗИЮ.
Они неразрывны.

В старой Европе мы видим Иеронима Босха (члена
секты вольномыслящих) и находим у него

СЕМЕНА Реформации. Мы встречаем Символистов и познаем СВОБОДУ.
Рембо и ПРОТЕСТ.

Мы танцуем с ДаДа флиртуем с Розой Люксембург.

Мы грезим о Сюрреализме и новая Революция

НАЧИНАЕТся

Мы обнимаем Русских ФУТУРИСТОВ и познаем перемены.

и в 60-е-----раскрепощение
желаний.

Но Мир в тупике

КАК ВСЕГДА в тупике.

Освободи ИСКУССТВО и ИСКУССТВО освободит тебя.

б.м.

BLACK MASK

Впервые опубликовано в газете King Mob № 3/1969, неперепечатано в сб. King Mob Echo: English section of the Situationist International. Edinburgh: Dark Star, 2000

РАЗРУШАЙТЕ МУЗЕИ. НАША БОРЬБА — НЕ НАДПИСИ НА СТЕНАХ. ПОЯВЛЯЕТСЯ НОВЫЙ ПРИЗРАК. ПОДОБНО УЛИЦАМ УОТТСА¹, МЫ ПАЛИМЫ РЕВОЛЮЦИЕЙ... 10 октября 1966 года. Несколько ребят и девчонок промаршировали из нью-йоркского района Нижний Ист-Сайд, разбрасывая листовки с призывом закрыть Музей современного искусства, но были остановлены буквально у входа в здание фалангой ментов и железными ограждениями. История вошла в новое русло, а менты, бывшие, как всегда, «на высоте», первыми почувствовали на себе совсем новый и очень действенный способ борьбы. Это происшествие показало, на чьей действительно стороне находится Искусство... Выскочивший на ступеньки директор музея (имеющего, к слову, богатейшую в мире коллекцию Дада), заламывая руки, чуть не в слезах, смог выдавить из себя только мольбы: «Зачем вы это делаете? Мы ни в чем не виноваты!...» Группа ребят, неизвестная дотоле, называлась Black Mask... Некоторое время спустя, однажды ранним утром, надвинув на глаза черные балаклавы, с Веселым Роджером на самодельных стягах, Black Mask, чей состав расширился до 15 человек, прошли от Канал-стрит через Нижний Бродвей до Уолл-стрит — взывая о Новых Границах, проходя мимо дельцов, замороженных на акциях и бабках... Биржевых спекулянтов, участвующих в убийственных сделках с акциями в обмен на смерть... **УОЛЛ-СТРИТ — ЭТО УЛИЦА ВОЙНЫ...** Менты и запакованные в костюмы корпоративные курьеры с вы-

¹ Летом 1965 г. в Уоттсе, беднейшем пригороде Лос-Анджелеса, где 99% населения составляли чернокожие, достаточно спонтанно вспыхнуло восстание, после того как полицейский патруль арестовал молодого негра за мнимое превышение скорости при вождении мотоцикла. Это произвело эффект зажженной спички, брошенной в разлитый бензин. Размеры учиненных погромов были огромны, счет от ущербов шел на десятки миллионов долларов, а федеральная полиция долго не шла на помощь местным властям. События в Уоттсе стоят в ряду акций гражданского неповиновения в Америке 60-х гг.

² «Комитет ста» — образованное в 1960 г. и возглавляемое Бертраном Расселом британское движение за массовое гражданское неповиновение, получившее название по числу энтузиастов, первыми поставивших свои подписи под заявлением, в котором они выражали готовность нарушать закон в знак протеста против ядерной политики Великобритании. Речь не шла о серьезных правонарушениях, имелись в виду лишь пикетирования военных баз и сидячие забастовки. Членами Комитета были в основном молодые инициативные выходцы из Си-Эн-Ди (Кампании за ядерное разоружение), ранее возглавляемой Расселом, и Комитета прямого действия.

³ Grosvenor square — площадь в лондонском районе Мэйфер, где издавна и поныне находится посольство США.

⁴ Прово — голландские проситуационисты 60-х гг. Особо жаростно выступали против своей монархии. Как это часто случается, движение пришло в упадок из-за народившейся внутри иерархии и вовлечения руководителей прово в государственные структуры.

тарашенными глазами; несогласных и озлобившихся на это было, к сожалению, очень немного: лишь эта группировка, держащаяся на честном слове, и результативность действий которой была очень относительна. Начинка из идей «Комитета ста»² еще сохранялась: «Площадь Гроувенор — это площадь Геноцида»³ и т.д. И, действительно, ранние эксперименты Black Mask с их продолжением традиций прово⁴ стали более эффективными и оригинальными, когда перенеслись и на культурную сцену. Это имело отношение более к экспериментальному искусству, чем к левой политике, из которой они сбежали. Потому что не были согласны с ее содержанием.

В тот первый год Black Mask хваталась за любую возможность выебнуться на официальную культуру. Они действовали исходя из ситуации и всегда импровизировали. Они прерывали ораторов выкриками, срывали представления и повсеместно проводили диверсии на всевозможных искусствovedческих конгрессах, лекциях, выставках, хэппенингах... вся эта чушь собачья была абсолютно чужда группе, признававшей футуризм и дада за своих единственных предшественников, перманентно и всевозможными способами ломав-

шей в корне традиции тактик непосредственного высказывания, бытующих в современном искусстве: «Посмотрите, что можно сделать с большим собором и с небольшим количеством динамита». Наверное, их самой знаменитой выходкой был срыв трехдневного марафона семинаров по современному искусству, спонсировавшегося Loeb Student Center. Под вопли «Искусство

умерло!», «Сжигай музеи, детка!» и «Поэзия — это революция» столы летели вверх тормашками, бились вдребезги окна, развязывались потасовки. Ларри Риверс⁵ был избит в изысканной футуристической манере. Теоретическая парадигма — “fuck off, you cunt” — была с блеском реализована на практике. Реакция не замедлила последовать. По существу, это было довольно последовательное покушение официального авангарда, не позволившее Black Mask стать его частью. Группы специалистов по футуризму, дада и сюрреализму объявили на них «охоту» во всей андеграундной (sic) прессе: разгорелись нешуточные дискуссии об истинном революционном значении современного искусства, которыми эти самые специалисты хотели соблазнить и самих Black Mask. Еще менее успешной оказалась попытка задавить их раз и навсегда своей эрудицией и острословием. Black Mask превзошли самих себя. Они печатали сотни красивейших приглашений на бесплатные вечеринки — с бесплатными музыкой, угощением, выпивкой — и раздавали их самым отпетым отморозкам, которых они могли найти в Гарлеме и Нижнем Ист-Сайде за несколько часов до начала, обрекая тем самым место вечеринки на осадное положение. Осада обычно не выдерживалась: всю ночь разъяренные негры и белые бомжи молотили в двери, иногда все же взламывая их и неистово требуя жратвы, алкоголя и женщин...

⁵ Американский художник (1923–2002), один из основоположников поп-арта.

Интерпретация дада была верной даже по академическим канонам: не писал ли Хюльзенбек задолго до этого, что дада — это клуб? А скандалы с Black Mask всегда и повсеместно подвергались остракизму. Художники не могут понять политиков, политики не понимают искусство, но и те и другие допускают насилие... Группировка испытала на себе все сопутствующие в таких случаях методы подавлений: замалчивание в медиа, любопытствующие перешептывания о фашизме за вернисажными коктейлями. Нельзя сказать, что Black Mask взялись неизвестно откуда, когда заявили о себе в 66-м. Двое основных зачинщиков группы — Рон Хахне и Бен Мореа оказались детьми улиц, а вовсе

не выходцами из среднего класса. Мореа был связан с преступными уличными бандами, сидел на героине и в

⁶ Тюрма в штате Нью-Йорк.

⁷ Филиппо Томмазо

Маринетти (1876–1944) — поэт, автор «Манифеста футуризма» и основатель движения. Один из первых людей мира культуры, вступивших в Фашистскую партию Италии.

⁸ Уиндем Льюис

(1882–1957) — английский художник и писатель. Один из основателей недолго просуществовавшего перед Первой мировой войной художественного движения вортицизм.

Синг-Синге⁶ перед тем как стал рисовать и открыл для себя футуристов. Такая основа дала возможность им пойти дальше — через Футуризм — к исконному Футуризму, к сноровке, изысканности и насилию, к самому чистокровному преступлению во всем новаторском искусстве XX века. Имеется в виду не искусство Софиччи и Боччиони, а тот выходящий за рамки художественности образ жизни Маринетти⁷... Маринетти, избивающего Уиндема Льюиса⁸ в мужском туалете и вешающего его за шиворот на зубчатых перилах... Маринетти,

развлекавшегося тем, что запер в прицепе «любителей культуры» и гнал свой мотоцикл на максимальной скорости... Маринетти, который, наконец, на светских раутах у Муссолини ударом ноги опрокидывал стол на Гитлера, демонстрируя, что по-другому пирожное передать не может...

Они почти интуитивно осознали сущность кризиса искусства в период 1910–1925 гг.: его содержание, его предвидение всецелого переустройства мира, которое имели в виду еще первые романтики и которое было наиболее злостной (из тех, что случались) атакой на буржуазную цивилизацию. И которое, на самом деле,

было глубоко реакционным по причине своей смиренно-рубашечной формы. Литературно выражаясь, это динамит. Но с точки зрения культуры — это один из главных оплотов системы. Дворец Кублахана⁹ можно понимать как метафору, как рай на земле, но можно также понимать и как иллюзию, как побег из преисподней, в которой мы уже давно обитаем.

⁹ Кублахан (1215–1294) — внук великого Чингисхана. Монгольский император, завоевавший Китай, где он начал Юаньскую династию. По сказаниям, основал в западной Азии легендарную страну Ксанаду и построил там дворец. См. известнейшее стихотворение Колриджа.

Это как посмотреть: проецируя это на повседневную жизнь отдельного человека или на лабиринт всей на-

шей византийской культуры, где ни одна дорога не ведет в Ксанаду. Что принес кризис культуры XX века, так то, что творческое созидание теперь может быть свободно от формальных уз и перестать воплощать отчужденный, выдуманный и бесплодный мир, преобразовывая свой личный опыт. Как говорил Тцара¹⁰: «Жизнь и искусство — это одно и то же. Современный художник не рисует, он творит непосредственно». Вот почему Black Mask были более продвинуты, чем софистические Rebel Worker или Resurgence Youth Movement, или даже сам великий Маркузе¹¹. С самого начала они стремились к единению слова и дела, теории и практики и по-настоящему пытались, несмотря на все обломы, создать организацию на такой основе.

В то время была лишь одна сила, с которой они могли себя соотнести, — это пост-уоттсовские негры. Негритянский отказ оказался таким же, как их, — своевольным и демоническим. И лишь негры показали себя теми, кто реально что-то ДЕЛАЛ, а не просто сидел на жопе и трепался. Наряду с французскими ситуационистами Black Mask были тогда единственными белыми, кто снял крышку с революционного закипания американских расовых бунтов, осознав их действительно положительное «содержание» (мародерство, поджоги и короткие перестрелки), измеряемое истинным удовольствием и к которому все левые отнеслись как к абсолютному нигилизму. Их цитировали многие газетные шапки: «Временами, посреди бунта и разрушений, превращавших некоторые части города в поле боевых действий, там царила поистине карнавальная атмосфера» (N.Y. TIMES. 7/16/67)... «Губернатор Хьюз¹² говорил после осмотра улиц, служивших местом действия восстания: “Но, что больше всего вызвало во мне отвращение —

¹⁰ Французский поэт (1896–1963), один из основателей дадаизма.

¹¹ Герберт Маркузе (1898–1979) — немецко-американский философ, один из ярчайших предшественников франкфуртской школы. «Отец всех новых левых в США» оказал заметное влияние на Эбби Хоффмана, Анджелу Дэвис и всех левых радикалов 1960-х гг. вообще.

¹² Ричард Джозеф Хьюз (1909–1992) — губернатор штата Нью-Джерси в период 1962–1970 гг. Очевидно, под разрушениями имеются в виду последствия расовых бунтов в Ньюарке 12–17 июля 1967 г.

так это та праздничная атмосфера... это все равно, что смеяться на похоронах» (TIME. 7/21/67). Один репортер из Детройта описывал, как однажды вдруг увидел огромный букет гладиолусов, движущийся среди завалов из обломков строений. При приближении оттуда высунулась голова маленького негритенка и пропела «Я сексуальный маньяк», а затем он скрылся в опустошенном здании. Что это, как не апофеоз современного искусства: смерть и возрождение.

¹³ Так называемый Бунт на 12-й улице. Беспорядки начались 23 июля 1967 г. с того, что полицейские пришли с инспекцией в бар в черном районе, где незаконно торговали спиртным. То, что случилось дальше, вошло в историю США как самый кровавый и разрушительный бунт в современной истории страны. Он длился 36 часов и унес 43 жизни. В беспорядках участвовали около 100 000 человек, 7200 из них были арестованы.

ДАДА! Что как не дада из всего авангардного проекта построения Утопии в XX веке помогло варварскому, почти стихийному великолепию пылающего Детройта?¹³ Игра с огнем — это чисто аристократическая философия. Нерон был пущен по миру толпой полуграмотных ниграс. Black Mask ни у кого не вызывали доверия, только у негров. С белыми ничего не вышло, тем более, что ставилась иная цель — действия, отменяющие границы между искусством и политикой. Они сами валили столбы, находясь между ориентированными в

культурном отношении хиппи и политически ориентированными новыми левыми.

Их воротило от всего, что связано с Flower Power, они видели: из всей белой оппозиции им близки только деклассированные элементы (dropouts). Они тоже бунтовали, по-своему, против жизни как таковой. Точкой пересечения с Black Mask были убеждения, что работа в любом своем проявлении должна быть отменена, что Американская мечта — это вздор, что жизнь нужно посвятить исключительно эксперименту с гранями живого опыта — новому, постиндустриальному образу жизни. Стебаться над хиппи означало нападать

¹⁴ Понятие, образованное от одного из главных устремлений культуры хиппи — freedom.

и на все движение Flower Power. В Англии Black Hand Gang слыла лучшим критиком ХиппИдома¹⁴: «В законченной бездеятельности притонов распутство на стенах и на полу. Со-

бравшиеся в круг молчат и притворяются сосредоточенными. Полный провал. Кошмар потребления потребителя. Не ты куришь дурь, это дурь курит тебя. Заведенная пластинка означает, что никто не поет и не танцует... Это развал коммуникации, ощущение беспокойства от того, что тебя сфотографировали в неподобающем виде; “андеграунд” — это все лишь еще один продукт в пространстве потребления, когда в Бетси-Коудс¹⁵ пропадают поодиночке так же, как и в Ноттинг-Хилле¹⁶: пассивность порождает одиночество. Что получается? Да ничего не получается. Новые товары и новые позы выставляются, становятся предметом зависти, продаются и выставляются заново. Как говорили ситуационисты, ВСЕ ЭТО ШОУ. Шоу, которое не может не продолжаться, ведь все делают вид, что им в кайф, потому что каждый мнит себя абсолютным неудачником. Конформизм — это власть террора. Битлз, Заппа, the Crazy World of Arthur Brown¹⁷: большая часть им подобных — это непроходимое говнище приграничных застав общества потребления. Ненужные, упаднические и скоропортящиеся произведения. Ничего, кроме снобистского выпячивания. Что сегодня является опиумом для бунта, завтра станет опиумом для каждого второго уличного хама. Табачная корпорация “Рейнолдс”¹⁸ уже запатентовала бренды для всех сортов марихуаны. Двадцать Акапулько Голд¹⁹. Десять Конго Браун. Они будут продаваться в торговых автоматах, наряду с газировкой и жвачкой» (Из песен Black Hand Gang, Napt. 8).

Агитация Black Mask фокусируется на плутовстве — они демонстрировали, что отказ хиппи от работы был, хотя и бессознательно, но довольно точным анализом свободы, которая может быть реальной при сегодняшней автоматизации и кибернетизации, это искоренение любых форм принудительного труда и со-

¹⁵ Деревня народных промыслов в Уэльсе.

¹⁶ Модный район на западе Лондона.

¹⁷ Коллектив, основанный Артуром Брауном (р. 1942) и игравший в лучших традициях эйсид-рока. Одноименный (и единственный) альбом стал классикой психоделической музыки и в какой-то момент занял 7-е место в хит-параде Billboard.

¹⁸ Вторая в мире из крупнейших табачных корпораций.

¹⁹ Каннабис.

здание цивилизации, основанной на свободном творчестве, на ИГРЕ. По существу дела, их утопическое видение, если воспринимать это не как наркотический бред или культурологическую фантазию, может стать одной из самых подрывных сил в сегодняшней забастовке.

²⁰ Тимоти Лири (1920–1996) — писатель, ученый, гуру психоделического движения и автор канонического призыва, который с натяжкой можно перевести как «Включись, настройся, выступи» (“Turn on, tune in, drop out”). И хотя с годами ореол славы Лири сильно ослаб (даже собственный сын обвинял его в сотрудничестве с ФБР), он не устал участвовать в общественной жизни. Одной из последних великих фраз сенсея была «Интернет — это ЛСД нового поколения».

²¹ Американский поэт-битник (1926–1997), автор знаменитой поэмы «Вопль».

²² USCO (US Company) — в 1960-х гг. группа художников, которые в своих акциях и инсталляциях смешивали музыку, видео, слайды, свет, диффузные звуки. Участниками их представлений были, в том числе, Джон Кейдж и Роберт Раушенберг.

²³ В период с 12 по 17 июля 1967 г. североамериканский город Ньюарк штата Нью-Джерси был эпицентром восстания чернокожей части своего населения. Как и в случае с расовыми беспорядками в Уоттсе в 1965 г., небольшой инцидент с задержанием полицией чернокожего вылился в массовый протест всей негритянской

Нижний Ист-Сайд был увешан плакатами и замусорен листовками: «МЫ ОСУЖДАЕМ: Тимоти Лири²⁰ — не за новые идеи, но за создание религии. Не за расширение горизонта, но за ограничения революции. Алена Гинзберга²¹ — за обнимку с Джонсоном перед лицом смерти. За продажу корпорациям “Time” и “Life” приукрашенного бунта. За увод молодежи в сторону от революции. USCO²² — за новое освещение старого искусства. За новые медиа со старым посылом».

С оглядкой на Детройт и Ньюарк²³ Black Mask решили организовать уличные выступления в Нижнем Ист-Сайде. С переменным успехом. В Tomkins Square Park²⁴ на встречах сообщества они брали инициативу в свои руки, но это вышло боком. Руководство-говноводство местного коммюнити было более заинтересовано в теории, чем в практике, а его члены — мальчишки из колледжа — были более склонны к «поддержке», чем к участию наравне с неистовыми анархистами. Большинство хиппи все еще с упоением предавалось тоскливым чаяниям “Barb”²⁵ и “Oracle”²⁶. А такие специфичные группировки, как нью-йоркские прово, шли дальше: они просто доносили на Black Mask в полицию...

В то же самое время Black Mask отчаянно пытались встряхнуть нанятую

массовку новых левых и вывести их из состояния бездействия: перестать подсчитывать количество принесенных на сходку задниц. Они яростно критиковали индустрию войны, держащуюся на массовом гипнозе. Раз за разом они обращали всеобщее внимание на то, что переоценка американцев своей роли в мировой политике будет иметь политическое воздействие, и это особенно касалось других стран. Весь третий мир являет собой наглядное значение слова «нищета». Раньше под нищетой подразумевались голод, эпидемия, незащищенность от внешних воздействий и т.д. — нищета империалистической эксплуатации или оставшиеся от XIX века районы западной индустриализации. Но сегодня жестокость нищеты в экономически развитых странах означает самоубийственную и противостественную экономику, ведущую к закупориванию жизненной и сексуальной энергии, к неудовлетворенности. Такая нищета неуловима, неосвязаема, ее истоки: покорность, разобщение, скука, отвращение и подавляющая депрессия. Идиотствующие Левые, узрев объективные признаки социального отчуждения, обошли вниманием гораздо более насущные субъективные неврозы. А Black Mask на практике пытались спровоцировать демонстрации на бунт. Спровоцировать каждого в отдельности против существующего дерьма, машин, зданий, товаров потребления, против всего, что составляет непосредственный опыт. Спровоцировать эмоциональное возбуждение и эйфорию всеобъемлющей борьбы, здесь и сейчас, борьбы руками, а не мозгами. Чтобы каждый понял, что сегодня единственные ценность, удовольствие и возможность почувствовать плечо ближнего — это бороться вместе

общины против своего угнетенного положения (выражавшегося в нищете, безработице, нечеловеческих жилищных условиях) и непрекращающегося полицейского террора. Результаты бунтов: 26 погибших, 725 раненых, около 1500 арестованных, 10 миллионов долларов ущерба.

²⁴ Парк в нью-йоркском районе Манхэттен.

²⁵ Berkeley Barb — культовая газета, выходившая в Беркли, Калифорния, с середины 60-х до начала 80-х гг. Поднимала темы протестов против войны, движения за гражданские права, молодежной культуры и прочих перемен.

²⁶ Sun Francisco Oracle — андеграундная газета, выходившая в 1966–1968 гг. (по другим сведениям, даже до 1971 г.) в поселении хиппи Хейт-Эшбери. Была ярким примером психоделического аспекта контркультурной прессы: кислотный дизайн, поэзия, ЛСД-образная духовность, битники и т.д.

ПРОТИВ ВСЕГО СУЩЕСТВУЮЩЕГО. BLACK MASK БЫЛИ ПРОВОКАТОРАМИ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСИЛИЯ.

Они воспринимали себя как катализаторов: небольшое, крепкое партизанское объединение, с заранее запрограммированной тактикой, устремленной на низвержение состояния массового гипноза путем мощных всплесков рвения, гнева и веселья (привет Райху²⁷). Они примкнули к СДО²⁸ и были одной из группировок, на начальном этапе экспериментировавших с изменчивой тактикой действий, которой в то время не могла избежать никакая городская герилья. Впервые они продемонстрировали ужасающее тактическое преимущество маленьких автономных банд перед лицом гигантских толп во время демонстрации, устроенной СДО против Дина Раска²⁹, когда подвижные группы блокировали главные транспортные развязки, вступали в мгновенные стычки с полицией, отвлекали внимание отдельных копов и т.д.

Кутерьма в Мэйси³⁰ во время рождественской распродажи была еще более эффектной. Множество людей, группами и поодиночке, наводнили магазин в час пик. Никто не вы-

²⁷ Вильгельм Райх (1897–1957) — австрийский психолог, один из основоположников психоанализа, считается едва ли не единственным последователем Зигмунда Фрейда. Автор множества книг, в том числе нашедшей «Сексуальной революции» (1945), социологический предтеча 1960-х в том, что касается морали межполовых взаимоотношений. Из Германии уехал в 1933 г., после прихода нацистов к власти. Жил в Дании, Швеции и Норвегии — нигде его работу не оценили. В 1939 г. перебрался в США. В Нью-Йорке основал Институт органа, где начал изучать органи-

ческую энергию — энергию жизни — и создал аккумулятор, призванный помочь в лечении таких болезней, как рак, астма и быстрая утомляемость. Несмотря на очевидный успех (а быть может, именно из-за него), в 1954 г. Санэпиднадзор добился запрета на опыты Райха. Последний проигнорировал решение суда и за неуважение сел в тюрьму на 2 года. Тем временем Санэпиднадзор добился разрешения на сожжение книг и публикаций Райха, имевших отношение к производству оргонных аккумуляторов.

Райх умер от инфаркта в тюрьме Льюисбурга, штат Пенсильвания.

²⁸ SDS (Students for Democratic Society) — «Студенты за демократическое общество». Активистское студенческое движение в 60-е гг. Один из оплотов новых левых. Black Mask некоторое время числились их ультра-радикальным крылом.

²⁹ Госсекретарь США (типа министра иностранных дел) при президентах Кеннеди и Джонсоне.

³⁰ Универмаг в центре Нью-Йорка. Размерами и статусом сравним с московским ГУМом.

глядел как демонстрант, их легко было принять за обычных покупателей, администраторов или персонал. Они деловито перетаскивали товары с места на место, пачкали их, приводили в негодность, крали и просто бросали. Полуголодные псы и кошки были выпущены на волю в продуктовом отделе. Перепуганный канюк летал по отделу фарфора, разбивая на лету залежи этой дурацкой посуды, а продавщицы в истерике прятались от него или, наоборот, пытались поймать. Добропорядочные покупатели запутывались во флагах и транспарантах и на выходе задерживались администрацией и жестоко избивались полицией. Несуветный хаос... Оглядываясь назад, уже можно сказать, что в то время — зимой 1967/68 гг. — атмосфера повсюду в Штатах начинала меняться. Что раньше бурлило только в подполье, теперь вылезало на поверхность. Как заметил где-то Берроуз, если хлещет и вываливается наружу, то этого достаточно, чтобы санитара стошнило. Еще 18 месяцев назад о таком можно было только мечтать. Это вам не домохозяйки из пригородов, практикующиеся в тире, и не менты, патрулирующие каждую электричку. Америка на грани развала, каких не было с конца Средневековья. И этот мир распадается, как картонный домик, давя все на своем пути: полярная ночь и огонь.

Договоримся о терминах «авангард», «молодежное восстание» и прочих. Политическое фиаско декабрьских демонстраций на Уайтхолл³¹ не только доказывает тщетность массовых выступлений, но и делает очевидным, что их бесполезность нельзя сводить лишь к их тактике. Новые левые были сведены до нуля. Тогда же была явлена вся беспочвенность претенциозности авангардной субкультуры. Нельзя даже говорить о нигилизме или, там, о скуке всего этого. Вообще не о чем говорить. Просто еще один товар потребления — как сирень или гренки. И все мы знаем о последних днях наркосреды — о заказе венценосных посланцев TWA³² — знахарей, алкашей-бихевиористов, торчков, ждущих своего часа в аэропорту Калькутты, — легкие наркотики

³¹ Улица в Манхэттене.

³² Third World Assassin — сленговое выражение, сейчас так называют «террористов-смертников».

заполонили собой все; затем амфетамины, аресты и первые убийства... на Западном побережье все подсаживаются на СПИД и почти все прошли через ЛСД...

³³ «Падение дома Ашеров» (1839) — знаменитое произведение Эдгара По.

В 1960 г. вышла экранизация Роджера Кормэна с Джеком Николсоном в главной роли.

³⁴ Цитата из песни "Heroin" группы "Velvet Underground".

³⁵ Крупный портовый город в Марокко, в середине XX века служивший пристанищем многим деятелям контркультуры (Полу Боулзу, Уильяму Берроузу, Аллену Гинзбергу и другим).

³⁶ Видимо, отсылка к ранчо Кена Кизи в Биг Суре, где проходили кислотные тесты. В съемных домах Биг Сура в конце 1950-х — начале 1960-х гг. любили проводить время и другие битники, в частности Аллен Гинзберг, а Джек Керуак даже написал одноименный роман.

Цивилизация рушится, как дом Ашеров³³, и ее замедленное падение концентрирует весь жизненный опыт на одном: «Потому что, когда смэк растекается по венам, / Мне становится на все наплевать, / На все напруги в этом городе, / На всех безумных политиков, / На всех ругающихся друг с другом, / На валяющиеся повсюду трупы»³⁴. Сосредоточение такого — реальность, имеющая свою прописку — в ГЕТТО. Гетто — это всегда неоднозначный и в то же время четко объяснимый феномен. В своем отрицательном смысле он означает разложение. Это не передвижная экспериментальная станция, не анклав, не Танжер³⁵ и не Биг Сур³⁶. Это ад. Одно окно, одна дверь, четыре стены. Тупик. Гетто — это место, куда ты попадаешь, когда больше ничего не остается, когда некуда идти. Тюрьма без решеток. Громадная психушка, которой уже не замечаешь. За-

кулисье и бесконечная ночь. Невроз, косность. Разверзнувшаяся бездна... И кошмар, кошмар...

Однако в это самое время мятежи становятся проблемой сознания, организации и использования городского пространства. Одиночки объединяются в толпу, толпу отчаявшихся и разозлившихся, перманентно — ежедневно — увеличивающуюся, которую нельзя просто так арестовать за тунеядство. И в их требованиях звучат призывы о своих территориях, о натуральном обмене и даже, как это ни странно, о первых шагах в сторону революционной концепции города, о совместной жизни — о Рае, строящемся вопреки Аду. Геттоизация молодых белых деклассированных элементов предоставила Black Mask возможность подхва-

тить знамя этого качественно иного бунта, теперь, впервые за эти пять лет прорезавшегося, бунта без имени, «молодежный», «люмпеновский» — зовите как хотите. Наконец-то этот бунт стал реальным: Нижний Ист-Сайд в начале 68-го был потенциальным революционным СООБЩЕСТВОМ...

Основная часть BLACK MASK, у которых центр управления был размытым и абстрактным, а журнал — упорядоченным, реорганизовались в ячейку СДО (!) ЛИЦОМ К СТЕНЕ, УБЛЮДОК... И К МУСОРНОМУ БАКУ... первое, во что они вгрызлись, была Мусорная стачка Нижнего Ист-Сайда. Гигантские, кишасшие крысами кучи гнилого мусора оказались, метафорически, удачной находкой: никто, кроме них, не мог и не хотел марать руки. Они были не только приставлены к стене, они были буквально выброшены на помойку. От улицы к улице они шли, поджигая валяющиеся груды мусора, бухая и танцуя вокруг них; а когда приезжали пожарные (тогда же проходила всеобщая забастовка пожарных), то Motherfuckers забирались на крыши (а крыши, как и канализация, — это свободные зоны), бросались оттуда булыжниками, кирпичами и тем, что было под рукой, крича: «Штрейкбрехеры». Немытые, нечесанные, танцующие, поющие, бьющие в барабаны, они переносили кучи грязи в метро и донесли их наконец до лощеного Рокфеллер-Плаза³⁷...

Они были блестящим катализатором и быстро набирали очки, постоянно и многообразно действуя, ломая в корне свой стиль. Они выкидывали сотни хохм, оборачивавшихся сердечным кризом для трущоб, которых шарахало из рутинной утомленности окраин до настоящего центра андеграунда — эмоционального, активного, общего. Таким образом, шла борьба с предрассудками и пропагандой, борьба гораздо более целенаправленная, чем до сих пор. Они служили атмосферными помехами: революционные приемы призваны обострить противоречия между тем, что люди будто бы чувствуют, и тем, что они чувствуют на самом деле, — чтобы вывернуть наизнанку все услов-

³⁷ Он же Рокфеллер-центр, руинами которого грезил Тайлер Дерден из «Бойцовского клуба». Занимает 7,6 га земли между Пятой и Седьмой авеню в Нью-Йорке.

³⁸ Американский поэт (1925–2002), участник литературного объединения «Нью-Йоркская школа».

³⁹ По типу Teach-in (свободная дискуссия), Sit-in (сидячая забастовка) и т.д.

⁴⁰ Улица в Ист-Виллидж на Манхэттене. В 1960-е гг. считалась рассадником контркультуры.

ности и стереотипы любой деятельности. Они «стреляли» (холостыми, увы) в «поэта» Кеннета Коча³⁸, читавшего в местной церквушке для своей «паствы»... Они раздавали в коммюнити каждому по унитазу и устраивали популярные “shit-in”³⁹ на St. Mark’s Place⁴⁰ до тех пор, пока толпа разъяренных и стыдливых легавых-протестантов не заявила и не раскрошила на кусочки эти унитазы своими дубин-

ками. Они устраивали воинствующие демонстрации на пороге полицейских участков всякий раз, когда кого-нибудь арестовывали за наркоту (тем самым давая возможность местным драгдилерам поближе познакомиться с потенциальной клиентурой). Они проникали на кухни самых фешенебельных кафе и добавляли в самые дорогие напитки и блюда наркотики, рвотное, снотворное, галлюциногены — короче, все, что можно и что может насолить.

Они возглавили первый настоящий городской бунт хиппи (во время которого они прорвались через преграду из ментов к полицейской машине, куда уже засадили одного из Motherfuckers, вытащили его и смылись)... Они подначили около четырехсот dropouts из Нижнего Ист-Сайда оккупировать Музей современного искусства во время выставки «Дада, сюрреализм и их наследие» (в виде наследия там выставались какие-то горшки, Раушенберг и т.д.). Наглые, неопрятные и неприятные обитатели трущоб орали матом, уродова-

ли фасады, забивали косяки, безобразничали в Первую Ночь⁴¹, вступали в стычки с копами... Они печатали

приглашения больших трущобных магазинов о бесплатных раздачах — бери-сколько-унесешь — в условленное время и сами подавали всем пример...

Они слыли каратистами и совершенствовали свою уличную тактику по руководству для национальной гвардии «Как вести себя во время гражданских беспорядков» (где обращали особенное внимание на «спустить немецких овчарок с привязанными ручными гра-

⁴¹ Канун Нового года.

натами»). Страшны они были в действии: молнией пронзали толпу демонстрантов, били стекла, переворачивали мусорные баки и дорожные знаки, жгли все, что могло гореть, устраивали заторы на перекрестках, сводя на нет стандартные ментовские разгоны митингующих, и дрались с ними врукопашную один на один. Они применяли карате, умело пользовались ножами, били наотмашь мотоциклетными цепями, обмотанными вокруг запястья, кричали: **ЛИЦОМ К СТЕНЕ, УБЛЮДОК...** Они характеризовали свою подвижную уличную герилью как **ЛИЦОМ К СВИНЬЕ, или ЕСЛИ ДЕЛАЕШЬ ДВА ШАГА НАЗАД, / НА КАЖДЫЙ ТВОЙ ШАГ ВПЕРЕД Я ПОВОРАЧИВАЮСЬ И ИДУ ОБРАТНО.**

Вообще, основное, что они делали, — ставили себя под удар; и они искали тех, кто поддержит их в этом. В стремлении создать зачаточное сообщество им хотелось объединить все дно Нижнего Ист-Сайда, которое они подкармливали в своей бесплатной столовке «Крысиная нора», созданной не по подобию диггерской⁴², которая давно уже зарекомендовала себя «Армией спасения хиппи», а как общая координация и точка пересечения Motherfuckers (около 30 постоянных и около 300 примыкающих) и тех, кто хочет присоединиться. Мы потеряли навык захвата территорий. Перестали нападать на систему разобщения, которая есть основа иерархической власти, — вертикальную систему, чья конструкция держится на нашем разъединении и пронизывает структуру городов. Исходя из этого, они старались подпитывать воинственность люмпенов и научить их сопротивляться при аресте. Они пытались проникнуть в местные системы социального обеспечения, чтобы использовать их как укрытие от все увеличивавшихся нападков и изнутри расшатывать и разоблачать их репрессивную сущность. Они впутывались в тяжбы с аренда-

⁴² Диггеры — радикальная анархистская группировка, члены которой в 1966–1968 гг. жили коммуной в Хейт-Эшбери, близ Сан-Франциско. Основной их деятельностью был импровизированный театр, однако они занимались также и социальной работой — раздавали нищим бесплатную пищу, одежду, организовывали стихийные поселения, где могли проходить концерты и хэппенинги (некоторые, например, назывались: «Парад смерти денег», «Невидимый круг», «Смерть хиппи — рождение свободы»). Свое название позаимствовали у средневековых британских «Диггеров» (1649–1651), живших коммуна в сельских местностях.

ми помещений, что выражалось в коллективном отказе вносить плату и в идее уличного и жилищного комитета. Они помогали организовывать ночлежки. Они упорно пытались пробить стену того, что же не считать преступлением: право не голодать, не иметь недостатка в медицинской помощи и других вещах первой необходимости... Здесь, как и везде, естественная самозащита обусловлена явной угрозой агрессии...

Они подливали масла в огонь обычных трущобных передраг об использовании вроде бы общественных мест: те превращались в поля боевых действий, в зоны, где нельзя было сохранять нейтралитет. Настоящая дружба познается на полях сражения. Как раз в то

⁴³ Fillmore East — рок-дворец в Нью-Йорке, построенный известным импресарио и музыкальным промоутером Биллом Грэхемом и открывшийся в 1968 г. Здесь выступали едва ли не все наиболее значительные звезды 1960-х: The Doors, Grateful Dead, The Who, Джими Хендрикс, Led Zeppelin, Фрэнк Заппа, Pink Floyd, Jefferson Airplane, The Byrds и др.

время начались атаки на Филмор Ист⁴³: толпы длинноволосых негодяев регулярно прорывались внутрь, используя место как центр сообщества со свободными пищей и выпивкой, музыкой, танцами, кайфом, тактическими обсуждениями, организацией, уроками карате и т.д. Между собой они называли клуб «Складом». Более того, их установка на бескорыстие в отдельно взятом месте, далекая от того, чтобы выглядеть неоправданной и поставить их в безвыходное поло-

жение, реально, хотя и поверхностно, но все же была доведена до общественного мнения. Становилось очевидным, что гетто превращались в жизненно важные центры этого нездорового и обреченного общества. Аферисты, опустившиеся представители среднего класса, преступные гопнические банды — все вдруг посмотрели иначе на свою среду обитания. Стали налаживаться связи между ранее разрозненными сообще-

ствами по всей стране, началось объединение белых группировок с негритянскими: вдруг оказалось, что у них общие интересы. Дошло до того, что Элдридж Кливвер⁴⁴ предложил стать вице-президентом «Черных пантер» одному из Motherfuckers.

⁴⁴ Министр информации «Черных пантер» (1935–1998), автор известного лозунга 60-х «Либо вы — часть решения, либо вы — часть проблемы».

«Политика — дерьмо, чувак» — последовал беспристрастный отказ. Анархия вскрыла ее грязную сущность за век до третьего мира. А Люцифер, Князь Света, знал это испокон веков.

Им также удалось помутить воду в одном из главных источников угнетения гетто, питающем многие тамошние организации, — в школьной и университетской системе. Они систематически доводили до полного невменоза всевозможные сходки СДО, например, всеми правдами-неправдами, но пошуршали на вконец обюрокраченной нью-йоркской забастовке учителей.

Оба раза они применяли тактику, схожую с той, что была у Дуррути⁴⁵: сотрудничать с теми, с кем не противно, а затем оставлять им самим претворять свои планы в жизнь. Знаменитым стало их вмешательство в захват студентами Колумбийского университета⁴⁶. При вырубленном электричестве несколько оголтелых радиоманьяков устроили-таки свое вещание. Успешным было и подключение местных негритянских и пуэрто-американских молодежных банд, а также вынос проблемы за границы тривиального академического контекста. Последней каплей оказалось предложение во время столкновений с полицией украсить баррикады отборными образчиками из университетской коллекции керамики и полотен старых мастеров (газетные заголовки пестрели: «Полицейский уничтожает произведение искусства!»), введшее в ступор самих бунтовщиков...

Но самым, пожалуй, радикальным в их летней практике 1968 г. года оказалось пока неуверенное, но продолжающееся движение в сторону нового самовыражения в искусстве и политике — их новый революционный язык. Первым делом, они стали писать на языке улиц. Что несколькими месяцами ранее выглядело как: «Нищета, против которой непрерывно борется человек, не есть недостаток в материальных ценностях; в промышленно развитых странах материальная нужда скрывает под собой нищету самого бытия»,

⁴⁵ Буэновентура Дуррути (1896–1936) — лидер испанских анархистов в Гражданской войне 1936–1939 гг.

⁴⁶ Серия акций протеста в период 27 марта — 18 мая 1968 г. В результате были отчислены, по меньшей мере, 30 студентов.

теперь выражается так: «Ваше сообщество олицетворяет смерть. Вы едите мертвую пищу. Вы проживаете мертвые жизни. Вы трахаете мертвых баб. Все, связанное с вами, мертво... Мы боремся за настоящую жизнь»... Из ситуационистского САЛОНА в городское дно. Стиль меняется наряду с его выражением. Скромный, даже местами пуританский, BLACK MASK стал разлетаться засаленными мимеографическими листовками, похабными афишами, постерами, комиксами, лозунгами, аэрозольными граффити, транспарантами, прокламациями, песнями, барабанной дробью. Скульптура, музыка, литература — всему нашлось место и для всего нашелся выход. Склизкие хвосты и гигантские следы стали кошмаром трущоб. Змеи, разукрашенные пропагандой по всей длине. Псы и кролики с одинаковыми хвостами... И менты, пытающиеся поймать их в сеть... Но даже такая распяляющая порнография остается в рамках понятия о «коммуникации». «Обстоятельства таковы, — писали Motherfuckers, — что начался процесс разделения: на тех, кто хочет продолжать гнуть линию взрывоопасных медиа, и на тех, кто хочет эти медиа взорвать». Для коммуникации, если ее цель — быть осмысленной, необходимо оставаться изменчивым взаимодействием людей, диалогом, в то время как все масс-медиа работают в одном направлении. Они только вещают, это шоу, «спектакль, который может лишь быть употреблен пассивным зрителем». Книга, фильм, симфония — с ними нельзя разговаривать. Где же здесь коммуникация, если один не может ответить? Это слащавое ничто, товарищ, слащавое ничто. Что представляется коммуникацией, на самом деле является установкой на тотальную некоммуникабельность, пассивность, отчуждение, отвлечение — и медиа становятся практическим выражением соучастия в безучастном обществе.

Больше всего лапши вешается, когда начинают утверждать, что коммуникация имеет отношение лишь к беседе. Ничего подобного, она имеет отношение к действию, к совместному действию. Реальная значимость Motherfuckers заключалась в том, что они пытались создать этот новый революционный язык, как

когда-то поэзия Лотреамона⁴⁷ была языком всех вообще и чувственной речи Беме⁴⁸ в частности. Язык как самовыражение всей плоти. Язык как коллективное действие. Вот почему они всегда были в центре восстаний: бунты, наверное, первый существенный прорыв в массовой коммуникации со времен Маркони⁴⁹. Коммуникация — это групповой проект и совместное приключение, трудное, опасное и незаконное, бодрящее предвкушение непредвиденного, ситуация, когда результат зависит всецело от силы и отваги чьего-то вмешательства. Бунт, как и любовь, это краткий миг настоящей сюрреальности, когда все на кону, когда стираются прошлое и личное, и им на смену приходят настоящее и общее, а все чувства настроены на игру. Если хочешь найти себя, сначала потеряй... И, кажется, лишь насилие способно встряхнуть и вывести из дремотного транса любого нонконформиста: владеющего карате дадаиста, дерущегося в труппах, достаточно, чтобы деморализовать любого интеллектуала, какими бы Айлерами⁵⁰ и Зиммелями⁵¹ он ни был напичкан. «Революция в мечтах, / Революция в книгах, / Революция в автомобилях, / Революция в рекламе, / Но повсюду угнетение... И твой враг № 1 — это твоя ЗАДНИЦА. Поднимай ее, пусть это случится... ПАССИВНОСТЬ — ВОТ НАСТОЯЩИЙ ВРАГ».

С наступлением лета 1968 г. они уже были притчей во языцех в революционном сообществе. Их энтузиазм представлялся всем неповоротли-

⁴⁷ Изидор Дюкасс (1846–1870) — французский поэт, предтеча сюрреализма.

⁴⁸ «Каким оружием мы располагаем для того, чтобы гарантировать свою свободу? Мы можем назвать три вида: <...> 3. То, что Якоб Бёме назвал “чувственным языком” (sensualische Sprache) “потому что это ясное зеркало чувств”. И автор “Пути к Богу” уточняет: “В чувственном языке говорят все духи, у них нет потребности в другом языке, потому что это язык природы”. Если вспомнить о том, что я называл отдыхом природы, язык, о котором говорит Бёме, ясно проявляется как язык спонтанности, “действия”, индивидуальной и коллективной поэзии; язык, расположенный на оси проекта реализации, выводящий реальную жизнь из “пещер истории”. С этим же связано то, что Поль Брусс и Рава-шоль понимали как “пропаганду делом»» (цит. по: Вайнгейм Р. Революция повседневной жизни / Пер. с фр. Э. Саттарова. М.: Гиля, 2005. С. 99–100).

⁴⁹ Гульельмо Маркони (1874–1937) — итальянский радиотехник, Нобелевский лауреат по физике за 1909 г. В 1901-м осуществил радиосвязь через Атлантический океан.

⁵⁰ Альберт Айлер (1936–1970) — американский саксофонист, один из пионеров фри-джаза.

⁵¹ Георг Зиммель (1858–1918) — немецкий

социолог, создатель теории анализа социального взаимодействия, один из основоположников конфликтологии.

⁵² Имеется в виду полицейская жестокость по отношению к участникам беспорядков в Чикаго 1968 г., когда антивоенные активисты пытались отвлечь внимание, прикованное к съезду Демократической партии в городе 26–29 августа, на себя. В результате 10-тысячная толпа противостояла тысячному контингенту полиции.

⁵³ Youth International Party (Yippie) — движение-партия, основанное Джерри RUBINOM, Эбби Хоффманом и Полом Красснером в 1967 г. Символом партии была красная звезда на черном фоне, внутри которой красовался лист марихуаны. Йиппи представляли собой гремучую смесь хиппи и новых левых, сотрудничали с «Черными пантерами» и устраивали многотысячные марши и демонстрации, а Эбби Хоффман и Джерри Рубин даже предстали перед судом по обвинению в организации беспорядков, приуроченных к съезду Демократической партии в Чикаго 1968 г. (Дело Большой Семерки). Оба были приговорены к штрафу в \$5000 и 5-летнему сроку заключения, однако в 1972 г. Федеральный апелляционный суд отменил приговор и снял все обвинения.

вым левакам бредом, всем, но только не оголтелым Черным пантерам — слова Хьюи П. Ньютона «если не веришь идущим впереди, считай, что ты труп» передавали из уст в уста, а большинство передраг того времени можно смело записывать в актив Motherfuckers. Они были ответственны не только за периодически возникающие слухи о снайперах-хиппи, отстреливающих ментов с крыш в Нижнем Ист-Сайде, но и за помощь стволами и зажигательной смесью на баррикадах Беркли и Хейт-Эшбери. В сентябре они провели карательную операцию — мстя за Чикаго⁵², грохнули водопровод в Беркли. Они были теми неизвестными диверсантами, которые уже в январе в глухом лесу в глухую ночь подрывали динамитом калифорнийскую энергосеть (электричество — это основа настоящей власти, то, что заставляет работать машины... без которых ничего никуда... черная анархия...). Но затем наступил час расплаты за их общеизвестность. «У свиной подобралась большая картотека, / получи под дых дубинкой в клубе во время пятничной облавы». Арест члена UP AGAINST THE WALL MOTHERFUCKER за стояние на улице. Обвинение: преступный сговор четвертой степени. Арест девушки за сопротивление его аресту. Арест йиппи⁵³ за стояние на углу улицы. Обвинение: нарушение общественного порядка. Арест восьмерых на Шестой улице за попытку препят-

ствия движению транспорта после того, как одного из них сбила машина. Арест парня, имевшего при себе барабан, за то, что был с барабаном. Арест парня, опла-

тившего четыре штрафа, за то, что на своей машине дал задний ход. Обвинение: попытка сбить полицейского. Арест девушки, пытавшейся помочь другим арестованным... полиция сильно прессанула Motherfuckers...

К концу лета основной их части было предъявлено бесчисленное множество обвинений, подразумевающих сроки от 10 дней до 10 лет. Дальше — хуже: добрались и до Бена Мореа, «порезавшего нескольких военнослужащих — морских пехотинцев и летчиков, наряду с двадцатью другими добропорядочными жителями Бостона», которые в темном переулке приперли к стенке четырех Motherfuckers, напав на них с кирпичами и дубинками. Суд над ним начался в ноябре и продолжается до сих пор... Жуткая паранойя, и нет другой такой паранойи как в Нью-Йорке. Шум, гам, грязь, слепящий неоновый свет, ощущение дикой подставы. Ощущение, что за тобой придут все равно, хочешь — за политику, хочешь — за траву. Телефон прослушивается, так что все в курсе. Куришь, сидя на толчке, а руки трясутся. Людям даже страшно, что их увидят с тобой на улице. А Motherfuckers шатались по улице и харкали на ментов. Когда на них реально надавили, многие свинтили из Нью-Йорка. Они путешествовали из одного конца Штатов в другой — от Аляски до Нью-Мехико и налаживали связи с теми, у кого вписывались. Именно в этот период было положено начало общенациональной сети партизанских групп, что привело к образованию I.W.W.C. (International Werewolf Conspiracy — Международное сообщество оборотней) — в пике I.W.W.⁵⁴, — которое сейчас потихоньку разрастается...

Еще несколько замечаний. Motherfuckers — это образцовые левые авантюристы. В этом проявляется их сила

как революционеров и это же отличает их опыт от примитивного «личного» бунта. Открыв новый фронт театра боевых действий — коммюнити как противоположность профсоюзу и открытое противостояние полиции, они вспахали огромных размеров целину. Они

⁵⁴ Industrial Workers of the World — Индустриальные рабочие мира. Международный профсоюз. На пике своего развития (1923) включал 100 тысяч членов и мог рассчитывать на поддержку еще 300 тысяч.

срать хотели на тактические размышления обычных левацких мудил (говорить о тактике имеют право лишь авантюристы) и встречали каменнолицый вздор маоистов иступленным хохотом настоящей агрессии против настоящего врага. И их импровизации всегда служили катализатором: продираясь сквозь глушилки, им удалось донести иной голос всего движения Flower Power и придать иной смысл SOS. А ведь здесь еще поле непаханое. Ведь полезные свойства основных галлюциногенов скрываются назойливой пропагандой дельцов от психоделии. Сдвиги в сознании, ослабление пут собственного «я» и освобождение от поведенческих норм — вот что необходимо искать здесь революционерам, Маркс называл это «полезной эмоциональной деятельностью». Но у роли катализаторов есть свои недостатки, и группа переживает свой переломный момент. В Сообществе оборотней есть проблемы, свойственные любой крупномасштабной децентрализованной сети, в том числе и появляющиеся у некоторых время от времени желания стать центром всей организации. И только личная смелость дает возможность прекратить этот кошмар — показать, что ты чувствуешь, но попробуй остаться собой и закончишь тем, что за дверью тебя будут ждать ублюдки и пятилетний срок гарантирован. Некоторые Motherfuckers уже сошли со сцены, чтобы вернуться под другим именем, в другом месте — другими. Сегодня — грязный мерзавец с безумным взглядом, завтра — молниеносный исполнитель с динитротолуолом наготове, неделю спустя — вежливый профсоюзный работник, незаметно выводящий из строя казенное оборудование. Таковы задачи структурно открыто-замкнутой организации. Деперсонализация и анонимность бюрократической цивилизации — это джунгли для городской герильи.

Между тем для Motherfuckers лекарственных свойств кислоты явно недостаточно, чтобы предаваться насилию как таковому. Безусловно, насилие обладает громадной властью давать выход подавляемым эмоциям, но, как Райх всякий раз подчеркивает, приступы удовольствия, тоски и ярости — это лишь первая и за-

щитная реакция на внешнее угнетение личности и тела. В случае Motherfuckers перепады ужасной и укоренившейся маниакальной депрессии подтверждают тезис Райха о том, что фундамент лежит гораздо глубже и это — смертельная доза, первобытная энергия. Будем надеяться, что неизбежный трип пройдет спокойно. Motherfuckers подняли вопрос о благотворительности, необходимости и трудностях революционных affinity groups⁵⁵. Тяжелая, творческая, реально существующая линия фронта, тайная сеть сопротивления. Прорывы к глубочайшим и пьянящим границам нашей настоящей личности, непрекращающаяся и естественная агрессия по отношению к существующим устоям. Война, терапия, коммюнити. Ни одна часть не может рассматриваться в отрыве от других. Но все это проблемы практики, и они не решаются за столом, заваленным бумагой. «ВПЕРЕД НА ВСЕХ ПАРАХ ЧЕРЕЗ ДЕРЬМО!» (НЕЧАЕВ).

⁵⁵ Известны некоторые переводы термина на русский язык, такие как «группа ближайших», «группа близости», однако в нашем издании было решено к ним не прибегать ввиду распространенности употребления оригинала. См. также: http://www.infoshop.org/wiki/index.php/Affinity_group, <http://www.multitrans.ru/cm.exe?l1=1&l2=2&s=AFFINITY+GROUP>.

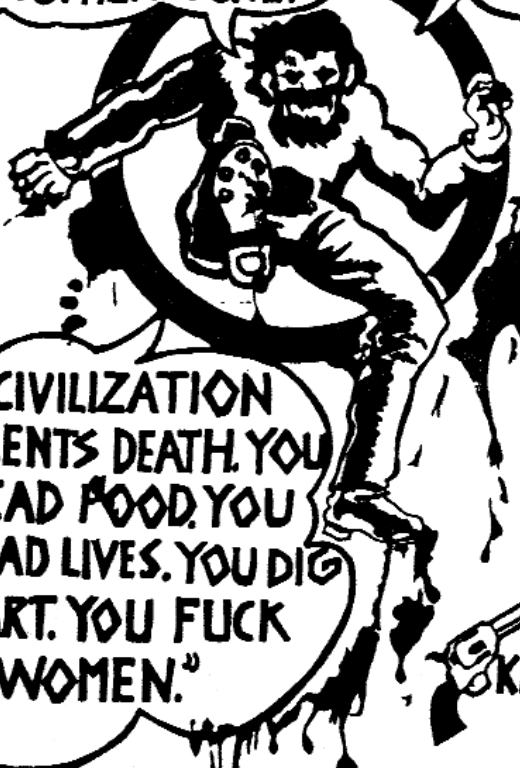
⁵⁶ В конце 1960-х гг. — член лондонской проситуационистской группировки King Mob. В середине 70-х — переводчик и составитель «Leaving 20th Century», первой антологии текстов Ситуационистского Интернационала на английском языке.

*Крис Грей*⁵⁶

IF
YOU DON'T
BELIEVE IN
LEAD YOU'RE
ALREADY
DEAD

REICH, GERONIMO,
DADA: AMERICAN
REVOLUTIONARIES WITH
A MESSAGE
FOR ENGLAND

VP AGAINST THE
WALL MOTHERFUCKER

WE'RE
LOOKING
FOR
PEOPLE
WHO LIKE
TO BRAWL

YOUR CIVILIZATION
REPRESENTS DEATH. YOU
EAT DEAD FOOD. YOU
LIVE DEAD LIVES. YOU DIG
DEAD ART. YOU FUCK
DEAD WOMEN.

KING MOB
NO 2

Появляется новый призрак. Подобно улицам Уоттса, мы палимы революцией. Мы нападаем на ваших Богов... Мы воспеваем вашу смерть. РАЗРУШАЙТЕ МУЗЕИ... наша борьба — не надписи на стенах. Пусть прошлое загнется от ударов восстания. Герилья, негры, люди будущего — вот наши предшественники. Долой вашу культуру, вашу науку, ваше искусство. Каким целям они служат? Ваши массовые убийства видны невооруженным взглядом. Промышленник, банкир, буржуа с их безграничными претензиями и вульгарностью захламляются коллекционным искусством, между делом продолжая пускать кровь остальному человечеству. Ваша ложь трухлява. Мир восстает против вашего угнетения. За порогом люди, взыскующие нового мира. Машины и ракеты, завоевание времени и пространства — вот семена того будущего, что будет свободно от вашего варварства, семена, чей посев оставит нас начеку. Мы готовы...

Так пусть же начнется борьба

Вышеприведенный призыв был издан как часть акции против Музея современного искусства. Прилагавшееся сообщение для печати имело своей целью частично разъяснить смысл происходящего.

«В понедельник, 10 октября, в 12.30 мы закроем Музей современного искусства. Эта символическая акция имеет место в то время, когда Америка вступила на тропу тотального разрушения, а наши действия дают понять, что открыт новый фронт в мировой борьбе против угнетения. Мы стремимся к тотальной революции: к культурной, социальной и политической. — ТАК ПУСТЬ ЖЕ НАЧНЕТСЯ БОРЬБА».

Некоторое количество копий призыва было разослано по почте, и вскоре стали поступать отклики, в числе прочих было и ниже публикуемое письмо. Для более полного разъяснения сути наших идей мы помещаем здесь и наш ответ.

Дорогие друзья,

Каракули на разосланной вами листовке вызвали у меня незамедлительную реакцию: какой смысл в этом хаосе — закрытие военных заводов, Пентагона, Сити-Холла или полицейских участков? И Джордж считает это слишком грубым и вульгарным. Я действительно ну никак не могу с этим согласиться: мне кажется, настоящих революционеров осталось настолько мало, что они вроде бы не должны так поверхностно путать своих единомышленников с врагами. А Джордж очень занят, чтобы писать вам лично.

Спасибо за вашу посылку. Хотя по многим позициям мы не схожи, надеюсь, вы еще что-нибудь нам пришлете, ну а с ответами у нас не заржавеет.

Но почему, почему надо начинать именно с музеев?! Хотите напасть на богов, атакуйте религию; хотите остановить кровопролитие, атакуйте механизмы войны; если вы против угнетения — атакуйте общественное устройство. И только ли это «безграничные претензии и вульгарность», а не всевластие кусачей, как клопы, буржуазии? Если так, то мало этого призыва, чтобы начать революцию. Та сила, что перевернет вверх дном систему, не будет исходить от меньшинства несовершеннолетних, вовлеченных в эту культуру, — сила выйдет из масс, угнетенных системой. И большинству из них наплевать, открыт Музей современного искусства или нет, и существует ли он вообще — у них более насущные проблемы: отправятся ли они умирать во Вьетнам или их настигнет в спину ментовская пуля. Их прошлое — унылая юность в позорной рутине школьной десятилетки в мире, в котором они выросли. Их настоящее — продажа своей человечности по ежедневным восьмичасовым частям в обмен на квартплату и продуктовую лавку, и не потому, что их деятельность так уж необходима, а потому, что так установлено властью предрежащими.

Так что, конечно, ПУСТЬ БОРЬБА НАЧИНАЕТСЯ. Но надо не кусать за пятки, а бить в больное место.

С любовью, Луиза Кроули

Дорогая Луиза,

Очень может быть, что поспешность твоей «незамедлительной реакции» помешала тебе более внимательно прочесть наше заявление (если так, посылаем еще одно), но, полагая все же, что ты его прочла, я надеюсь, что несколько наших пояснений помогут тебе развеять некоторые сомнения.

Сначала ты задаешь вопрос: «Зачем начинать с музеев?» Как я понимаю, ты недоумеваешь, почему именно там, ведь мы нигде не упомянули, что все должны начинать именно с этого и присоединиться к нам; совсем наоборот — это мы заявляем, что присоединяемся к общему движению, «открывая новый фронт». Мы, конечно же, отдаем себе отчет: сила, что перевернет систему вверх ногами, не выйдет из меньшинства несовершеннолетних, но мы перестаем быть этим меньшинством, присоединяясь к борьбе по всему миру, у которой множество фронтов.

Будучи людьми действия, мы говорим: «Разрушайте музеи», хотя нас мало волнует Современное Искусство, оно для нас лишь символ тотального угнетения человека. Почему житель гетто нападает на обнаглевшую шпану, а не на стоящих за ней более могущественных банкиров или на всю капиталистическую систему в целом? А потому, что человеку свойственно бороться с тем, что представляет прямую опасность. Такие вещи очевидны, и как революционеры мы надеемся, что это будет воспринято с пониманием общей картины или хотя бы приведет к более глубоким выводам. Ты сомневаешься в серьезности наших намерений за эти нападки на музеи. Но ты должна была понять, что мы видели это лишь как часть более широкомасштабной борьбы, когда соотносили себя с «герильей», с «неграми», когда вроде бы ясно написали, что «стремимся к тотальной революции: к культурной, социальной и политической».

Как я понял, затем ты сомневаешься, что культурная революция имеет отношение к революции в широком смысле. То, что ты видишь находящимся в культурном пространстве лишь меньшинство — часть громадного заблуждения, включающего в понятие

культуры только относящееся к западно-буржуазной модели. Вьетнамцы борются против уничтожения своей культуры так же, как и против уничтожения своей страны. Африканские революционеры всегда были вовлечены в сохранение своей культуры перед лицом колонизации. И в этой стране чернокожий становится все более отчужден от своей культуры, даже появление джаза не помогло. И мексиканцы, и пуэрториканцы, и индейцы хотят сохранить себя.

И уж точно, что никакая из этих народностей не связана музеями так, как мы, а ведь именно с нашей колокольни более заметен упадок их культур. Но их культура — жизнеспособная, которая, мы надеемся, прорастет в Америке; животворящая культура, исходящая из живого человеческого духа. Этим мы можем заменить удушье школьного образования, бесчеловечный город, идею работы, в которой нет необходимости, и все гробящее жизнь, вместо того чтобы дать произрастать ей в полной мере. Такое невозможно без революции — невозможной, в свою очередь, без деятельной силы. Так что закрывайте военные заводы, Пентагон, Сити-холл или полицейский участок, но не останавливайтесь на этом. Пусть падет и эта культура.

FF

Альбер Камю: интервью для Demail¹. Выпуск 24–30.10.1957

¹ Французский телеканал.

Понятие «искусства для искусства» идет вразрез с Вашим отношением к нему. Понятия «обязательство», «приверженность» также кажутся сегодня очень актуальными. Если обобщить, то теперь приверженность предстает как искусство, творимое в угоду политике. Мне видится, что здесь есть что-то более важное, характеризующее ваше творчество, которое отражает наше время. Верно ли это? И если так, то как бы Вы охарактеризовали это отражение?

Я согласен с Вашим выражением: искусство, отражающее свое время. Но, помимо прочего, это ведь еще и литература. Каждый писатель пытается облечь в форму слова страсти своего времени. Вчера это было

слово «любовь». Сегодня великие страсти единения и освобождения разрывают мир на части. Вчера любовь вела к смерти одного. Сегодня коллективные страсти приближают риск вселенского разрушения. Но, как и вчера, искусство хочет спасти от смерти живой образ наших страстей и страданий.

Вероятно, в наше время это труднее. Сегодня возможно влюбляться сколько угодно. Хотя одного раза достаточно. Но теперь нельзя оставаться офицером запаса. И так художник уже выпадает из контекста, оставаясь в своей башне слоновой кости, или выхолащивает свое дарование, скача галопом на политическую арену. И вот между этими двумя крайностями лежит трудная дорога подлинного искусства. Мне кажется, что в такой момент писатель должен глубоко понимать драматические события своего времени и принимать соответствующую позицию по отношению к ним всякий раз, когда может и когда осознает, какую может принять. И при этом он должен сохранять или восстанавливать время от времени определенную дистанцию по отношению к нашей истории. Любая работа по окончании предполагает удовлетворение и творца, обжигающего горшок. Поэтому художник, если он должен претерпеть несчастья своего времени, должен порвать себя и все на себе, но пройти через это и выйти с законченной формой. Такое непрерывное челночное движение и напряжение, постепенно возрастающее до очень опасного, — задача современного художника. Возможно, это означает, что на определенном этапе вообще не появится никаких художников. Но может быть, я и ошибаюсь. Это вопрос времени, таланта, а также счастливого случая.

Уверен, так и будет. Все, что нам остается, — это правда наших дней, которая глаза колет. И правда, которую я вижу, такова, что художник идет на ощупь во тьме, как и любой в общем-то неспособный защитить себя от мировых катастроф и пассивно желающий единения и тишины; мечтающий о справедливости, не видя в себе источника ее противоположности; ведомый, но пребывающий в уверенности, что сам ведет колесницу, размером больше, чем он. В этом утоми-

тельном приключении художник может только рассчитывать на чью-то помощь и, как многие, будет искать ее в удовольствиях, в забвении, в связях, в восхищении. И, как всякий, он обретет ее в надежде. Если говорить о себе, то я всегда черпал свою надежду в идее плодородия. Как и большинство людей сегодня, я устал от критики, от пренебрежения, от злобы, короче говоря, от нигилизма. Конечно, необходимо осудить то, что должно быть осуждено, сделать это быстро, но прежде семь раз отмерив. С другой стороны, нужно наконец и похвалить то, что этого заслуживает. И потом, на то я и художник, что даже сводящаяся на нет работа все еще что-то утверждает и помогает не отчаяться в нашей скверной и одновременно с этим такой великолепной жизни.

Когда человек говорит, как Вы, то не похоже, что это — лишь за себя. Почти неизбежно, что говорит он и за других тоже. И говорит он все это для чего-то. Другими словами, он говорит во имя чего-то или от лица людей, для которых это имеет значение. Кто эти люди и что это за ценности?

Для начала, я солидарен с обыкновенным человеком. Завтра мир, быть может, разлетится на кусочки. Есть какой-то урок истины в этой витающей над нами угрозе. И перед лицом такого будущего иерархии, звания, почести вырождаются в то, чем они являются на самом деле, — в клубящийся и рассеивающийся дым. И несомненным для нас остается лишь обнаженное страдание, общее для всех, переплетенное корнями своими с упрямой надеждой.

В Ваших произведениях можно найти и философский пессимизм, и, тем не менее, не оптимизм, а что-то вроде доверия. Доверие это больше к духу, чем к человеку, больше к природе, чем к вселенной, к действию больше, чем к результату. Вы думаете, такое отношение — по сути своей бунт, способствующий отвращению к абсурдности мира, — может быть воспринято большинством или это обречено быть понятным лишь немногими думающими людьми?

Неужели эта позиция действительно такая особенная? И разве нет людей, что не просто угрожают, а уже сопротивляются, живут таким образом. Мы задыхаемся, но держимся, предполагаем, что умираем от горя,

но жизнь опять побеждает. Люди нашего времени, которых мы встречаем на улицах, всем своим видом показывают, что они все понимают. Разница в том, что у некоторых больше смелости. Кроме того, у нас нет выбора. Будь то нигилист, сторонник тоталитаризма, буржуа или индивидуалист, воли не имеющий остаться в стороне, — все должны смириться с этим. Но каждый на своем месте и по своим понятиям должны делать то необходимое, что позволит нам всем жить вместе.

Лично я никогда не хотел оставаться в стороне. Для современного человека вероятность одиночества, полагаю, наиболее незавидная участь, которую уготовила нам наша эпоха. Я чувствую эту тяжесть, поверьте мне. Но все же я не хотел бы поменять эту эпоху на другую, так как осознаю и преклоняюсь перед ее величием. Более того, я всегда думал, что наибольшая опасность таит в себе и сильнейшую надежду.

Власти не пойдут на уступки, если не проявим настойчивость

«Раскрой глаза и смотри, как множество людей находится в состоянии молчаливого подчинения, осознай всю глубину несправедливости и беззакония, творимого по отношению к ним, и то, что это будет длиться до тех пор, пока они не станут сопротивляться словом, делом, или тем и другим».

Много лет чернокожие в черном поясе Алабамы были жертвами порочной системы политического, экономического и социального апартеида. Политический апартеид выражается разными способами: невозможностью голосовать на выборах, отсутствием присяжных в зале суда, закрытым входом в политику и — верх цинизма — жонглированием положениями закона, а порой и просто не принятием их во внимание.

Хотя чернокожее население составляет большинство в округе Лаундес, Алабама, у Демократической партии находятся для него лишь белые кандидаты, прилипающие к политике белой верховной власти. Организация освобождения округа Лаундес хочет видеть политиков, отзывчивых на нужды бедных, а это прежде всего образование, принятие честных зако-

нов, мощные дороги, нормальное жилье, качественное медицинское обслуживание и все, на что они надеются для себя и своих детей.

8 ноября у чернокожих жителей округа Лаундес будет шанс проголосовать за кандидатов, представляющих эти интересы. Кандидаты идут на выборы от Черных пантер и, если будут избраны, возьмут под контроль проведение в жизнь этих начинаний. Это будет контроль чернокожих, желающих, чтобы механизм управления округом работал на благо всех жителей округа Лаундес. ЭТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОПЫТКА ВАЖНА ДЛЯ ЧЕРНОКОЖИХ ВСЕЙ СТРАНЫ, А НЕ ТОЛЬКО ОКРУГА ЛАУНДЕС. ЭТА ПОПЫТКА НЕОБХОДИМА ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ЧЕРНОКОЖИХ.

ЧЕМ ВЫ МОЖЕТЕ ПОМОЧЬ:

Организации освобождения округа Лаундес нужны деньги на бензин, чтобы нам быть уверенными, что все пришли на выборы 8 ноября. Кандидатам нужны деньги на предвыборную агитацию, начиная с сегодняшнего дня и до 8 ноября.

Нужно, чтобы как можно больше народу узнало, что происходит в округе Лаундес.

В день выборов собрания в поддержку кандидатов должны быть поддержаны явкой избирателей округа Лаундес.

В день выборов вполне возможны подтасовка результатов голосования или разбойные нападения на Организацию освобождения округа Лаундес. Какая-то активность с вашей стороны может быть необходимой. Вы можете быть призваны на помощь.

ПОБЕДА ОРГАНИЗАЦИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОКРУГА ЛАУНДЕС — ЭТО НАША ПОБЕДА.

Вся история постепенного освобождения человека показывает, что те трудности, которые ты претерпел ради него... берут свое начало на ранних этапах борьбы.

Если нет борьбы, не будет и прогресса. Те, кто заявляет, что агитация против уже есть признак наличия свободы, похожи на тех, кто хочет пожать, не посеяв, кто ждет дождя без грома и молнии. Им нужен океан, но без грохота его многочисленных вод.

Это может быть моральная борьба, это может быть борьба с применением физической силы, это может быть и то и другое, но это должна быть борьба.

*SNCC 360 Nelson St. S.W. Atlanta,
Georgia 30313 Phone – 404688-0331
LOWNDES COUNTRY FREEDOM ORGANIZATION
Rte. 1, Box 191. Hayneville, Alabama*

BLACK MASK № 2 — ДЕКАБРЬ 1966

Тотальная революция

Далеким результатом этого сообщения станет объединение разрозненных выпадов в одну общую борьбу. Уже давно мы наблюдаем ослабление и постепенный упадок радикальных движений по причине их узкой специализации. Очевидно, что локальная борьба необходима, будь то фабрика, гетто или университет, но должно быть и внутреннее управление всеобщим сопротивлением. Профсоюзы заботятся лишь о заработной плате и условиях труда, что выхолащивает изначально присущий им радикализм. Движение негров за интеграцию попало в ту же ловушку, но сейчас призыв «Black Power» настаивает именно на самоуправлении, вдыхая новую жизнь в их борьбу. Ведь цель рабочих — контроль над средствами производства, особенно в связи с предстоящими переменами в автоматике и кибернетике, — направлена на сохранение прав обыкновенных людей (гарантируя им право голоса, когда работать уже не столь необходимо и предстоит повышение уровня жизни).

Как люди действия мы должны добиваться таких же перемен в своей области, чтобы, присовокупив их к борьбе на других фронтах, приблизить тотальную революцию. Нам не достаточно лишь эстетической революции, потому что без более широких изменений она ни к чему не приведет. Революционные убеждения творческого человека всегда были частью его страсти к более глубокому пониманию жизни и воздействию-

щих на нее сил, но без сосредоточенного старания в корне изменить их негативный вектор ему никогда не увидеть свой замысел реализованным. Мы знаем, как Ван Гог посвятил себя жизни и как его глубокая привязанность к ближнему была полностью подорвана. Сейчас его работа изолирована от жизни, силой удерживаемая в затхлом музее или еще хуже — по домам толстосумов. То же самое случилось с тем американским художником, который разработал одну из наиболее ра-

² Джексон Поллок (1912–1956) — американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма.

³ Высшая школа строительства и художественного конструирования, подарившая имя целому направлению в архитектуре XX века. Открылась в 1919 г. В 1933 г. была закрыта нацистами как расадник свободомыслия и левых идей.

⁴ Вальтер Гропиус (1883–1969) — немецкий архитектор, основатель Баухауза. В 1934 г. в связи с преследованиями и обвинениями в создании «церкви марксизма» уехал в США, где основал вместе с группой единомышленников Образовательный центр Гарвардского университета в Кембридже. Среди учеников центра — Йео Минь Пей, автор Пирамиды Лувра в Париже.

⁵ Ласло Мохой-Надь, (1895–1946), он же Мохоли-Наги — венгерский художник, арт-критик, теоретик кино — и фотоискусства, одна из крупнейших фигур в авангарде первой половины XX века.

дикальных перемен в современной эстетике, — с Джексоном Поллоком². Его работа совсем не предполагала послужить прославлению буржуазии, но уважение, что он снискал для американского искусства, было использовано для продажи кока-колы по всему миру. Искусство стало еще одним орудием империалиста.

Такую же неудачу мы можем увидеть на примере движения, даже более непосредственно добивавшегося соединения искусства и жизни. Германский Баухауз³, основанный Гропиусом⁴ в 1919 г., в своей основе имевший целью творческое объединение, которое бы функционировало в обществе и помогло поднять его на более высокий эстетический уровень. Этот эксперимент был подавлен с приходом Гитлера к власти, но его эффективность была направлена больше на капиталистический счет, чем на человеческие нужды. Это более всего заметно в Америке, где подобные идеи и программы были инициированы Мохой-Надем⁵, после его вынужденного отъезда из Германии, в Чикагском институте дизайна. Американская реальность присваивает идеи нормализации и упрощения и доводит их до бесплодия и бесчеловечности.

Сегодня эстетическая революция должна быть частью общей революции. Той, что приведет к появлению общества, где искусства будут неотделимой частью жизни, как в первобытном обществе, а вовсе не придатком к богатству. Общества, где человек сам управляет своей жизнью и экономическим благополучием своего общества. Общества, свободного от бюрократии и буржуазии. Общества, где «каждому по потребностям» есть правило, а не исключение.

Б.М.

Ниже приводятся выдержки из текстов тех групп, которые, как нам кажется, следуют в том же направлении (которое предвидели дадаисты и сюрреалисты) и отражают его универсальное значение. Эти несколько подборок не подразумевают полного перечня, так как есть и другие группы, международные и локальные, чьи тенденции схожи.

Ситуационистский Интернационал — Париж

Общество отчуждения, тоталитарного контроля, захватывающего потребления господствует везде, несмотря на меняющиеся идеологические или правовые маскировки. Связующий фактор в этой системе общества не может быть осмыслен без объемной критики, в которой такой общий план зафиксирован, — проект свободного творчества, проект возвышения людей над их историей на всех уровнях. Таково требование дела всех пролетарских революций, и эти требования по сию пору остаются присвоенными специалистами от власти, что предприняли наступление на революции, сделав их своей личной ответственностью.

Волна гнева — Лондон

Проще говоря, это концепция тотальной революции, что была упущена. Она измельчала до теории исправления экономической и политической структур, тогда как в наиболее радикальные периоды революцион-

ные движения воодушевлялись желанием перекроить саму природу человеческого переживания, построить мир, где желания каждого в отдельности могли бы исполняться без ограничений... В конце концов создать революционный праксис, после чего это общество и эта цивилизация могут быть уничтожены, раз и навсегда.

Бунтующий рабочий — Чикаго

Более, чем когда либо, ставя на карту все, мы считаем необходимым утверждать страстное использование самого опасного оружия в арсенале свободы: БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ — тотально разрушительная, абсолютный враг буржуазной культуры. ПОЭЗИЯ (вопреки литературе) — ее дыхание, как шелканье затвора, срывающее бледные флаги ближайших мгновений. ЮМОР — динамит и партизанская война разума, происходящая в голове так же эффектно, как и реальная уличная война (при необходимости, когда все серьезно, оба значения вступают в силу). ДИВЕРСИЯ — безжалостное и неумолимое разрушение бюрократической и культурной машинерии репрессии. Временами необходимо (а сейчас — именно такое время) сказать прямо: мы утверждаем бредовое и просто безграничное освобождение человека.

Возрожденное молодежное движение — Нью-Йорк
Мессианское видение всеохватной революции, преобразующей все социальные взаимоотношения, возрождающей концепцию Рабочего вместо нынешней концепции Капиталиста, было передано меньшинством радикального движения Анархистов, Синдикалистов и других сопутствующих еретиков духа, что направили европейскую культуру 20–30-х гг. в сторону Сюрреализма... Возрождение этой революционной теории есть возрождение Анархистской теории. Идеологии Социализма и Коммунизма не в состоянии воспринять развитие абсолютно свободной революции. Революция, которую мы планируем, — это революция разума, революция тела, революция души.

Ласло Мохой-Надь: Видение в движении (1947)⁶

Истинное в художнике — это тот то-чильный камень для органов чувств, что заостряет глаза, память и чувства; то, как он переосмысливает идеи и концепции на свой лад. Окруженный обширными социальными разногласиями, он не может избежать участия в них. Он встает на чью-либо сторону и провозглашает свою позицию, ведь на самом деле у художника довольно четкая идеологическая функция — в противном случае его работа может быть только упражнением в искусстве композиции. Гитлер знал об этом. Он пропагандировал всякую дрянь, пытался уничтожить современное искусство, науку и философию, представлявшие собой мощные источники оппозиции его мерзкой системе угнетения. В музеях и галереях он называл современное искусство «вырождающимся», сжигал книги, запрещал изучать теорию Эйнштейна.

Художник осознает, что искусство стоит в ряду прочих наших «высказываний». Разница лишь в том, что искусство скорее подвижно подсознательной расстановкой знаков, подразумеваемых культурным и социальным дискурсом на данный момент. Можно быть уверенным, что в этом пространстве будет больше возможностей для поиска новых выразительных средств, но только малая часть из найденного попадет точно в цель — в русло динамичного движения времени. Интуитивно выбирая точные эстетические или технические задачи, самый внимательный и продвинутый художник становится средством отображения содержания своего времени. То есть у формы и содержания вполне определенные направления. Работа художника соответствует тем творческим задачам в других пространствах цивилизации, что ставятся в тот момент.

Искусство может влиять на общественное решение проблем так же мощно, как социальные революционеры действуют посредством политического воздействия. Так называемая «аполитичная» сущность искусства — это заблуждение. Политика, свободная от взя-

⁶ В несколько иной редакции и в переводе с немецкого этот отрывок ранее опубликован в сборнике: Ласло Мохой-Надь и русский авангард. М: Три квадрата, 2006. С. 280–281.

ток, партийных привязанностей или более преходящих тактик, — в руках человека воплотить в жизнь подобные идеи о благополучии общества. Такое мировоззрение преобразовано искусством в эмоциональную форму и приносит плоды тем, кто осознанно существует в этой среде. Это наводит на мысль, что не только сознательная, но и бессознательная память хранит социальные идеи, которые затем переносятся специфическими выразительными средствами в искусство. В ином случае любая задача может быть успешно решена только путем интеллектуального или устного диалога. Но трудности начинаются, если разговаривающих слишком много. Массы движимы буржуазной идеологией, идеал мужественного супермена навязывается прессой и радио, книги и фильмы — побочное образование, которому люди с удовольствием предаются, несмотря на лицемерную поддержку случайных революционных идей. Их однажды убитая восприимчивость уже не воскреснет, чтобы осознать послания искусства, неважно, современное оно или старое.

Известная теория о пользе бережливости платит большую премию антихудожнику. Художников считают неженками, не выносящими участия в конкуренции. Это не только неверно, как и большинство клише, но и трагично, ведь сейчас искусство, возможно, единственное пространство, где договоренность не полностью подвержена изменениям настроения и где всемогущество мысли и независимость эмоции сохранены в относительной целостности. Доверяя интуиции и своим страстям, можно сохранить психологическое здоровье в порядке, особенно в периоды скрытого и открытого давления на независимость мысли. Слова о том, что «художник представляет сознание и память своего времени», являются хорошей характеристикой его функции. Никакое общество не может существовать без выражения своих идей, никакая культура и никакая этика не выживут без участия неподкупного художника.

Искусство представляет неподцензурное заявление своего автора и это одно из самых его замечательных свойств. Только живописец, писатель, компози-

тор — и никто, кроме них, — единственный хозяин своего исполнения. Чем проще его средство и чем меньше вложено сил, тем легче этому произведению избежать возможной цензуры и миновать пути неподдельной свободной выразительности.

С помощью своей восприимчивости художник становится сейсмографом событий и движений, что будут иметь последствия в будущем. Он уже интерпретирует туманную тропинку грядущих развитий, улавливая динамичность настоящего и освобождая себя от преходящих желаний и минутных влияний, но не без оценки того, куда они могут привести. Он заинтересован лишь в увековечивании и передаче своего видения. Вот, что материализуется в его искусстве. И он не может злоупотреблять такой возможностью. Бытие такого работника «полного дня», «профессионала», включает в себя и моральную ответственность. Вот почему сохранность существования бескомпромиссного и неподкупного художника так важна для общества... Глупый миф о том, что гений «страдает», — лукавая отговорка общества, которое не волнуют произведения его членов, если их работа не обещает немедленного технологического или экономического применения с просчитанной прибылью...

Каждое поколение отличается от предыдущего определением своих задач. Задача этого поколения — найти свои корни. Оно должно попытаться понять смысл своего предназначения, так чтобы каждый мог осознать основную цель жизни — сохранение и совершенствование биологической природы каждого вкупе с гармоничным существованием в обществе. Ценность такого существования будет определяться условиями взаимодействия, пользой для общества и личным счастьем. Эта новая жизнь требует нового подхода для решения проблем, социального механизма производства и творческого образования... Удовлетворив многочисленные требования этой эпохи, поставив человеческие ценности во главу угла, можно ожидать появления новой ментальности и нового типа личности. Общий знаменатель — это фундаментальное признание человеческих потребностей, предназначение —

взять моральное обязательство удовлетворить эти нужды, и цель — создавать что-то ради них, а не ради выгоды.

«Пушечное мясо умеет говорить». Заявление Денниса Мора

Вопреки чаяниям Пентагона, пушечное мясо умеет говорить. Оно говорит, что мы боремся не за «свободу» в Южном Вьетнаме, а поддерживаем гитлерообразного диктатора. Оно говорит, что не станет считать разумным истребление стольких людей, теорию превосходства, китайскую «агрессию». И еще оно говорит, что единственная иностранная власть во Вьетнаме — это Соединенные Штаты и что Вьетконг — это местная сила, пользующаяся поддержкой большинства населения и контролирующая 80% территорий.

Это война на истребление. Геноцид, имеющий в своем распоряжении технологии военной комнаты страха — от бомб до напалма, газа и дефолиантов. Американцы на полном серьезе являются жертвами своей собственной войны. Мы не победим без многочисленных потерь наших юношей и колоссальных растрат ресурсов, что крайне необходимы дома. Война лицемерна по отношению к бедности. Чем больше пушек, тем меньше масла. Война породила инфляцию, а центр тяжести переместился на рабочего человека. Прибыль корпораций взлетела до небес, а зарплата членов профсоюзов удерживается на трети в пользу «национальных интересов». Статья о бесплатных полдниках урезана на 80%. Готовы ли мы теперь признать — в качестве национального интереса, конечно, — недоедание наших детей взамен сожжения детей вьетнамских? Вот цена, которую мы должны заплатить за военные чудеса.

Совместное заявление «Троих из форта Худ»

Мы, ефрейторы Джеймс Джонсон, Дэвид Самас и сапер Деннис Мора, официально дислоцированные в форте Худ, Техас, в составе 142-го сигнального батальона, 2-й вооруженной дивизии. Мы получили приказ доложить 13 июля в оклендском военном пункте в Ка-

лифорнии о последних приготовлениях и отплыть во Вьетнам.

Мы решили выразить протест этой войне, которую считаем безнравственной, незаконной и несправедливой. Через наших адвокатов мы начинаем судебный процесс против министра обороны и военного министра с целью отменить наше отправление во Вьетнам. Мы намереваемся сделать свой доклад, но во Вьетнам ни в коем случае не поедem. Если возникнет такая необходимость, готовы дойти и до военного трибунала.

В своем лице мы представляем разные отделения армии и разные регионы Америки. Джеймс Джонсон — негр, у Дэвида Самаса родители из Литвы и Италии, Деннис Мора — пуэрториканец. Но говорим мы как американские солдаты.

Мы достаточно долго пробыли в армии, чтобы понять, что являемся не единственными рядовыми, кто чувствует то же самое. Многие люди на службе также не понимают, зачем эта война, и настроены против нее резко отрицательно.

До призыва Вьетнам воспринимался нами лишь как сообщение в газете о большом количестве убитых и раненых рядовых и вьетнамцах. Так или иначе, мы были против этого, но соглашались, что все идет по плану, и пребывали в уверенности, что уж мы-то точно туда не попадем.

Но в первый же день в армии нам сообщили, что мы отправляемся во Вьетнам. Во время обучения это часто повторяли сержанты и офицеры, и вскоре все приобрело совсем другой смысл, что заставило нас отнестись к своему положению очень серьезно.

Чуть позже Вьетнам стал реальностью, когда, например, какой-нибудь знакомый интересовался, как бы помягче сообщить такую новость своей девушке, жене или семье. После, решив эту проблему, он начинал выдумывать положительные стороны в этой ситуации. Положительного оказывалось немало: типа «ну кто-то же должен это делать» или «бабки неплохие заплатят», и даже «ведь это когда-нибудь кончится» — такие фразы можно было услышать в казармах и столовых, и исходили они из уст солдат, старавшихся поддержать

друг у друга убеждение, что война есть что-то само собой разумеющееся. В конце концов, что тут можно поделать? — Приказ есть приказ.

Спустя еще некоторое время война стала единственной темой, затрагиваемой в разговорах, и той точкой зрения, на которой сходились все: никто не хотел туда отправляться и, более того, ни у кого не осталось причин, чтобы соглашаться на это.

Очевидно, что вьетнамцы имели моральную и физическую поддержку большинства крестьян, боровшихся за независимость. Нам сообщили, что крестьянина и солдата практически невозможно отличить друг от друга — так они похожи.

Наш человек или наши люди в Сайгоне всегда были

⁷ Нго Дин Дьем (1901–1963) — первый президент Южного Вьетнама (1955–1963).

⁸ Нгуен Као Ки (р. 1930) — премьер-министр Южного Вьетнама (1965–1967), вице-президент (1967–1971).

жестокими диктаторами, с тех пор как Дьем⁷ в 1954-м впервые нарушил обещание Женевы о свободных выборах, намеченных на 1956-й.

Буддистский и военный мятежи во всех крупных городах демонстрируют, что население не желает оставаться под властью Ки⁸ и протестует

против поддержки его американцами.

Армия Сайгона призывает американских солдат не участвовать в военных действиях.

Никто больше не говорил «победить», потому что во Вьетнаме это не имеет значения. Офицеры говорят о еще пяти или десяти годах, чтобы в результате полмиллиона наших юношей оказались перемолоты в жерновах войны. Нам вдалбливали, что если во Вьетнаме нам встретятся местные женщины и дети, то мы должны их убивать. Мы никогда не поедem туда и не сделаем это для Ки!

Мы знаем, что огромное количество пуэрториканцев призвали в армию, и множество их погибло в боях, а нам из первых рук известно, что большинство — это те, что дома были лишены нормального образования и работы.

Мы трое, пока находились вместе, много обсуждали и пришли к не очень популярному выводу — война во Вьетнаме должна быть закончена. Но до поры до вре-

мени все это были только разговоры и мы не намеревались мутить воду.

Однажды, вернувшись в Техас, мы были извещены, что набраны рекрутами во Вьетнам. Все, о чем мы говорили, стало реальностью. Настало время кончать болтать и решаться. Отправиться во Вьетнам и наплевать на правду или остаться и бороться за свои убеждения.

Мы приняли решение. Мы не будем частью этой несправедливой, незаконной и безнравственной войны. Мы не хотим участвовать в истреблении. Мы против преступного злоупотребления жизнью американцев и государственными ресурсами. Мы отказываемся отправляться во Вьетнам!!!

«Трое из форта Худ» были осуждены на три года (Мора) и на пять лет (Джонсон и Самас) строгого режима. Их борьба должна быть поддержана. Геноцидное вторжение во Вьетнам должно быть прекращено. За дополнительной информацией обращаться:

*FORT HOOD THREE DEFENCE COMMITTEE,
5 BEEKMAN ST., 10TH FLOOR, NEW YORK, N.Y., 10038*

BLACK MASK № 3 — ЯНВАРЬ 1967

Тот, кто ничего не слышит, и не видит, и ничего не знает, принадлежит к огромному семейству сурков, которые никогда и ни на что не годились.

*Фр. Гойя. Серия «Капричios»,
офорт № 50 — LOS CHINCHILLAS*

Сурки

Пугающее наблюдение Гойи не только все еще верно, но оно реально актуализируется. Теперь, с распространением масс-медиа, количество сурков возрастает в геометрической прогрессии.

Многовековые сурки — в правительствах и в религиях — до сих пор распространяют свою ложь; ежедневно сжигая людей заживо, они обвиняют других в подстрекательстве к беспорядкам; они душат мысль и разглагольствуют о свободном самовыражении; молят-

⁹ Осенью 1964 г. в университете Беркли поднялось массовое движение студентов, протестующих против произвола администрации, ущемления своих гражданских прав и ратующих за свободу слова и за менее консервативную методику обучения. Движение, позже получившее название «Движение за свободу слова» (Free Speech Movement) имело ярко выраженную политическую окраску, а те события стали первым звеном в длинной цепочке молодежных бунтов 1960-х гг.

¹⁰ Student Nonviolent Coordinating Committee (Студенческий координационный комитет ненасильственных действий) — часть Движения за гражданские права в 60-е гг.

ся о мире и ведут войны — но их полку прибывает, а вместе с ними и то самое количество сурков. Те начинают шестерить уже в школах, которые почти превратились в фабрики пропаганды и дрессировочные лагеря для разрушительного и бесчеловечного общества. Что может быть печальнее, чем наблюдать 2700 студентов Гарварда, прощающих министра обороны Макнамару, чьи военные преступления скоро предстанут перед судом истории. Надежда не оправдывается не теми «хорошими» студентами, а теми, кто бросает школу и присоединяется к революции, или теми, кто продолжает бороться на образовательном фронте, типа как в Беркли⁹. Надежду не оправдывают скорее те студенты, которых «Нью-Йорк таймс» называют «нигилистами» (которыми те не являются), чем засевшие в Пентагоне «уничтожители».

Следующий материал, полученный от S.N.C.C.¹⁰ демонстрирует, как необходимы прямые действия, даже если либеральные сурки и их дружки-социалисты так не считают.

«В продолжение темы выборов в Алабаме 8 ноября: в результате перво-

го в жизни многих негров голосования белые землевладельцы выселили большое количество чернокожих работников на фермах с их земель.

В округе Грин Организация освобождения округа заявила, что имели место массовые выселения, вследствие чего семьдесят семей было изгнано с земель, бывших им домом многие годы.

В округе Лаундес из своих домов также изгнано несколько семей, живущих теперь в палатках. Гораздо большее число людей это еще ожидает по окончании сезона уборки полей. Наряду с выселением в округе Лаундес также произошло несколько жестоких нападений белых на чернокожих, что участвовали в выборах 8 ноября. Самым ужасным было избиение Эндрю Джонса, который был госпитализирован с проломленным черепом...»

Wall st. is “War” st. (Уолл-стрит — улица Войны)

Первой акцией Black Mask (октябрь 1966) было закрытие Музея современного искусства. Музей для нас был символом угнетения искусства (отчуждением творчества от жизни) — но это был один из запланированных нами штурмов: социальных, экономических и культурных. Следующая цель — это Уолл-стрит. Уолл-стрит ведет войну во Вьетнаме, направленную также на беднейший и рабочий классы американцев посредством урезания необходимых льгот и повышения зарплаты лишь на 3,2% от требований. Прибавьте к этому бесконечный призыв сыновей рабочих на поля сражений, чтобы безмерно удобрять почву их кровью. Мы не оставляем культурный фронт, но пока остановимся на взаимосвязях борьбы.

Защитники мира (в большинстве своем), конечно, имеют благие цели, но без ясного понимания связи выгод войны и того, как она удовлетворяет экономические нужды, им не видать мира. А система, держащаяся на внутренней и внешней эксплуатации, долго так не продержится.

В первую неделю февраля двадцать пять «замаскированных» людей пройдут по Уолл-стрит и переименуют ее в Улицу Войны. Соответствующее заявление,

¹¹ Кроме участия в Black Mask, Дэн Георгакас впоследствии стал известен своей книгой «Detroit I Do Mind Dying», повествующей о социальной и экономической безысходности жизни чернокожих рабочих в автомобильной отрасли США (Детройт по сей день является национальным центром автомобилестроения), а также о деятельности таких группировок и организаций, как «Черные пантеры» и Студенческий координационный комитет ненасильственных действий. Позднее Георгакас основал и возглавил творческое объединение «Креативные вандалы», пригласив в него всех друзей-литераторов.

составленное при участии Дэна Георгакаса¹¹, нашего брата и поэта, будет разбрасываться по всему пути следования с целью ознакомления с причинами акции.

WALL ST. IS “WAR” ST.

Торговцы плотью и кровью пронзительно кричат о Новых Границах – но гробы возвращаются в Бронкс и Гарлем. Спекулянты, играющие на бирже смерти, заключают обменные сделки со смертью. Прибыль возрастает до саванов ваших мертвых сыновей. Ядовитый газ орошает Вьетнам. Вы не можете оправдываться тем, что «ВЫ НЕ ЗНАЛИ». Телевидение выставляет палящие деревни как спасение ваших домов. Вы совершаете геноцид во имя свободы.

НО ВЫ ТАКИЕ ЖЕ ЖЕРТВЫ!

Если растет безработица, то вам дают работу – смертоносную работу. Если образование становится все хуже, значит, вы учитесь убивать. Если чернокожие начинают выражать недовольство, то они посылаются на смерть. Вот формула Уолл-стрит для великого общества!

Искусство и революция

Мы не являемся художниками, но мы и не антихудожники. Мы люди действия — революционеры. И как люди действия мы посвящаем себя строительству нового общества, но нам также необходимо разрушить его существующую пародию. Какое искусство заменит сгоревшие тела и мертвый разум, которые возможны в этом обществе? Как мы можем творить (если творчество и есть жизнь), когда жизнь уничтожена? Но мы должны. Мы должны найти те средства, что помогут нам заменить этот кошмар. Мы должны бросить новые семена — и словом и делом — не в одном месте, а в плодородных массах, не направляя их и не идя у них на поводу.

Нас не сдерживает ложное понимание искусства. Что нам действительно необходимо, так это форма,

что вместит всю полноту жизни. И это ложное понимание вовсе не было сфабриковано в прошлом. Сколько так называемых художников не было признано при жизни, их вспомнили позже, когда человек научился расширять свой кругозор. В примитивных культурах не было идеи искусства, лишь непринужденная реакция человека. Их творческие импульсы заключали в себе и духовное, и физическое: идола и орудия труда, известные и неизвестные, в конечном итоге всю полноту жизни.

Естественно, мы не можем вернуться к этому, даже если бы захотели (а мы не хотим), но можем идти дальше, и цивилизация с такими, как у нас, обильными ресурсами может и должна достичь цели, где эта полнота однажды снова станет господствующей, даже в большем масштабе.

Нам не хочется заменить старые правила на новые. Мы верим, что человек, однажды освободившись, почувствует свое предназначение. Свободный человек никогда не вернется в рабство по собственной воле, но все же необходимо препятствовать возвращению его в это состояние внешним воздействием — посредством образования и свободного творчества. Разные личности, разное окружение, разные эпохи определяли формы развития человека — каждая потенциально ценная часть целого, как и любая другая. Несколько примеров должно быть достаточно.

Революция в России вместе с социальными переменами принесла и культурные. Многие стали свидетелями смерти станковой живописи (мы всегда к ней относились как к мертвечине, как те творческие люди, сдавшие ее в утиль, что всегда искали большего, чем она могла предложить. Именно этим Ван Гог отличался от Бужеро¹²). Мы возвещали смерть «искусства для искусства», но это начинание опять было неудачным. Были ли на скальные надписи сделаны под «искусство»? Ради него ли творили примитивисты? А ранние христиане? А художники Возрождения, вроде Джотто¹³,

¹² Уильям-Адольф Бужеро (1825–1905) — салонный академист.

¹³ Джотто ди Бондоне (1276–1337) — придворный художник неаполитанского короля Роберта Анжуйского, главный архитектор Флоренции, основатель итальянской школы живописи.

или иные творцы на протяжении всего XX века, разразившиеся футуризмом? Произошедшее в 1917 г. стало шансом для творческого человека функционировать

¹⁴ Имеются в виду супрематизм и конструктивизм соответственно.

внутри социальной революции. Тогда было два главных направления: одно представлял Малевич, другое — Татлин¹⁴.

Теория лабораторного искусства, разработанная Малевичем, предполагала использование индивидуальной работы творческого человека в психологическом и физическом потенциале, сначала для расширения сознания, а потом для заложения базиса выбранного устройства человеческой среды. Другое направление, представленное Татлиным, предполагало перенос материальных нужд на творческое бытие. С тех пор многие пошли дальше прозрений этих основоположников, их психологических и социальных чаяний зарождающегося общества, а они оба стали частью революции. И только позже появившаяся бюрократия и наступивший сталинизм довели движение соцреализма до той точки, когда творчество закончилось.

В то же время (1917–1925) в разных местах у разных личностей были на то свои ответы. После войны на Западе воцарилось господство буржуазии, и там нельзя было ожидать следования курсом послереволюционной России. Но что-то похожее было даже там. Германский Баухауз занял позиции конструктивизма (иногда

¹⁵ Де Стиль (нидерл. "De Stijl" — «Стиль») — объединение молодых голландских художников, основанное в 1917 г. в Брюсселе живописцем Питером Мондрианом (1872–1944) и архитектором Тео Ван Дусбургом (1883–1931). Художники сплотились вокруг редакции журнала «Де Стиль», пропагандировавшего идеи рационализма и конструктивизма в архитектуре, мебели, оформлении интерьера.

их было целых две), в то время как голландский Де Стиль¹⁵ следовал скорее путем Малевича. Но затем появились дадаисты, сыгравшие совсем другую и очень важную роль. Они заминировали упадочное и отживающее общество, разрушение которого было бы выгодно всем. Как революционеры они выходили на улицы, и как люди действия они искали свержения извращенной цивилизации, опустошившей мир. Такой же целью руководствовались позднее сюрреалисты с их попытками проделать новый пси-

хологический эксперимент, а также сделать основной упор на настоящую революцию, то есть уничтожить буржуазию, а не надеяться направить ее по своему пути (последний вариант отчасти был распространен среди дадаистов, но не в Берлинской группе).

Мы представители новой эпохи. Мы научены прошлым, так ну его к черту. Мы можем черпать оттуда, ведь мы не так удачливы. Будет что-то похожее, а что-то будет отличным. Мы все усвоили, но лишь для того, чтобы отвергнуть это как удобрение, из которого в процессе естественного роста появится что-то новое и самостоятельное. В ближайшем будущем в мире найдется место кибернетизации, гонке вооружения и мировой революции, которой мы заражены и которой, в свою очередь, мы должны заразить других. В наших силах и наша обязанность переделать все, что нас окружает: физически и психологически, социально и эстетически, не оставляя ограничений каждому человеку. Будущее будет нашим, но не без борьбы за него.

Б.М.

В наши дни подлинное искусство передается из рук в руки вместе с революционной активностью, которая способствует тому, что капиталистическое общество ожидает беспорядок и разрушение.

Это они, молодые, кто унаследует будущее, они разрешат проблемы, которые не решили мы.

Андре Бретон¹⁶

Бертран Расселл¹⁷: О военных преступлениях США

Я обращаюсь к вам, граждане Америки как человек, обеспокоенный происходящим со свободой и социальной справедливостью. Многие из вас почувствуют, что ваша страна служила этим идеалам, и действительно в Соединенных Штатах сильна революционная традиция, берущая свои

¹⁶ Андре Бретон (1896–1966) — французский литератор, родоначальник сюрреализма, автор «Манифеста сюрреализма» (1924).

¹⁷ Бертран Рассел (1872–1970) — британский математик, философ, общественный деятель, убежденный пацифист. Протестовал против Первой мировой войны, частично изменил свои взгляды во время Второй мировой, видя в Гитлере угрозу для планеты. Был ярким противником войны во Вьетнаме.

истоки в справедливой борьбе за освобождение человека и социальное равенство. Такова эта традиция, которая была оклеветана теми немногими, кто руководит США сегодня. Большинство из вас не может обманываться в том, до какой степени промышленники контролируют страну и что частично их власть распространяется на многие области экономики во всех уголках планеты. Сегодня США контролируют более 60% мировых природных ресурсов, несмотря на то что население страны — это лишь 6% от населения всего мира. Недра Земли и плоды обширных земельных пространств находятся во владении очень малого количества людей. Я призываю вас внимательно слушать ваших правителей, которые подчас проговариваются о том, как широко в действительности распространена эксплуатация, за которой они стоят.

В «Нью-Йорк таймс» от 12 февраля 1950 г. написано: «Индокитай — это ценный приз за большой риск. Из его северных областей можно экспортировать олово, вольфрам, марганец, каменный уголь, лес и рис; каучук, чай, перец и шкуры. Даже перед Второй мировой войной Индокитай приносил дивидендов на 300 миллионов ежегодно».

Годом позже советник государственного департамента США сказал следующее: «Мы лишь частично использовали ресурсы Южной Азии. Тем не менее Южная Азия поставляет 90% мировой необработанной резины, 60% олова и 80% кокосовых орехов и кокосового масла. А также в большом количестве: сахар, кофе, табак, сизаль, фрукты, чай, специи, натуральные смолы и клеи, железо, нефть, масло и боксит».

И в 1953-м, когда французы все еще помогали американцам во Вьетнаме, президент Эйзенхауэр сказал: «Представьте, что мы потеряли Индокитай. Если бы это случилось, то ценные для нас олово и вольфрам могли стать дефицитом. Малой кровью мы предотвратили настоящую неприятность — потерю возможности использовать богатейшие территории Индокитая и Южной Азии».

Это делает очевидным, что война во Вьетнаме сродни оккупации Германией Восточной Европы. Что она

замышлялась ради сохранения контроля американских капиталистов над богатствами региона. Когда мы осознаем, что фантастические суммы, потраченные на вооружение, распределяются по промышленным контрактам между директорами и генералами, которые заказывали у них оружие, то увидим, что военная и тяжелая промышленность организовали неразрывный альянс для своей собственной выгоды.

Я призываю вас подумать о том, что было сделано с людьми во Вьетнаме американским правительством. Можете ли вы, положив руку на сердце, оправдать использование газа и ядохимикатов, которыми вместе с напалмовыми бомбами и фосфором забрасывали с воздуха целые деревни? Несмотря на то что американская пресса распространяла ложь, документальные свидетельства подтверждали ядовитую и смертельную для человека природу этих веществ. Напалм и фосфор горят до тех пор, пока жертва не превратится в пузырящуюся массу. США также используют «ленивую собаку» — бомбу, начиненную десятью миллионами остроконечных стальных щепок. Их постоянно сбрасывают на деревни, жителей которых просто-напросто разрывает на части. На одну из провинций Северного Вьетнама за тринадцать месяцев было сброшено порядка десяти таких бомб.

Нарушая торжественные международные соглашения, подписанные американскими президентами и ратифицированные американским Конгрессом, этот Джонсон совершает военные преступления, преступления против мира и человечности. Они совершаются потому, что правительство Джонсона существует за счет сохранения экономической эксплуатации и военного господства нескольких промышленных магнатов. ЦРУ, имеющее в пятнадцать раз больший бюджет, чем вся дипломатическая деятельность США, повинно в убийстве глав государств и в заговорах против независимых правительств. Такая зловещая активность направлена на уничтожение организаций и их руководства, что борются за свое освобождение от душащих рук американской экономики и политической тирании. Американский милитаризм неотделим от того

хищного капитализма, что повергает уже нынешнее поколение американцев в нищету. И таковы основные мотивы огромных масштабов варварств и зверских преступлений во Вьетнаме.

Я призвал высшее научное сообщество и выдающихся независимых людей по всему миру присоеди-

¹⁸ Известен также как Трибунал Рассела—Сартра. Создан в 1966 г. для расследования военных преступлений США во Вьетнаме.

ниться к Международному трибуналу военных преступлений¹⁸, который расслышит свидетельства, касающиеся преступлений американского правительства во Вьетнаме. Вы можете помнить, что немцы осознали сте-

пень своей вины, когда признали преступления их правительства. И никто не воспользовался этим, чтобы углубить это их чувство вины, сыпля соль на рану — говоря, что они все знали про газовые камеры и концлагеря, про пытки и увечья, но не остановили это. Я обращаюсь к вам как человек к людям. Вспомните о своей человечности и о чувстве собственного достоинства. Война против людей во Вьетнаме есть варварство. Это агрессивная и захватническая война. Все те американцы, что убивают вьетнамцев, нападают на деревни, захватывают города, используя газ и химикаты, сбрасывая бомбы на школы и больницы, — все они защищают выгоду американского капитализма. Люди, призвавшие солдат на службу, — это те, кто подписал очень выгодные для себя военные контракты. Это те, кто посылает роты американских солдат во Вьетнам охранять награбленные богатства.

(Полностью статья, откуда здесь публикуется отрывок, напечатана в National Guardian. За дальнейшей информацией о War-Crimes Tribunal обращайтесь в The Bertrand Russell Peace Foundation N.Y. office, 342, West 84th st. N.Y., N.Y., 10024).

Революция: теперь и навсегда

Мы прошагали по Уолл-стрит (10 февраля). Мы сменили ее название на «Улицу Войны». Уолл-стрит стоит, где стояла, и война продолжается. Но мы не бессильны, это чудовище можно остановить. Сначала нам нужно разоблачить врага, назвать его имя всему миру — «Улица Войны». Но мы не остановимся здесь, потому что Капитализм распространен по всей прогнившей цивилизации, известной как западный мир. Цивилизации, прогнившей до мозга костей.

И мы не первые, кто говорил об этом, но мы единственные, кто говорит об этом сейчас. Нижеприведенный отрывок взят из манифеста сюрреалистов «Революция теперь и навсегда», опубликованный в 1925 году.

«Где распространяется западная цивилизация, там исчезает простое человеческое общение, взамен возникают отношения, основанные строго на расчете наличными. Уже больше века у такого понятия, как благородство, есть своя рыночная стоимость. Вопиющая несправедливость. Ужасно, когда малоимущий человек неизбежно становится рабом того, у кого есть собственность. А когда такое угнетение выражается не

только в заработной плате и узурпации, а, например, в ростовщичестве в межгосударственных масштабах, то подобное беззаконие не искупит никакая резня...

Это наш отказ от принятых законов и наша надежда на новые, скрытые пока силы, способные повернуть историю, заставляющие нас обратить взор на Азию (так называемый сегодня третий мир). Нам необходима свобода, но такая, что основана на наших глубочайших духовных нуждах и на самых что ни на есть человеческих, телесных страстях. Настал час для нового мира. Европейские мифы и стереотипы уже замкнули свой порочный круг. Спиноза, Кант, Блейк, Гегель, Шеллинг, Прудон, Маркс, Штирнер, Бодлер, Лотреамон, Ницше — вот перечень тех, кто способствовал вашему краху. Это нашествие монголов на наши площади. Нас не тревожит, что это насилие может удивить нас самих и стать неконтролируемым. Наоборот, что ни случится, нам все будет мало. Наши поступки демонстрируют абсолютную уверенность в общности наших намерений, общности восстания, которое есть мера всех вещей. Мы — это восстание духа. Мы верим, что кровопролитная революция — это неизбежная месть духа, униженного вашими поступками. Мы не преследуем утопий, наша революция социальна. И если где-то есть люди, испытывающие на себе угнетение со стороны окружающих, то они не должны забывать, что революция — лучшая и эффективнейшая защита индивида».

Да, революция. Революция, чья сфера распространения сравнима с космосом (от телескопа до микроскопа), такая же сильная, как жители стран третьего мира или как ракеты, бороздящие безвоздушное пространство. Революция, которая разрушит западные устои эксплуатации вместе с теми вредными учениями — либерализмом и гуманизмом, во имя которых мир в открытую подвергается грабежу.

Кардинал Спеллман¹⁹ сказал как-то: «Война во Вьетнаме — это война за цивилизацию». Мы говорим: цивили-

¹⁹ Фрэнсис Джозеф Спеллман (1889–1967), первый в США агент Папского престола (с 1925), епископ в Бостоне (с 1932), архиепископ Нью-Йорка (с 1939), кардинал (с 1946). По некоторым источникам, работал на ЦРУ, имел связи с масонами.

зация, что ведет войны, подобные этой, не может быть разрушена до конца в скором времени. Мы не отказываемся от продолжения борьбы, а призываем восстать против цивилизации. Когда люди свободны, то продолжения этой задачи умножаются на тысячи — и тогда атомная энергия будет не сжигать, а согревать человека, и машины — не калечить, а помогать.

Мы живем в эпоху, когда достижения человека могут быть направлены на его благо, а не против него. Мы знаем, что должна сделать эта цивилизация. Но сейчас должно выбрать то, что будем делать мы.

Новый истеблишмент

Следующее письмо было отправлено Black Mask в “East Village Other”²⁰ несколько недель назад.

«Уважаемая редакция, статья Тимоти Лири “You are a God act like One”, опубликованная в последнем номере, является прекрасным образчиком двойных стандартов, которых мы и так наблюдаем вдоволь, — уже попахивает 1984 годом.

Нет, Лири, мы совсем не “Боги”, мы люди из плоти и крови. Люди, чья жизнь подавляется системой, которую ты так упорно защищаешь. “Пожалуйста, не надо никаких резких движений и акций протеста”. The Luce Publications²¹ многому учатся, глядя на это. И если много таких (таких, как в Уоттсе, в Санто-Доминго, во Вьетнаме), кто “не вовлечен”, то нам за них не стыдно. Тем более, что они вовсе не “отвлечены”, напротив, они выкинут вас на помойку — жадных до власти политиков, продавшихся поэтов, Богов с Мэдисон Авеню.

Что это за “наиболее практичный и освободительный месседж”, который несет нам пророк Лири? “Состояние вашего сознания зависит от того, что вокруг вас. Вы сами создаете

²⁰ “The East Village Other” (E.V.O.) — главная нью-йоркская андеграундная газета времен Black Mask, бывшая, кстати, одной из первопроходцев в этой области. Была образована членами Синдиката независимой прессы (the Underground Press Syndicate) — сообщества, объединявшего редакции печатных изданий такого рода, одним из постулатов которого был антикопирайт. Интересно, что одним из других членов Синдиката была газета “Rat subterranean news”, по сравнению с E.V.O. более политизированная, где среди прочего печатались листовки Motherfuckers — выходцев из переставшего выходить Black Mask.

²¹ Генри Люс (1898–1967) — влиятельнейший издатель. Основал журналы “Time”, “Life”, “Fortune”.

ваше окружение". Нет, Лири. Это не мы создаем наше окружение, оно зависит от таких извращений, как государство и бизнес. Но на обломках старого мы создадим новое, такое, где человеку не нужно будет становиться "Богом" (или священником), чтобы наслаждаться плодами этого мира; такое, где все люди будут "вовлечены" — вовлечены в жизнь во всей ее красе. "Не надо разрушений и акций протеста" — а как еще? Любой в том же Гарлеме может "вовлечься", но Гарлем от этого не изменится. Любой в Индии тоже может "врубиться", но голод не исчезнет. Может быть, ты, Лири, и можешь "врубиться" и забыть об этом, но мы — нет. На то мы и не "Боги".

В этом письме мы критикуем Лири, а не наркотики вообще. Наркотики есть и должны быть индивидуальным выбором каждого человека (а не преследоваться ментами и законами), но Лири — это совсем другое дело. Его защита религии и попытки замкнуть, а не распространить бунт, превращают его во врага наряду с ментами и законами. Стоит ли говорить, письмо так и не было опубликовано, и Лири все еще обитает на Олимпе, в то время как "E.V.O." подвизаются оракулами у "нового истеблишмента".

Этот новый истеблишмент имеет все те же контрреволюционные характеристики, что и старый: доминирующая роль религии — вместе с Лири можно наблюдать Аллена Гинзберга, что толкает индуизм и буддизм направо и налево (бесконфликтность — в этом случае заменяющая непопулярную сектантскую теологию, присущая всякой религии, что препятствует революции), а соответствующая пресса тут неподалеку. Главная опасность этого истеблишмента — это его "радикальная" мантия, скрывающая суть и обманывающая многих рассерженных молодых людей своим ложным — буржуазным и проспонсированным — "восстанием". Художники выражают протест войне в течение недели, а прислуживают капиталистам весь год. Поэтишки шумят в университетах, тогда как настоящие поэты кричат на улицах: "Жги, детка, жги!". Тот же East Village Other разглагольствует об анархизме, а сам проводит на редкость реакционную линию.

Являясь анархистами, мы особенно чутки к таким вот искажениям, суть которых можно продемонстрировать простым примером. В предисловии к “Интервью с анархистом” (так называемым анархистом, который видит революцию “почти невозможной” и поэтому предлагает ломать перфокарты I.B.M. и выводить из строя счетчики парковок — чтобы данному буржуазному ренегату, таким образом реализующему свое вполне объяснимое желание сохранить систему, лишней раз не попадаться на глаза ментам) редакция заявляет: “В США демократия закреплена положениями о том, что все люди рождены равными и имеют неотчуждаемое право самим распоряжаться своей судьбой. Нашему правительству присущи принципы анархии, выражающиеся в том, что каждые четыре года у нас есть возможность самим назначать администрацию путем ненасилия, заложенного в свободных выборах”. Чужь собачья, Америка совсем не демократическая страна, здесь право собственности выше прав человеческих. “Анархия” присуща правительству, но “анархизм” выступает против всех правительств. Мы не назначаем администрацию каждые четыре года, но лишь меняем тюремщиков, и нет никаких свободных выборов в том, что несколько людей контролируют богатства (будь то западные капиталисты или восточные государственные чинуши). Революция!”»

Б.М.

Поэзия исторгается из ружья

Безвольна и слабоумна любовь к жизни в спокойствии и неге без причастности к борьбе. Самым лучшим вариантом считается благодушное существование посреди насилия, учиняемого толпой военных и полицейских, которых принято благочестиво поругивать, но которым не принято противостоять на деле. И вот уже людишки ищут примирения непримиримого в надежде предотвратить насилие. Они стыдятся примкнуть к правым и боятся примкнуть к левым. Уходят в невразумительные облачные испаре-

ния мистицизма и ударяются в прелесть эстетства. Они устремляются в Индию в поисках тошнотворной религии, призывающей к сдержанности. Их эстетство выражается в хамелеонстве вроде позиций антиискусства и конца-искусства-о-чем-мы-все-в-курсе, растажированных в любых из бесчисленных похожих друг на друга публикациях, биллбордах, событиях, хэппенингах и так дальше — до блевоты. Для них нет важнее вещи, чем посреди творящихся безобразий умножать взаимные похвалы. Искусственные границы проводятся между внутренним и внешним. Безыдейность скрывают фразы вроде «мы-де подошли к концу политического». Объединение оппозиции объясняется ее зачинщиками разнообразными понятиями, включающими в себя всякую всячину: от Лао-цзы до Маркса, и это выставляется как некое новое просвещение. Но любой человек, кого ЛЮБОВЬ заставляла объявить войну врагу и прямо выразить свою Ненависть, считается монстром, копошащимся по углам Union Square. Законодатели мод объявили это сезоном костюмов, повышенного шума, интеллектуальных смешных книжек и всего фрикообразного во всей его красе. Но печальная правда состоит в том, что большинство авангардных фильмов скучны, а поколение 25-летних мало чему училось, а учить гораздо. Поп-арт и его единоутробные клоны уже почти достигли апофеоза реальности капитализма. Даже восстание против геноцида Вьетнама слишком часто сказывается лишь на чьем-то карьерном росте. Скорее делая вид, чем действительно борясь за статус-кво, культура хиппи украшает собой новые индустрии огромных империй ранее не предполагаемых выгод. Промоутеры капитализма присваивают Андеграунд и извращают протест, от которого отпадают его истинные причины. Погоня за вечными ценностями — это не более чем мягкая подкладка в железной перчатке империализма. Пока прелестные влюбленные голубки поют «Харе Кришна» в парках Манхэттена, дети в Азии подвергаются воздействию напалма. Обширная конспирация государственных

преступлений становится инструментом для величайших зверств и «бунтовщиков», протестующих с желтыми хризантемами и бумажными субмаринами. Колокол теперь звонит не по гуру Малькольму, но по системе, убившей его. Человек действия решается на поэзию подвига или оказывается выброшенным в общую могилу мертвых борцов и самоубийц из числа этой печальной обезумевшей нации. Человек действия не развлекает и не шокирует буржуев. Он их уничтожает!

ДЭН ГЕОРГАКАС

BLACK MASK № 5 – АПРЕЛЬ 1967

... У среднестатистического буржуа воображения меньше, чем у червяка, а больше всего на свете сердце его тревожит такая банальность как перемена погоды – погоды на фондовой бирже.

Х. Арп (дада, 1916–1920)

Держатель акций на Уолл-стрит не нуждается в анализе. Он знает только то, что у него есть его деньги и больше его ничего не волнует. Рынок рухнул в 1929 г. и эти «элитные» жители стали бросаться из окон. Продвинулись ли мы с тех пор? Что за самоубийственная нация! Превозносимая до небес война на всех парах высоких технологий мчит нас к смерти, а мы пичкаем себя наркотиками, куревом и выпивкой, тем самым приближая конец еще быстрее, и прибавьте к этому расширение территорий захоронения радиоактивных отходов и страхование жизни. Ситуация абсолютно ясная. Поэты возвещали нам на протяжении многих веков о том, что действительно необходимо... душа... любовь... что-то, во что можно верить... дух.

Правительства несостоятельны. Должны быть найдены культурные и социально-экономические решения, которые вернут нам творческие силы и отвернут

от разрушения. Надежды молодых людей не оправдываются, и настолько ли сильна наша механизированная культура, чтобы воплотить в жизнь стремления своих предтеч? Где все те тысячи, миллионы одушевленных студентов Беркли и молодежь Уоттса? Где бунтари, а не хиппи? Где те студенты, не согласные более с бубнежом профессоров, призывающих к свободе мысли, а на деле готовящих вас к спекулятивному обществу? Где те, кто больше не мирится с учебниками и дипломами той культуры, что постоянно нивелирует творческие силы, подавляет национальные меньшинства, душит самостоятельное мнение и грабит деревни в чужих землях, сжигая невинных жертв, чье единственное преступление состоит в сопротивлении военному самоуправству?

В то время как это правительство не отступает от вопиющих преступлений, проявляющихся в эксплуатации и массовой резне, в мире возрастают гнев и революционный дух. Как долго народ (отчужденный от всего остального человечества) может влачить жалкое существование при явной в такой жестокости силе и таком давлении? Как долго будет он поддерживать военную диктатуру по всему миру, когда она цветет и пахнет здесь, дома? Отказ признать свое поражение во Вьетнаме ставит вопрос ребром... «как поступит этот народ?» Применит напалм ко всякому, кто не согласен с его внешней политикой?

Революция! Не просто удовлетворение срочных социальных нужд, а тотальная революция — тотальная по отношению к обществу, что отрекается и уничтожает все бесценное для человека ради еще большей интенсивности потребления. Тотальная революция ради сокровенных чаяний человека, где есть место свободе духа и мысли. Свободе от бюрократического и экономического порабощения. Свободе от бесчисленных унижений и злодеяний. Свободе от Большого брата и тоталитарного разума. Свободе быть самим собой, если очень хочется.

P.X.

«Студенты» или революция

Рассуждая в общих чертах о революции, все же необходимо выделять ее главные силы, реально влияющие на социальные трансформации, а также те, что играют в этих процессах сопровождающую роль. Хотя и достигнуты определенные успехи на пути воспитания радикализма в среде американских студентов, не стоит забывать, что случилось это во многом благодаря тому, что, будучи еще студентами, молодые люди не почувствовали вкус власти, который дарит превалирующая экономическая система. И если рабочие и крестьяне непосредственно могут извлекать пользу из плодов своего труда (в промышленности или в сельском хозяйстве), то студентам в этой ситуации остается лишь быть потребителями (зрителями). Но, отвергая эту роль, они становятся способны вскрыть фундамент тоталитаризма, заложенный в нашу культуру, и перестают быть потребителями (зрителями) в обществе, которое требует не высовываться. Но это лишь середина борьбы, ведь однажды определяя роль зрителя, должно назначить кого-то и актером, на которого это общество однажды подействует так, как любой авторитарной структуре свойственно действовать, — силой оружия. С давних пор повелось, что в истории наиболее революционную роль играют те, кому почти нечего терять, те наиболее эксплуатируемые силы, для которых жизнь кажется все же чуть лучше, чем смерть. Это можно сравнить с тем, что сегодня происходит с чернокожими в Америке, а вовсе не со студентами (будь они белые или черные) — это ближе к событиям в Уоттсе, чем к произошедшему в Беркли. Однако у нас нет намерения поставить крест на студентах-леваках или заклеить их «пассивными», но, не являясь студентами, потребителями и зрителями, мы заявляем, что они могут играть свою революционную роль с тех самых пор, когда быть студентом — это, в конечном счете, значит проходить подготовку к бесчеловечному социальному порядку. Мы отказываемся от роли зрителя (студента), осознавая, что жизнь раскроется во всей своей полноте, если перестать признавать что-то менее значимое и приблизиться к

²² Вероятно, намек на слова из Евангелия от Марка: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей навредит?» (Марк. 8, 36).

тому пониманию, что «нечего терять, кроме этого мира»²², и, следовательно, приблизиться к революции. В реальности дело обстоит так, что студенты-активисты по окончании вуза вступают в общество «профессионалов» и ищут любой возмож-

ности радикальных перемен внутри этой насквозь прогнившей и в худшем смысле слова «антиреволюционной» формации. Уяснив это, нужно осознать, что профессиональный, либеральный и средний классы — как классы — не способны на революцию, так как остаются на привилегированных позициях в сложившемся обществе и рассчитывают на то, что все останется на своих местах. Все это не к тому, чтобы студенты бросали свою учебу, свои специальности, — гораздо лучше вообще выбывать из системы, которая, чтобы существовать, должна препятствовать их полной самореализации и определить им место, прямо противоположное служению гуманизму и революции. Но здесь мы должны решительно отвергнуть концепцию революции как отказа от политических махинаций, отвергнуть позицию зрителя и сопротивляться концепции революции как способности человека самому управлять своей жизнью и воздействовать на свое окружение посредством общественной деятельности во всех направлениях. Вот, что действительно необходимо педагогам, ученым, художникам и т.д., но эта нужда может быть удовлетворена лишь вкупе с настойчивыми требованиями их полного соучастия в социальном устройстве и, конечно же, ограниченная роль, предписанная сверху, — это не вариант! Истинный ученый или художник становится революционером, когда в своей работе бескомпромиссно расходует свою «карьеру», а частенько и жизнь (примером может послужить Вильгельм Райх, чье осознание своей роли как ученого было неотделимо от той социальной революционности, которую он постоянно находил, будучи не согласным с авторитарным обществом, и, спасаясь бегством из нацистской Германии, в конечном итоге, все же умер в американской тюрьме).

Бунт молодежи по всему миру²³

В Страсбурге, Франция, группа «студентов» попробовала новые, обнаруженные ими, методы революционной активности. Предлагаемый ниже отрывок является переводом брошюры, опубликованной участниками акции, чьей целью была ликвидация официозного бюрократического «союза студентов».

²³ Данный отрывок представляет собой выдержку из ситуационистского памфлета «О нищете студенческой жизни».

После долгого летаргического сна и перманентной контрреволюции борьба на время принимает новые формы. Молодым оставлена роль мальчиков на побегушках... Но на самом деле этот бунт молодежи против навязываемого образа жизни лишь предупредительный выстрел о грандиозных диверсиях, в которых будут задействованы все, кто страдает от невозможности так больше жить. Это прелюдия к грядущей революционной эпохе. Однако доминирующая идеология и ее ежедневные газеты (использующие проверенный механизм извращения действительности) могут выставить это реальное историческое движение — саму Идею Молодежи, которая есть суть восстания, — фальшивкой. Но этой новой революционной молодежи помогает память о постоянных бунтах, возрождающихся с каждым новым поколением, которая действительно раскрепощается так, как это происходит с любым юношей, вовлеченным в серьезное дело. «Бунт молодежи» был и остается объектом завязатого обесценивания журналистами, превращающими восстание в «спектакль» с целью отчужденного рассматривания, препятствующего ему иметь реальное жизненное значение. И это — уже устойчивое и повсеместное — отношение необходимо для продолжения функционирования существующей социальной системы. И такое сопротивление, наоборот, успокаивает общество, потому что выставляется «частью жизни» и как явление ограничивается рамками «проблем молодежи» — как это случается с «проблемами женщин» или с «проблемами чернокожих» (которые позиционируются в качестве «проблем», для которых существуют ре-

формы взамен революционных перемен, очевидных при таком социальном кризисе. И таким образом, «негритянский вопрос» попадает под юрисдикцию «гражданских прав», а не, как требовал Малькольм Икс²⁴,

²⁴ Малькольм Икс (1925–1965) — деятель негритянского движения, поповедник «черного национализма», считается героем борьбы афро-американцев за свои права.

²⁵ «Черные куртки». Молодежные банды конца 50–60-х гг. в крупных французских городах. Подражали аналогичным бандам в США. Носили черные кожаные куртки, откуда и название. — Примечание цит. по: Ванейгем Р. Революция повседневной жизни. М.: Гилея, 2005. С. 163.

«Прав Человека». Это конец несправедливости, но не конец системы, ее породившей. — *Ред.*) В действительности если и существует «проблема молодежи», то это тот глубочайший кризис общества, все острее на этой молодежи отражающийся, и, что более всего удивляет, не студенческие волнения, а инертность взрослых.

Если вкратце, то в каждой стране *Blousons noirs*²⁵, выражая свой отказ от интеграции в общество, использовали насилие. Тем не менее даже такой абстрактный характер этого отказа не значит, что в своем кругу они не имели противоречий, которые так

роднят их с обществом, чьим неожиданным и нежеланным отпрыском они являлись.

Прово, первыми попытавшиеся пойти дальше «Черных курток», были по сути политической организацией. Они появились благодаря нашедшим друг друга отбросам разлагавшегося искусства, жаждавшим успеха, и массам революционной молодежи, искавшим

самовыражения. К моменту образования организации две эти тенденции вразнобой голосили о себе; большинство, не подкрепленное теорией, сразу почувствовало на себе опеку тут как тут появившихся сомнительных лидеров, пытавшихся злоупотребить его «силой», прикрываясь идеологией прово. Так как планы были далеко идущие — перманентная революция с целью изменить жизнь, иерархичная верхушка верила (как и Бернштейн²⁶ верил в реформы, превращающие ка-

²⁶ Эдуард Бернштейн (1850–1932) — один из деятелей германской социал-демократии, основатель так называемого ревизионизма. Подвергнув в своей первой книге (в середине 1890-х гг.) ревизии теоретические основы марксистского учения, Бернштейн в дальнейшей своей эволюции в конце концов дошел до самого правого фланга германского социализма.

питализм в социализм), что небольших поправок достаточно для перемен в повседневной жизни. Прово предпочитали решать локальные задачи, оставляя без внимания совокупность проблем... Утратив надежду изменить их в корне, они перестали надеяться и на те единственные силы, которые что-то значат при возможном рывке. Пролетариат является мотором капиталистического общества и, следовательно, представляет для него смертельную опасность: ведь все, что делается для его (пролетариата) подавления (политические партии, бюрократия, полиция, уделяющая гораздо меньше внимания собственно прово, колонизация всех сфер жизни), и является здесь и сейчас той единственной, реальной силой. (В Америке автоматизация и распространение стихийных забастовок способны привлечь к радикальным методам борьбы прежде всего чернокожих, пуэрториканцев, мексиканцев, обнищавших белых и неквалифицированных работников, а не высокооплачиваемых «рабочих». И в то же время нельзя забывать, что правительство до сих пор считает необходимым удерживать в тюрьме Джеймса Хоффу²⁷ — в ответ на выступления организованного рабочего класса. — *Ред.*) Прово ничего этого не понимали: неспособные внятно критиковать систему производства, они остались пленниками всей системы в целом. Во время бунта рабочих-антисиндикалистов они решили действовать методами хаотичного насилия, их лидеры были полностью аннигилированы самим движением и в этой неразберихе не придумали ничего лучше, чем осудить эти «эксцессы» и призвать к пацифизму, уныло отступившись от своих намерений эпатажного управления (с целью продемонстрировать его репрессивный характер) и восклицая, что были спровоцированы полицией. Крамольная теория прово могла бы подняться до революционной критики, лишь

²⁷ Джеймс Хоффа (1913–1975) — икона американского пролетариата. Занимал пост президента Международного братства водителей грузовиков с 1957 по 1964 г., пока не был обвинен в подделке документов и присвоении профсоюзных денег. Получил 13 лет, вышел через 7 — помилован Ричардом Никсоном. В 1975 г. Хоффа бесследно исчез с парковки в пригороде Детройта, где у него была назначена встреча с двумя представителями итальянской мафии.

отказавшись от таких лидеров и начав вновь спланивать реальные рабочие силы... И в их теории есть то, что могло бы присоединить их к настоящей борьбе. Но если им действительно хочется перемен, то нужно вывести на чистую воду тех, кто ищет здесь самоутверждения и самодовольства.

«Черта с два!»: Обращение коренных американцев

Это можно рассматривать как воззвание индейцев ко всем национальным меньшинствам Америки — а также к тем белым, у кого еще остались совесть и хоть какие-нибудь моральные ценности, — о формировании коалиционного движения, что будет бороться против нарушения прав людей в американском обществе, которое уже примеряет на себя униформу мирового полицейского...

Объективно говоря, численность народа индейцев сегодня вполне допускает то, чтобы каждый отнятый ранее акр земли вернулся обратно в их собственность, а все, что вернуть нельзя, было бы возмещено. Это требование возникло по той причине, что уже заложен экономический фундамент для нового построения индейского образа жизни. Непереносимы условия, в которых индейцы живут сегодня, условия, при которых люди не доживают до 45 лет. Если ли на свете более кроважидное преступление, чем это? Никакая другая прослойка жителей Америки не приближается к индейцам по такому вопиюще низкому уровню жизни. Пришло время раз и навсегда положить этому конец, этой грубой насмешке — попытке интеграции индейцев в общество, к которой они не готовы ни культурно, ни исторически...

Негр стремится к полной интеграции в американское общество. Сейчас он борется за то, чтобы его дети учились в одной школе с детьми белых; за свое право жить в одном районе с белыми; за то, чтобы иметь возможность устроиться на любую работу; за свои гражданские права; за преодоление любых проявлений расовой дискриминации в Америке. И он достигает своих целей, если это то, чего он действительно хочет.

Но не это — цель индейца (а также действительно и не цель чернокожих; смотри следующую статью. — *Ред.*). Он отчаянно борется за сохранение своей идентичности. Он не хочет отдать своих детей в школу для белых, не хочет и жить с ними по соседству...

Нет, индейцу необходим его собственный образ жизни, и кто оспорит это право? Для достижения этой цели он должен пересмотреть свои дипломатические отношения с международным трибуналом, в котором нации других цветов кожи имеют своих представителей и чьи решения будут окончательны. Чтобы дойти до конца, он должен объединиться с другими наименьшинствами в Америке для помощи друг другу в рассмотрении и удовлетворении жалоб. И в качестве девиза можно использовать старую поговорку: «Один за всех и все за одного!»

*The Survival of American Indians Assoc.
P.O. Box 719, Tacoma, Washington*

Консолидация афроамериканцев и пуэрториканцев

Вопрос культурной идентичности чрезвычайно важен для афроамериканцев, потому что в этом нам всегда было отказано. Общество разными способами дает нам понять: чтобы быть успешным, быть интеллигентным, быть красивым, человеку нельзя быть чернокожим. Например, когда люди в США говорят об интеграции, то всегда приводят примеры с чернокожими детьми, у которых есть возможность учиться вместе со своими белыми сверстниками; с чернокожими взрослыми, у которых есть возможность жить по соседству с белыми. Это все равно, как сказать, что ничто, связанное с чернокожими, не может быть хорошим. Общество поучает нас пытаться во всем походить на белых, заставляя стыдиться того, какие мы есть, — доходит до того, что некоторые стараются выпрямить волосы. По всей стране, особенно на Юге, чернокожим отказано в изучении их истории и культуры — их науськивают лишь на то, что они ничего не стоят. В схожей ситуации оказываются пуэрториканцы, приезжающие в

США, также испытывающие давление с целью заставить их принять ценности доминирующего общества, чтобы «достичь успеха».

Black Power означает освобождение от тирании white power-образного устройства США. Это значит, что мы сами будем управлять своими афроамериканскими общинами. Что мы сами будем вершить свою судьбу. Что мы будем сильны на политической и экономической сценах...

Но наше мировоззрение не охватывает лишь общество, где одни черные будут управлять другими черными. Желаемое нами общественное устройство не является деспотичным и капиталистическим. Это общество, где возобладает дух братства и человеколюбия. Мы не хотим того лишь, чтобы деньги чернокожих остались в их карманах; мы хотим, чтобы они оказались в общем кармане. Мы стремимся к согласию в бизнесе, банковском деле, в жилищном вопросе. Мы хотим, чтобы школьное образование расширило свои возможности и перестало ассоциироваться с группой администраторов, не понимающих проблем общества.

Вследствие этого мы хотим изменить расстановку сил в мире. Слабые должны почувствовать свою силу. Вот причина, по которой мы отказываемся воевать в рядах американской армии против вьетнамцев. Американская армия состоит преимущественно из афроамериканцев. Их заставляют сражаться против наших братьев. Нам говорят, что мы воюем за так называемую «Демократию», но мы чувствуем лицемерие подобных заявлений. Мы на своей шкуре чувствуем, что означает американская демократия. И по этой причине мы абсолютно — я повторяю: абсолютно — против призыва юношей любой национальности, так же угнетаемой, как наша. Если нужно бороться, мы будем бороться — но только на своей земле и ради освобождения наших людей. У нас один ответ на призыв: черта с два!

Мы, солидарные с нищими и обездоленными, должны объединиться. Братья пуэрториканцы, объединимся, чтобы достичь нашей общей цели. Силы угнетения, несмотря на их могущество, лишь меньшинство по

сравнению с силой, которой владеют все угнетенные в мире. Мы должны помнить слова о том, что бедняка не сломить, ведь он крепко стоит на земле.

*Из речи Стокли Кармайкла²⁸ в Университете
Пуэрто-Рико 25 января 1967 г.*

BLACK MASK № 6 — МАЙ—ИЮНЬ 1967

«Черта с два! Чернокожие не пойдут!»²⁹ В ожидании 15 апреля, когда намечается разворачивание Мобилизации, обитатели Гарлема объявили о своем митинге в Central Park West³⁰. Не имея официального разрешения на это собрание, они все же прошли по Седьмой авеню, без полиции, баррикад и без санкций. Вот крики из-за деревьев: «Мы присоединимся!» Сотни людей рассекают процессию, выбегают из парка, перепрыгивая через скамейки, ограды, сбивая с ног случайных прохожих. Войнуствующие настроения чернокожих распространяются!

Пятьдесят девятая улица увешана революционными плакатами, черными флагами, флагами N.L.F. (Фронт Национального Освобождения). Толпу из восьмисот или девятисот человек охватило какое-то массовое, стихийное движение: им стало ясно, что улица принадлежит им! (В то время как сторонники «мира» и буржуи беспомощно прохладжались в Центральном парке, не подозревая о тех, кто вышел из ряда вон.)

Шеренгами по двадцать пять человек процессия проходит по Седьмой авеню. Из-за такого затора уличное движение парализовано — прохожие изумленно таращат глаза. Полиция не понимает, что происходит. Чернокожие в первых рядах, революционные силы, анархисты и некоторые из тех, кто еще даже не осо-

²⁸ Один из наиболее радикальных лидеров Студенческого координационного комитета ненасильственных действий, выдвинувший лозунг black power — «власть черным». В этот период радикализация всей африкано-американской субкультуры достигла такого уровня, которого не было ни до, ни после, а лозунг «Власть черным» стал средоточием радикальных идей.

²⁹ Каноническое «Hell no — we won't go». По одной из версий, изобретено Эбби Хоффманом.

³⁰ Улица в Манхэттене.

³¹ Всеяпонская федерация студенческих самоуправляемых организаций. Была организована в 1948 г. Известна своими открытыми маршами и протестами против политики правительства. Упразднена в 1960 г., после заключения Пакта о ненападении между США и Японией. Но с тех пор и по настоящее время любая организация, заявляющая о схожих с Зенгакурами идеалах и методах, подписывается их именем. Даже сейчас таких объединений несколько (Лига демократической молодежи Японии, разные фракции Японской революционно-коммунистической лиги).

³² Линдон Бэйнс Джонсон (1908–1973) — президент США в период 1963–1969 гг.

знал, что уже не является кротким и бесполезным «демонстрантом». Эти люди присоединяются к японским Зенгакурам³¹, к студентам Испании и Латинской Америки. Революция! Нет реформизму!

«Черта с два! Мы не пойдем!», «Эй-эй-эй, Эл-Би-Джей³², сколько ты убил детей?» — это можно было услышать на Таймс-сквер. Стоял адский шум. Шеренги в двадцать с лишним человек, революционные стяги, то здесь, то там вокруг призывного пункта — поистине сюрреалистическая картина! Подначиваемая революционерами, толпа перемещается на Сорок вторую улицу (гарлемский контингент поворачивает на Сорок шестую, в сторону ООН). Перепуганные водители закрывают окна. Движение на самой загруженной улице в городе прекращено!

Со стороны Первой авеню приближалась полиция! Вдруг те, кто шел спереди, сгруппировались — они-то и оказались отрезаны от остальных живым кольцом полицейских и смяты. Но эта группа оказалась сильной и, неожиданно для жесткой стратегии полиции, легко отбилась и вырвалась.

Об этом не сообщала ежедневная пресса Нью-Йорка, но это случилось, и это должно повторяться вновь и вновь!

ДЖЕНИС МОРЕА

Прошедшая 15 апреля массовая Мобилизация, обернувшаяся 300-тысячной демонстрацией в окрестностях ООН, закончилась. Война продолжается! Два важнейших взгляда на «движение сопротивления» обрисовывают вышеприведенный отчет об этом «освободительном» марше — ставшим и в плане психологии, и плане действия первым вырвавшимся за пределы установленных предписаний проведения митин-

гов, а также «символических» протестов с присущей им верой в возможности моральных убеждений, и проложившим путь к дальнейшим действиям. Мы публикуем оба мнения, благо они вносят вклад в общее дело – прекращение не только войны, но и того, что ее порождает. Но еще важнее заключенная в них идея сопротивления, основанная на непрекращающейся социальной и экономической борьбе, являющейся фундаментом для войны глобальной. Другими словами, они содержат мысль о более радикальном характере протеста.

«Сопротивление»

Реакция на Весеннюю мобилизацию за окончание войны во Вьетнаме, перепечатанная из информационного бюллетеня «Новоорлеанского движения за демократическое общество».

Наши читатели могут вспомнить, как в нашем предыдущем бюллетене мы выразили свое отношение к «Весенней мобилизации», заявив об отказе поддерживать ее со своей стороны.

Мы обращали внимание на то, что — первое — демонстрации в Нью-Йорке и Сан-Франциско, в центрах, имеющих давние традиции политической активности, не способствовали организации необходимого и долговременного движения, в перспективе которого была бы борьба с правительством и включение представителей угнетенных классов во властные структуры, а движущей целью — построение политической и экономической демократии; и второе — это тот недемократический путь, по которому пошли манифестанты и их сторонники, приведший к тому, что никто не поддержал идею организации движения, которое бы контролировалось его участниками, а не несколькими лидерами...

Вспомним «Марш на Вашингтон за рабочие места и свободу»³³ 1963 г. Был ли кто-то освобожден? Кто-нибудь (кроме организаторов) получил работу? Расизм, как мы знаем, это сердцевина американской экономической и политической системы. Вы не покончите с расизмом, дойдя до

³³ Марш лидеров правозащитного движения на Вашингтон, состоявшийся 28 августа 1963 г., один из крупнейших ненасильственных маршей протеста в США, во время которого Мартин Лютер Кинг произнес свою известную речь «У меня есть мечта».

Вашингтона и умоляя правительство прекратить угнетать чернокожих. А для этого необходимо взять власть над политикой и экономикой в свои руки.

Правительство США осуществляет агрессию по отношению к народу Вьетнама — Северного и Южного — на протяжении вот уже тринадцати лет, или двадцати, если считать от начала поддержки французского империализма. Война во Вьетнаме — это не ошибка; это результат тщательно разработанного, хоть и не всегда успешного, плана поддержки и развития американского экономического порабощения Юго-Восточной Азии. Никакие демонстрации, никакие «широкие массы» и «долг» не убедят правительство США и крупные корпорации оставить в покое Юго-Восточную Азию! Южному движению должно быть абсолютно ясно, что мы, как и они, сможем почувствовать себя победителями над иностранной и местной, угнетающей нас и насильничающей над нами, полицией правительства, только когда возьмем в свои руки власть над экономикой и политикой.

Разве не братья мы для вьетнамского народа, борющиеся наравне с ними против общего врага, угнетающего нас? Или мы просто занимаемся устрашающей риторикой посреди неприкрытой жестокости направленной на геноцид войны, желая, чтобы наши правители придумывали все более софистические доводы сохранения «этих назойливых ниггеров и узкоглазых» на своих местах? Главный лейтмотив действий участников «Весенней мобилизации», как мы увидели, была постановка вопроса: война или мир? И они — за мир.

Но вьетнамцы относятся ко всему этому по-другому. Для них важнее их освобождение, а затем уже — мир. Они не будут жить в варварском «мире» американского империализма. Они предпочтут умереть свободными, но не жить в рабстве... Для вьетнамцев свобода их страны от зарубежной оккупации и внутригосударственной тирании не может быть предметом сделки. Мы и множество людей поддерживаем их. Но нам кажется, что это касается не только Вьетнама, но и нас самих. Мы будем бороться за построение движения «борьбы», да, мы поборемся за борющееся и побеждающее движение. Так как тирания не терпит ничего,

что было бы направлено против ее экономической и политической власти, мы намереваемся организовать движение, которое отвоюет властные структуры с целью передачи управления ими народу.

Мы не являемся и никогда не превратимся в «лояльную оппозицию». Мы не лояльны по отношению к американскому империализму. Наша лояльность распространяется лишь на американский народ и его освобождение. Вьетнамцы и любые другие в мире угнетенные и борющиеся люди — это наши братья, их враги являются и нашими.

Я полагаю, что этому нужно положить предел; когда теперешний хаос в левом лагере немного стихает, мы можем ясно увидеть на одной стороне тех, кто в этой стране не чувствует себя угнетенным и, следовательно, не видит, каково положение угнетенных здесь и во Вьетнаме, а на другой стороне — тех притесняемых, что готовы объединяться с другими товарищами по несчастью. Мы надеемся и верим, что наши братья из южного движения сделают свой выбор и последуют примеру героического вьетнамского народа: лучше бороться за освобождение, чем жить в мире как рабы.

Если мы сопротивляемся, то мы победим.

ЭД КЛАРК

Революция или национальное освобождение?

Наша поддержка вьетнамского народа не подлежит сомнению. Это не «война», а неприкрытая агрессия со стороны огромной силы, направленной на завоевание маленькой нации, отсталой в своем развитии (технологически, но не культурно) по экономическим и политическим причинам. Говорить здесь о переговорах преступно; даже призывать к немедленному и полному выводу войск — всех американцев, военных и гражданских, — недостаточно, ведь теперь мир полон потенциальных Вьетнамов, куда эти подразделения снова будут направлены. Мы ищем корень этого варварства — американский капитализм. Но достаточно ли и этого? Был ли капитализм ранней или поздней формой тирании над человеком (в своей сегодняшней форме это абсолютно так)? Мы думаем, что нет! Вследствие этого

призыв к его отмене — одновременно «внутренний» и «внешний» — должен сопровождаться тем, чем мы хотим его заменить. Не «национальным освобождением», а «тотальной революцией».

Такова ирония, что Вьетнам, позиционируемый как «война за освобождение» (Юга) и защита его от нападения северян, во многих своих проявлениях ближе всего к тому, к чему стремимся мы, если взглянуть в истинные причины их борьбы. Север под угрозой американской бомбежки вынужден был отступить, оставив контроль над многими землями в руках ограниченного личного состава, без какого-либо участия в этом Ханоя, в то время как на Юге «освобожденные» земли были оставлены в управлении местных жителей, среди которых почти нет бюрократов. Мы убеждены, что эта ситуация изменится, когда война закончится, предполагая, что у американцев не было приказа о тотальном разрушении Вьетнама (и Севера и Юга). Естественная функция правительства — подавлять (управлять) массами будет утверждаться раз за разом. Однажды, когда закончится война, народные массы должны будут еще побороться за сохранение полного контроля над землей и средствами производства, чтобы воплотить в жизнь главную цель — восстановление коммунистического (свободного) общества, а не «социалистического государства». Не «Национальное освобождение», что снимет с Вьетнама оковы иностранного господства, но вергнет экономику в лапы менеджеров и бюрократов, а «Революция» со своими

собственными организациями самоуправления, советами рабочих и коммунарами. Не «Национальное освобождение», а «тотальная революция во всем мире».

Б.М.

³⁴ Клефты — греческие крестьяне-партизаны, боровшиеся против турецкого господства. Они нападали, главным образом, на местных турецких феодалов и представителей турецкой администрации, а также на греческих землевладельцев-кодзасов, которые и дали им прозвище «воры». Об их подвигах сохранились многочисленные народные песни.

Клефты: поэты-воины³⁴

Байрон и Шелли были поэты-клефты. И Маяковский. И де Сад. Они братья греческих разбойников, вы-

бравших свободу горных вершин вместо рабства под турецким игом. Со своих горных бастионов клефты совершали набеги на богачей, на предателей, на угнетателей. Часть добычи доставалась жителям деревень, которые скоро осознали, что клефты (воры) являются их истинным выражением, их душой. А по ночам эти клефты собирались у костра, танцевали и пели друг другу песни. И в долинах юноши, слыша их, один за другим смело поднимались на вершины гор. Эти танцы, это мужество, эта поэзия клефтов были сутью освобождения. Как Бодлер на баррикадах Коммуны. Как Лорка. И Лумумба тоже был поэт. И Сидящий Бык³⁵ исполнял Танец Солнца³⁶ накануне боя с Кастером. И Лерой Джонс³⁷ с партизанами Уоттса сочинял кантос клефтов. И даже в ядовитом котловане белой Америки племя клефтов поднимается на войну с Истеблишментом и Спектаклем. У поэта-воина есть цимбалы и есть оружие, и хунта это осознает.

ДЭН ГЕОРГАКАС

Шестеро из Гарлема

«Шестеро чернокожих молодых людей, старшему из которых двадцать, были пожизненно заключены под стражу в штате Нью-Йорк. Такое обвинение — это убийство. Оно, конечно же, было сфальсифицировано, но, в любом случае, приговор еще не окончательный. Эти ребята — деревенские, и они дали присягу нести свободу вьетнамцам. И путь их лежит если не в тюрьму, то в азиатские джунгли — защищать основы морали западного мира. Но нравственные законы, которые на них давят, не могут быть приняты ни вьетнамцами, ни кем-либо другим, кто еще хочет остаться в живых...»

³⁵ Сидящий Бык (1831–1890) — выдающийся вождь и религиозный лидер племени хункпапа-сиу. Сидящий Бык имел массу последователей среди всех племен лакота как противник переселения в резервации и подписания несправедливых договоров. С 1863 г. сражался против американских войск. 25 июня 1876 г. объединенные силы сиу и шайенов разгромили войска подполковника Кастера при битве на Литтл Биг Хорн, штат Монтана. Сидящий Бык был убит при попытке ареста сержантом индейской полиции Красным Томагавком.

³⁶ Индейский ритуал накануне боя: находясь в трансе, шаман предвидит будущее.

³⁷ Эверетт Лерой Джонс (р. 1934), больше известен как Амири Барака (новое имя взял, приняв ислам в 1967 г.). Ультрарадикальный поэт, марксист, рьяный афроамериканский националист, икона всех маргинальных рэперов вроде Public Enemy.

«Я обращаюсь к вам, от имени всего человечества, с призывом, ради нашего общего спасения, присоединиться к протесту против грубого нарушения всех прав, учиняемого по отношению к этим людям...» (Джеймс Болдуин)³⁸.

³⁸ Американский писатель, чернокожий.

В 1960–1970-е гг. активно участвовал в движении за гражданское равноправие. В своих романах и эссе, среди прочего, поднимал вопросы расизма, насилия, других аспектов взаимоотношений американских народностей.

За дальнейшей информацией о Шестерых из Гарлема, за копиями обращения Дж. Болдуина, откуда выше приведена цитата, обращайтесь в Chapter Group, Box 245, Cathedral Station NYC 10025. Требуются денежные средства для подачи в апелляционный суд и т.д.

Итак, у нас есть Шестеро из Гарлема. Или шесть тысяч, или шесть миллионов — жертв насильственного расизма. «Легальных» или нелегальных, все равно. Джеймс Пауэлл убит полицейским, находящимся не при исполнении служебных обязанностей (Нью-Йорк); Леонард Дедвайлер убит полицейским при исполнении (Лос-Анжелес). Четверо убито в Гарлеме в 1964-м. Тридцать четыре — в Уоттсе в 1965-м, а сколько еще тысяч? Геноцид. И вот сейчас: летние вылазки, с разговорами о бунтах. Но бунтов все нет, одни разочарования; злость, восстания угнетаемых. Нет бунтов, лишь бешеное насилие тех, кто сам постоянно испытывает его на себе. Не жестокость полиции была искрой для пламени — жестокость жизни и есть пламя. И жизнь не меняется. И летние вылазки. И не видно конца как жестокостям, так и репрессиям. А негры обвиняют во всем эти «бунты».

Крепостное право было насилием, как и капиталистическая эксплуатация труда есть насилие (собственность — это тоже насилие!). Но нет — это лишь жертвы, которые жестоки. Есть намерение мобилизовать национальную гвардию — опять насилие. Вооружаем полицию — насилие. Вторгаемся в гетто — насилие. Выражаем неудовольствие — снова насилие. Но нет — это лишь жертвы, которые жестоки. В Кливленде хотят устроить что-то страшное с местной чернокожей молодежью — насилие. Национальная стрелковая ассоци-

ация формирует вооруженные отряды — насилие. В Атланте вооружены даже работники наземного транспорта — насилие. Но нет — это лишь жертвы, которые жестоки.

Пока общество основано на насилиии, альтернативы такому положению вещей нет. «Вот поэтому мы революционеры, а вовсе не от того, что мы отчаялись, жаждем мести и движимы ненавистью» (Эррико Малатеста, 1922 г.)³⁹.

³⁹ Эррико Малатеста (1853–1932) — итальянский анархо-коммунист, треть жизни проживший за рубежом. Неоднократно экстрадировался из самых разных стран. Дружил с Петром Кропоткиным и Михаилом Бакуниным.

BLACK MASK № 7 — АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ 1967

Уже существует новый динамизм — заправленный наукой и подожженный революцией. Перехватывающий эстафету футуризма, дадаизма и сюрреализма на том месте, где они остановились. Там, где они предприняли покушение на революцию в «искусстве», мы должны изменить саму жизнь. Нам нужны такие средства, что разрушат границы между искусством и политикой, и эти средства — революция.

Всякая культура призвана ограничивать такие средства, которые могут быть восприняты искусством, и самое малое, что нам необходимо — это уничтожение такой культуры. Наше искусство — это подмена жизни, а наша культура оправдывает совершеннейшую нищету повседневной жизни. Призыв к революции не может содержать в себе что-то меньшее, чем «абсолютность». Смены власть предержащих недостаточно, мы должны наконец изменить саму жизнь. Человек должен иметь возможность полностью контролировать то, что происходит вокруг него, — в социальной, экономической и культурной сферах. Мы выражаем свое «НЕТ»: власти, отчужденной от народа; элите (называет она себя революционной или нет), управляющей политическими процессами; отделению политики от всей остальной жизни. То же самое должно произойти и в культуре: «абсолютная» культура не нуждается в экспертах и художниках — она нуждается лишь в людях.

Все или ничего

Слишком долго мы являлись свидетелями перерождения революционной мысли в обличие аргументов, берущих вверх над методами; как будто бы единственное, что могла родить левая, — это вопрос «как?», а не «что?». Настало время ответить на это не только формально, но и содержательно: не только умствованием, но и действием. Ведь в совокупности они революционны, а по раздельности это уже трагедия.

Если целью является передача власти народу, то средствами должны стать революционные учреждения: рабочие советы, общинные советы, коммуны и т.д.

Если целью является культурное, социальное и экономическое освобождение людей, то средством должно выступить уничтожение «культуры».

Если целью является раскрепощение естественно-го человека, то средства должны быть как сексуальными, так и социальными.

Если цели «абсолютны», то таковы должны быть и средства — все или ничего.

Б.М.

Временами, посреди бунта и разрушений, превращавших некоторые части города в поле боевых действий, там царила поистине карнавальная атмосфера.

N.Y. TIMES. 7/16/67.

Губернатор Хьюз говорил после осмотра улиц, служивших местом действия восстания: «Но что больше всего вызвало во мне отвращение — так это та праздничная атмосфера... это все равно, что смеяться на похоронах».

TIME. 7/21/67.

Да! Мы смеемся на этих похоронах! Бедный, расстроенный белый англо-саксонский протестант Хьюз. Естественно, он не может понять истинную причину и страсть человека к тому, что он называет бунтом «криминала». Он принадлежит к отмирающему виду, к последним представителям системы, на чьих похоронах

мы не можем не повеселиться вволю. Признающий любое объединение только в случае его интеграции в систему, он раздражается от их радости, от их праздничной атмосферы, от того, как они выходят за пределы потребительского порабощения и таким образом выходят за пределы его компетенции. Он прав в своей глупости. Очевидно, что патриотическое дерьмо не смирится с афро-американцами. Конечно, «они не так ненавидят белых, как они ненавидят Америку». Америка, в том виде, как она есть, эксплуатируется и подавляется маленькой кучкой белых, чисто вымытых, хладнокровных бандитов. И к их неудовольствию такой Америкой прибавится то, что Чернокожий Человек не останется без поддержки!

ТОНИ

Революция или ее выкидыш

Революция терпела неудачу и будет терпеть неудачу до тех пор, пока сама суть государства остается прежней. В революционные моменты люди оказываются кастрированы бюрократическим аппаратом государства и его институтами контроля и принуждения. Лживые теории организации привели к подавлению желания человека самому вершить свою жизнь. Тот, кто понимает всю природу неудачи революции, понимает, что революционный проект должен быть радикально пересмотрен. Повсеместное самоуправление, в котором сознательно участвуют все, должно быть целью, а революционная организация советов послужит ей адекватным средством. Коллектив как противоположность личному самоуправству должен восторжествовать.

История показала, что в разгар революционной борьбы организация рабочих советов, создававшаяся для управления производством, оказывалась моментом революционной истины. Сейчас же новый пролетариат состоит из рабочих и не-рабочих, которые не властны над своим общественным положением, над целью и конечным результатом своей деятельности. В борьбе между властью и новым пролетариатом рабо-

чие и не-рабочие советы станут органами, с помощью которых люди смогут участвовать в решении политических, социальных и экономических вопросов, влияющих на их собственные жизни. Граница между этими дутыми категориями, так же как и граница между работой и досугом, в конечном счете исчезнет. Потребительское производство будет заменено производством для жизни. Теперешняя сущность работы исчезнет и будет заменена новым способом свободной активности. Новый пролетариат исчезнет, когда исчезнут основы потребительского производства — необходимая работа, война, власть над автоматизацией, табели о рангах. Советы могут стать универсальной формой для реализации всего этого.

Борьба против потребительского производства, против идеологии (а в любой идеологии всегда есть что-то сектантское) во всех ее обличиях, против государства и навязываемых им ересей будет вестись рабочими и общественными советами. Роль советов не будет заключаться в самоуправлении существующим миром, но в беспрестанных и качественных преобразованиях. Абсолютное освобождение человека зависит от его способности самому свободно обустроить свою жизнь. Если революционный проект окажется состоятельным, то должен быть сделан шаг в сторону от настоящего прислуживания в системе. Попытка человека самому организовывать свою жизнь в такой момент не

должна пресекаться. Жизнь, а не прислуживание, самоуправление, а не парабощение должны быть целью. Иначе не будет никакой революции.

КЭРОЛ ВЕРЛАН

⁴⁰ Здесь приводятся выдержки из двух предисловий Вильгельма Райха, впервые опубликованных в изданиях «Сексуальной революции» в 1935 и 1944 гг. Компановка отрывков принадлежит редакции Black Mask. Перевод цитируется по русскому изданию: Райх В. Сексуальная революция / Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового, общ. ред. и предисл. В.П. Наталенко. СПб.-М.: Университетская книга, АСТ, 1997.

**«Сексуальная революция»
Вильгельма Райха (1935, 1944)⁴⁰**

Социальные понятия XIX века, определявшиеся чисто экономическими факторами, неприменимы к характеристике мировоззренческого расслоения в борьбе вокруг вопросов куль-

туры, идущей в обществе XX столетия. Упрощая ситуацию до краткости формулы, можно сказать, что социальные конфликты бушуют сегодня вокруг интересов сохранения и поддержания жизни, с одной стороны, и интересов уничтожения и подавления жизни — с другой.

Совершенно ясно, что социальный вопрос, поставленный столь конкретно, учитывает живой процесс жизни в каждом, даже беднейшем члене человеческого сообщества. И в этой связи в огромных масштабах возрастает значение, которое я 15 лет назад придал сексуальному угнетению. Благодаря исследованиям в области социальной и индивидуальной сексуальной экономики мною была выяснена роль подавления любовной жизни детей и юношества как важнейшего механизма формирования послушных подданных и людей, пребывающих в состоянии экономического рабства. Дело, следовательно, не в том, предъявляется ли в доказательство того или иного образа мыслей партийный билет белого, желтого, черного или красного цвета, а, вне всяких сомнений, в том — и здесь навсегда исключаются всякие возможности социального обмана — одобряются ли полностью, поддерживаются ли и охраняются возможности свободного проявления жизни. При этом совершенно неважно, с помощью какой идеологии, в каком государстве, с позиций ли «пролетарской» революции или защиты «капиталистического» строя, с использованием аргументов какой религии (иудаизма, христианства или буддизма) происходит такое подавление. Сказанное неопровержимо и имеет силу повсеместно до тех пор, пока существует жизнь и пока хотят делом доказать серьезность демократических идеалов, раз и навсегда покончить с социальным обманом масс трудящихся людей.

Экономический процесс, т.е. развитие машин, функционально идентичен с процессом развития психической структуры человека. Этот последний процесс порождает, стимулирует или тормозит экономическое развитие, испытывая, в свою очередь, его влияние. Экономика немыслима без действующей

структуры человеческих влечений, точно так же, как и, наоборот, человеческие чувства, мысли и действия невозможны без экономических основ и последствий. Однозначность каждой из обеих систем взглядов обосновывается в психологизме («Одни лишь душевные силы человека творят историю») и экономизме («Историю творит одна лишь техника»). Следовало бы меньше говорить о диалектике, а постигать живые взаимоотношения между группами людей, природой и машинами. Как функция они образуют единство, одновременно обуславливая друг друга.

На практике никогда не удастся овладеть современным культурным процессом, не поняв, что ядром психической структуры является структура сексуальная, а культурный процесс в значительной степени есть процесс удовлетворения половых потребностей, происходящий на основе сохранения жизни.

Именно в этой малозаметной жизни, а не за дипломатическими завтраками совершается на деле то, что называется большой политикой. Поэтому нельзя более откладывать политизацию так называемой частной жизни людей. Если бы миллионы жителей Земли понимали смысл деятельности дипломатов, то все было бы в порядке. Развитие общества и удовлетворение человеческих потребностей не направлялись бы более в соответствии с интересами фабрикантов оружия и повесткой дня разных открытых и тайных совещаний...

Экономический строй последних двухсот лет сильно изменил структуру человеческой личности, и все же это изменение малозначительно для всего человечества по сравнению с негативными последствиями, которые принесло в наш мир подавление естественной жизни, прежде всего сексуальной, начавшееся много тысяч лет назад. Подавление влечений на протяжении тысячелетий создало в массовой психологии почву, состоящую из страха перед властью, послушания, невероятной скромности, с одной стороны, и садистской жестокости — с другой. На этой почве только и может сохраниться частное капиталистическое хозяйство, проявив все свои разрушительные свойства.

Но при этом мы не забываем, что именно социальные и экономические процессы далекого прошлого послужили причиной изменений структуры человеческой личности. Следовательно, сегодня речь идет не о существующей двести лет проблеме промышленности, а о насчитывающей уже около шести тысяч лет психической структуре человека, которая до сих пор оказывалась неспособной поставить машины на службу человеку. При всей грандиозности и революционности открытия закона капиталистической экономики его одного недостаточно для решения проблемы зависимости и самоподчинения человека.

Ядром же счастья в жизни является счастье, вызванное сексуальным удовлетворением. Никто, обладающий политическим весом, не осмелился поставить данное утверждение под сомнение. Сексуальность — частное дело, не имеющее ничего общего с политикой. Таково было и таковым остается общее мнение. Реакционеры думают иначе!

Капиталистическая классовая мораль выступает против сексуальности, порождая тем самым противоречия и бедствия. Революционное движение снимает эти противоречия, выступая поначалу с идеологических позиций за удовлетворение половых потребностей, а затем закрепляя эту свою позицию с помощью законодательства и переустройства сексуальной жизни. Следовательно, капитализм совпадает с общественным сексуальным угнетением, с одной стороны, в то время как «революционная мораль» — с удовлетворением половых потребностей, с другой. Сказав «новая революционная мораль», мы не говорим ничего. Эта новая мораль получает конкретное содержание только благодаря упорядоченному удовлетворению потребностей, причем не в одной лишь половой сфере. Если революционная идеология не осознает, что именно это упорядоченное удовлетворение потребностей и является, наряду с прочим, ее конкретным содержанием, то, хотя эта идеология и провозглашает новую мораль, она остается на деле в плену старых фактов.

Ньюарк

Единственное, что может сдерживать угнетение со стороны правительства, — это та сила, которую демонстрирует народ, убеждая тем самым, что ему есть что противопоставить.

Противостояние может быть как открытым, так и скрытым; но оно существует всегда, даже когда правительство не проявляет внимания к недовольству и набирающим обороты движениям протеста, кроме тех случаев, когда возникает реальная опасность восстания.

Когда народ смиренно подчиняется закону или его протесты слабы и ограничиваются словами, правительство заботится лишь о своих интересах и игнорирует нужды людей. Когда же протесты сильны, упорны и угрожающи, то до правительства начинает кое-что доходить, и оно либо удовлетворяет требования, либо прибегает к насилию. Но, так или иначе, ситуация все равно закончится бунтом, ведь, если правительство не удовлетворяет требования, начинается восстание; если правительство все же идет на компромисс, то народ становится уверен в своих силах и требования его возрастают. А когда несовместимость между свободой и властью становится очевидной, то вероятность насильственной борьбы становится очень велика.

Поэтому всегда нужно быть готовым, морально и материально, и, когда придет время, народ выйдет победителем.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА, 1920 г.

И вот слова этого итальянского анархиста спустя сорок лет снова становятся явью — в Ньюарке. Мы должны начать осознавать, что это уже не бунты, а скорее, как заявил губернатор Хьюз, «акты восстания», — и мы должны действовать соответственно. Наши вылазки за пределы гетто по милости национальной гвардии становятся все более похожи на трагедию. Пока у чернокожих есть поддержка белых рабочих районов, у них будет уверенность в своих силах. Их общая сила выражается в том, что оскорбить одного — значит

оскорбить всех.

Хотя наших братьев расстреливали в Ньюарке, чернокожие рабочие не отходят от своих станков.

Хотя наших братьев расстреливали в Ньюарке, чернокожие солдаты умирают, защищая белых.

Хотя наших братьев расстреливали в Ньюарке, другие гетто ждут своей очереди.

Поймите, что это революция и нам необходима революционная солидарность. Если они хотят уничтожить наших братьев, они должны уничтожать всех нас — и белых, и черных.

Движение революционной активности⁴¹

В конце концов, мы должны собрать все недостающие детали. Те же самые менты, что «не смогли» уберечь Малькольма Икса, теперь не скрывают заговор о покушении на жизнь Роя Уилкинса-младшего⁴² (NAACP)⁴³. Те, кто сами являются убийцами, сейчас выступают в роли арестовывающих «убийц», оправдывая свои преступления и одновременно с этим ища возможности задавить всю оппозицию. Но, пытаясь сфабриковать обвинения к «Движению революционной активности», они разоблачают свои собственные страхи. Они создали предпосылки для протеста и теперь хотят дать деру.

Этот прецедент демонстрирует новое обострение в войне против чернокожей Америки. До настоящего момента они оставались в ожидании так называемого «бунта», с целью арестовать и подавить чернокожих повстанцев, но теперь решили действовать первыми, и в этом деле пресса играет главную роль. Она должна послужить появлению исте-

⁴¹ Военизированная организация радикальных черных националистов, следовавшая линии китайского марксизма с ленинским уклоном. Создана в 1963 г. Максом Стэнфордом и другими активистами, поддерживавшими правозащитника Роберта Ф. Уильямса (1925–1996), обвиненного в похищении людей и бежавшего на Кубу в 1961 г. В 1966 г. ДРА учредили Клуб любителей ружей и пистолетов на Ямайке, чтобы постоянно практиковаться в стрельбе.

⁴² Рой Уилкинс (1901–1981) — правозащитник, с 1931 по 1934 г. был заместителем генерального секретаря Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения.

⁴³ National Association for the Advancement of Colored People (NAACP) — Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения. Крупнейшая негритянская общественная организация, основанная в 1909 г. с целью добиваться равноправия чернокожего населения.

рии и страха, которые помогут увидеть преступление там, где недостаточно для того доказательств.

Рассмотрим поближе дело ДРА. Они нашли запрещенные «оружие» и «подрывную» литературу и использовали как свидетельства «виновности». Они обвинили ДРА в намерении свергнуть правительство США — вследствие этого арестованные должны быть осуждены. Но в действительности большинство задержанных не являлись членами ДРА и не могут быть повязаны по такой причине. По существу, мы должны осознавать, что в этом заключается право самозащиты угнетенных — искать возможность уничтожить угнетателя. Пресса пестрела заголовками вроде «Запланированные убийства», но двумя днями позже прокурор округа Маккел отрицал, что было запланировано хотя бы одно. Полиция не смогла доказать ни одного преступного замысла, однако пресса разоблачила и объявила о целых шестнадцати. Правда, четырнадцать из них были раскрыты как «организация заговора с целью пропаганды преступной анархии». Обвинение такое обобщающее, что обращено на всех радикалов — белых и черных.

Это не дело о гражданских правах или о правах человека, это война. Сейчас она ведется против чернокожих, но мы — следующие. Чернокожие американцы призвали своих братьев объединиться или погибнуть. Мы взываем ко всем, к черным и белым, здесь и везде: мы должны объединиться или мы все вместе погибнем.

РЕДАКЦИЯ

BLACK MASK № 8 — ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ 1967

Новый пролетариат

В качестве прелюдии промелькнули мгновения восстаний чернокожих в июльские дни в Ньюарке и Детройте. Очертания революции уже обретают свою четкость, но осталось множество проблем: теория, организация, тактики — все это должно заиграть своими красками в ослепительном блеске горящих гетто, но

не для прояснения, а для того, чтобы быть подожженными и в своей совокупности приблизить нашу цель — Революцию.

Теория должна стать оружием, с помощью которого мы попытаемся объяснить, что происходит, и повлиять на то, что еще только произойдет. Здесь не может быть единой формулы, никаких поз типа «вы это делаете, а мы вас поддержим», всевозможных подмен реальных мыслей и действий. Настало время проверить на прочность затвердевшие концепции прошлых революций — не для того, чтобы заменить их новыми «правилами», но понять, что бесполезно, а что является постоянной величиной; что безвозвратно ушло в прошлое, а что возможно сегодня, одновременно оценивая на практике современные задумки. Революция — это не популярный вид спорта, и ее наступление не зависит от начала сезона, в ней не может быть новых звезд или новых сенсаций; здесь должны быть свои истоки, развитие и своя развязка. Тот лихорадочный поиск идеологии-однодневки сегодня точь-в-точь воплощает в себе то, как Маркс характеризовал общество капитала. Единственное различие в том, как устроились сегодняшние так называемые «левые». Они воплотили, овеществили революцию, и теперь это уже не вопрос социального переустройства, а «вещь», присваиваемая любым, кто все делает по книжкам, будь то цитатник Мао или «Революция в революции» Дебрэ⁴⁴.

Любой, кто превозносит сегодняшних богов, вроде Че или «black power», лишь удовлетворяет свою нужду в революционной позе, хотя революцией там и не пахнет. Действительно, не надежнее ли, чтобы жители стран третьего мира умирали за нашу славу революционеров, а чернокожие принимали на себя удар нашей борьбы? Примером может служить существующее политическое кумовство, при котором белого либерала сменил белый радикал — и что может быть более мнимым, чем их готовность уступить требованиям чернокожих? Что стоит за этим? Естественно, многие попытались

⁴⁴ Известный французский философ, писатель, публицист. Его книга «Революция в революции» в 1960-х гг. оказалась в центре внимания, потому что в ней говорилось о стратегии и тактике партизанской борьбы.

чем-то доказать свою честность, но это всего лишь новый патернализм⁴⁵ (типа как родители балуют детей) или, что еще хуже, манипуляция чернокожим населением с целью заманить его на свои войны. И если чернокожие решили перво-наперво держаться вместе со своими братьями, то белым нужно сделать то же самое — тогда никто не сможет укротить черную пантеру. Конечно, революция не имеет цветовых преград: если чернокожие могут это, то белым лучше учиться, и таким образом «власть революционерам» заменит «власть чернокожим», революция заменит национализм.

⁴⁵ Показная предпринимательская «благотворительность» в целях создания иллюзии заботы об интересах трудящихся.

Будучи революционерами, мы не должны принимать ничего на веру, не подвергнув это сначала революционной критике. Нам нужно найти те ценности, что мотивируют нашу борьбу. Если цель — социальное переустройство, то мы не можем принять реформы за способ ее достижения, даже если эти реформы происходят посредством холодного оружия. И то, что люди вели и ведут освободительные войны, не есть замена революционного видения. Мы не можем некритично поддерживать что-то одно и никогда не менять свои убеждения. Конечно, мы поддерживаем Фронт национального освобождения, выступающий против американской агрессии, но мы должны здесь обратить внимание вот на что: они всего лишь политические интриганы, которые используют для своих целей тех, кто не может их критиковать из страха потерять работу. А эти левые трепачи даже бровью не поведут, читая недавно опубликованную политическую программу ФНО — программу, продвигающую церковную собственность, частную собственность, капиталовложения и т.д., программу, годную для буржуев, управляющих борьбой, но не для ведущих ее крестьян. Конечно, реформы — на повестке дня, но народ за это долгое время реформ не добился ничего, кроме неизбежности другой борьбы — на этот раз против своих собственных буржуев. И никто из так называемых левых не оказался способен подвергнуть критике Дебрэ (или Фиде-

ля), когда те заменили отряды партизан массами. Они усложнили тактику, потому что запутались в теории, приняв часть за целое. У маленьких мобильных объединений (герилий) есть безусловное преимущество, и это давно не ново. Народ ведет борьбу таким образом уже тысячи лет и, не превращая это в идеологию, всегда находил возможность без ограничений адаптироваться к обстоятельствам и условиям, всегда оставаясь частью общей борьбы, а не чем-то заикленным на себе. Стратегическая мобильность является важнейшей частью (но частью!), когда в то же время необходимы массовые организации — не политические партии, но открытые организации, способные к борьбе, способные взять власть в свои руки, способные укрыть семена нового общества в шелухе старого. И здесь роль партизанских групп не может быть решающей, даже если это результативно с военной точки зрения. Для социального переустройства необходимы активность и созидательная роль масс, именно они должны взять власть в свои руки, как это было в случае с рабочими советами, свершившими переворот в царской России. Только пролетариат, взыскующий свободы, может нанести завершающий удар по государству. Будучи главной опорой экономики, он нуждается в самоуправлении, которое заключается в полнейшем разрушении всех иерархических систем: свобода новых систем — в их множестве, тогда как их множество станет подтверждением их свободы. Разумеется, мы не намереваемся заново формулировать положения XIX века или начала XX. Тогда пролетариат был рабочим классом, потому что экономика строилась на производстве и, соответственно, на пролетариате, не имевшем власти даже над собственной жизнью, но являвшимся источником власти для других. Но теперь все не так. Теперь у нас есть новый пролетариат, который не должен работать и требовать власти для того, чтобы система продолжала существовать без сучка, без задоринки. Теперь это — кибернетика и автоматика, ставшие основой системы, где нет места несущим новое знамя, реакция которых на это — «жги, детка, жги». Требования уже сосредоточиваются не на зарплате, но на власти,

ведь если машины выполняют работу, возникает вопрос: кому это выгодно? И если требованием рабочих на производстве было самоуправление, то требованием нового пролетариата это не будет. Вся власть рабочим и не-рабочим советам, ведь цель их одна и ее осуществление — это окончательная победа человека.

Культура и революция

Буржуазная культура — это наш враг, как, впрочем, и вся буржуазная система в целом. Не только Рембранты и Гёты, но и модернисты окажутся на помойке западной культуры. Наша история поучает лишь тому, как наживаться за счет других. Никакой художник не может быть ни кем иным, как компаньоном бизнесмена или империалиста. В такой ситуации невозможно произвести революцию в направлении в искусстве или обогатить содержанием произведение (а ведь культуру сохраняет именно приток новой крови). Культура как таковая должна быть уничтожена. Причины восстаний уходят на второй план, буржуазия просто получает удовольствие от новой темы в своей журнальной среде, присваивая себе понимание происходящего без его осмысления. Страсть к развлечениям удовлетворяется любым размножающимся говнизмом: попсой, оп-артом⁴⁶, мини-юбками, фанком и т.д. Весь этот новый бизнес вырос на костях дада и сюрреализма; новое прилизанное бескультурье, превращающее дада в институт: верлибр, уже в 1910-м объявленный футуристами устаревшим; хэппенинги, выросшие из дадаист-

ских театрализованных представлений; «подпольные» публикации (Oracle, E.V.O., Int. Times) о современном религиозном возрождении, не имеющем недостатка в святых, богах и гуру (Лири, Гинзберг и т.п.), и последние новинки — звуковая порнография The Fugs⁴⁷ и психоделическая спекуляция⁴⁸.

Хотя ранние движения (футуризм, дада, сюрреализм и т.п.) были необходимы как некий дух, состояние не-

⁴⁶ Направление абстрактного искусства, использующее оптические эффекты.

⁴⁷ The Fugs — нью-йоркская рок-группа середины 1960-х, исполнявшая сатирические песни на злобу дня.

⁴⁸ Psychedelic переводится с английского в том числе и как «бредовые взгляды, фантастические социально-культурные представления».

истовства, их вырождение в объект искусства было связано с допустимостью ими принятия «измов». Все «измы» и идеологии — это перевод живой мысли в формулу, становящуюся легкой заменой настоящей деятельности. Необходимо проветрить помещение: «изм» — это враг.

«Вне всякого сомнения, революция должна быть очень агрессивной, она только и может — быть очень агрессивной» (А. Бретон. «Контратака»)⁴⁹. Ну что ж, вот она, эта агрессия по отношению к тебе, Андре Бретон. Ты допустил, чтобы тебя канонизировали, тебя — великого декламатора «возвышенного образа». Но еще хуже профанирующие сюрреализм Сартр и Камю, писатели «истинной» традиции. Экзистенциализм — это прикрытие небытия⁵⁰. Нет, Сартр, ты не спасешься, выступая на суде над Западом, оставаясь западным философом и писателем. Эй, Камю, ты жестоко нас разочаровал: твоя смерть лишила нас удовольствия убить тебя самим.

Но не все еще сказано: мы хотим подложить динамит не под здание, а под его фундамент. Искусство как отчуждение — вот неизбежное последствие культуры (существующей в рамках соответствующей социально-экономической системы), отделившейся от реальной жизни. Лишь абсолютная социальная революция приблизит конец того, что разделяет культуру и жизнь — нерасторжимых в своем истоке. Можно ли назвать революционным режим, при котором «художникам» платят вдвое больше, чем рабочим, и это в разгар «культурной революции» (Китай Мао); или режим, празднующий революцию под музыку Чайковского, сопровождающую парад правящего класса (Куба). Или — что еще более существенно — можно ли назвать революционной систему, которая увековечивает управление одного человека над многими взамен коллективного самоуправления? Может ли любая система, которая экономически держится на иерархической

⁴⁹ «Контратака. Боевое объединение революционной интеллигенции» (*“Contre-attaque. Union de lutte des intellectuels revolutionnaires”*, 1935) — программный политический манифест французских сюрреалистов.

⁵⁰ В оригинале каламбур: слово «экзистенциализм» в своем корне содержит “existence” — бытие.

организации, быть свободной от культурной иерархии художников и тирании экспертов?

Но и мы не должны попадаться в ловушку. Или мы начнем действовать, или это все блехня.

*ИВОННА ДЕ НИГРИС, РОН ХАХНЕ,
ДЖЕНИС МОРЕА, АННА РАЙДЕР,
КЭРОЛ ВЕРЛАН, ДЭВИД ВИЗЕ, ДЖЕННИ ДИКЕН,
БЕН МОРЕА, ДЖОН МАЙЕРС, ЭВЕРЕТ ШАПИРО,
ТОНИ ВЕРЛАН, СТЮАРТ ВИЗЕ*

Абсурдность нашей цивилизации превратилась в эффектное зрелище, даже попытки что-то изменить порождают то, что надо немедленно уничтожить (разрушение осталось единственным действием, результат которого предполагает достижение намеченной цели).

Повторять себя, когда ясно видишь, что прошлое — это сплошной нонсенс. Нужно осознать абсолютную бесполезность обеих революций: политической — она лишь ищет новых хозяев (и, следовательно, новых революций), и культурной, которая только меняет произведения, но не их смысл. Дада не были дада. А «диггеры» им и в подметки не годятся. Такой же уличный театр можно было встретить на улицах Цюриха и Парижа в 1916–1921 гг. Провалившись тогда, это и сегодня обречено на провал. Все те же грабли. Жизнь в целом должна измениться, и театральности здесь не достаточно. Конечно, «все дозволено». Но как претворить в жизнь то, что пока только идеология? Встает вопрос — вопрос власти над нашей жизнью, и он единственный имеет сейчас значение.

Вернемся же в Цюрих 1916 г.: Ленин и Тцара доигрывают партию в шахматы и вечером расходятся в разные стороны: один — претворять в жизнь большевизм, другой — дада. И оба они потерпят неудачу в своем успехе: один станет политиканом и диктатором, другой — поэтом и художником. Если судить необъективно, то своих целей они не достигли. Дальше хуже — ведь теперь наши мечты и технологические возможности становятся явью. Мы не должны допустить повторения и стать целью намерений левых (наследников больше-

визма) или «диггеров» (типа нео-дадаистов), важно осознать необходимость синтеза, при котором наши культура и цивилизация станут на путь положительных преобразований. Того синтеза, который при всей своей всеобщности, включающей созидание и разрушение, мысль и действие, ранее представлял лишь в фрагментах.

Б.М.

Дети, торчащие из земли

«Обрывки одежды, книги, мебель взлетели так высоко, что всем в округе стало ясно: взорвалась школа. Вместе с учениками. Большинство из них оказалось погребенным тут же, в воронке от взрыва. Я был среди тех немногих, кто уцелел. Меня потом выкопали и привели в сознание. Ничего не осталось, кроме огромного котлована, примерно 55 метров в длину и 20 в глубину. Школу сравнивали с землей, из которой торчали части детских тел. В другой стороне мы нашли несколько голов. Кишки и прочие внутренности были повсюду. Двое моих детей висели на пальме. Многие другие валялись в канавах в лужах крови, продолжая сжимать в руках учебники, также вымазанные кровью и чернилами. Кое-кто из детей мог говорить, когда их выкопали. Но затем кровь шла горлом, и они умирали от внутреннего кровоизлияния. Одну маленькую девочку, Хон Тай На, могли опознать только по ее резиновым сланцам. Другая девочка, когда ее отрыли, пришла в сознание и стала спрашивать, сколько ее подруг погибло. Тело маленького Хана нашли вместе с его записными книжками, где были стихи и рисунки. Он хотел быть поэтом, художником и музыкантом. Все его стихи, рисунки и песни были подписаны: композитор Дин Хан. Ему было тринадцать лет».

*Перепечатано из Bertrand Russell
Peace Foundation Bulletin.*

342 West 84 Street, New York, NY 10024

...посмотри d.r. как убивают детей которыми мы не нашли время стать... я не могу больше читать твои стихи d.r. я не могу теперь читать никаких стихов. наверное потому что ты я знаю опять начал их писать, ты как-то удивлялся «сколько же сил надо приложить, что-

бы они поняли» стихи прекрасны д.г. но это не наш дом, настало время уйти, белые лошади ночью кажутся себе черными / хватит святости, хватит мистики, это всего лишь игра вселенной и я устал от иллюзий, плач и страх сидят под коркой у моих братьев и сестер. Я устал путешествовать и находить лишь имена, вымаранные грязью. И снова нужно идти, посмотри и постарайся запомнить этот город солнца. С нами соколы. Так много красивых слов / путешествуя, почувствовал ли ты присутствие рядом духов вьетнамских детей, блуждающих во тьме... посмотри, словно придумали машину страха и забыли, как ее остановить и теперь пытаются внушить всем, кто боится, что так и надо и вот тебе безжизненные и безыскусные групповухи накачанных наркотой детей цветов, детей цветов, вянущих под светом их внутренних солнц...

...ты всякое видел д.г., когда я читал новую статью А

⁵¹ Эрнандо Гонсалес Акоста (1941–1964) — комсомолец, поддержавший фарковцев в начале гражданской войны в Колумбии, ставший одним из ее командиров и героев.

⁵² Дэррил Аллан Леви (1942–1968) — очень странный и не понятый своими современниками американский поэт и издатель. Был связан с битниками. Имел проблемы с законом. Его поэзию, наверное, можно назвать визуальной: самолично издавая свои и чужие малотиражные сборники, он внимательно следил и за «внешней стороной дела». Кстати, в связи со своей издательской деятельностью слыл во многих аспектах новатором и первооткрывателем в независимой американской издательской среде. В 26 лет застрелился. В 1980-е гг. реанимирован из забвения

про Б и там оболгали Команданте Эрнандо Гонсалеса⁵¹ убитого в 23 года сражавшегося за свободу в Колумбии погибшего в 23 года погибшего в 23 года а в Америке МЕДЛЕННО убивают детей борющихся за возможность нацарапать несколько стихотворных строк... на солнце... понимаешь? Не важно как ты играешь в эту игру Это Война и в Америке нам нужно больше чем слова о том что белые лошади ночью кажутся мне черными может египтянам нужны разные миражи маленьких лодок на четырех реках / удостоверься что ты хорошо видишь и вооружен и стражи святилищ

спроси их как пройти /

иногда они не знают ответа

и станут твоими подчиненными
нужно предисловие? Эрнандо Гонсалес погиб в 23 года погиб в 23 года
ди.эй.леви⁵² / Кливленд, Огайо

21 октября: мир или полное затмение

Существующая система смерти и тирании не может существовать без войны. Американский напалм уже летит в Латинскую Америку, и можно не сомневаться: американское правительство не остановится на том, чтобы подвергнуть его воздействию только свое чернокожее население. Нести «мир» во Вьетнам означает вести войну повсеместно.

представителями нью-йоркской po-wave сцены: в частности, группа Sonic Youth использовала его живопись в оформлении своих пластинок.

Бессилие движения за разоружение только на руку Америке. Выражается это и в ненасильственных маршах протеста, проводящихся «для галочки», для успокоения своей чудовищной вины. Движение за мир — это мертвяк! И мы должны быть уверены, что ему на смену придет более живучее революционное движение, которое навсегда положит конец таким зверствам, как Вьетнам.

300 тысяч сильных участников «мирного марша» внутри полицейского коридора на Пятой авеню (15 апреля)⁵³ ничего не добьются. Но те 10 тысяч, что вырвались из «разрешенного» парада и прошагали по улицам Манхэттена, демонстрируя свою решительность и оказывая неповиновение полиции, поступили, как японские студенты Зенгакуры, чьи мощные демонстрации парализовали движение на улицах Токио. Это те самые угнетенные жители гетто, восставшие против системы, в них живо революционное самосознание, пусть даже находящееся в зародышевом состоянии.

⁵³ См.: BLACK MASK, № 6.

Надо развивать традиции активных манифестаций. И, может, тогда тщета многих сегодняшних движений не будет преобладающей. В этой системе не может быть мира! Но, что еще хуже, в ней не может быть и жизни! Нищета такой жизни очевидна — так пусть рушатся стены!

Станем же революционерами! Давайте добиваться власти народа — и американского, и вьетнамского.

ДЖЕНИС МОРЕА

Эти порнографические журналы — современные коктейли Молотова, бросаемые в приличие и благопристойность нашей нации, — вовлекают в разврат и поощряют безответственность, вызывают о недоверии правительству, управляющему благопристойным и конституционным обществом.

*Конгрессмен Джо Пул
(Комитет по расследованию
антиамериканской деятельности)*

Напряженность в Союзе и падение государства

Наша конституционная система становится беспорядочной и анархичной.

(сенатор Кучал)

Поддерживая перемены, выступая против господствующих взглядов, маленькие, но горластые сосунки бунтуют против давно идущей войны и начинают подстрекать к анархии, что может до основания разрушить иерархию ценностей, которые они были призваны защищать.

N.Y. Times Editorial

Право не соглашаться неотъемлемо в свободном обществе, в обратном случае — это тирания. Но нужно знать меру своего несогласия, особенно, если оно влечет за собой какие-то действия. Иначе это превращается в анархию.

Сидни Хук⁵⁴, N.Y. Times Magazine

⁵⁴ Сидни Хук (1902–1989) — видный американский философ, сторонник прагматизма. Долгое время считался убежденным марксистом и даже ездил в Москву в 1929 г. В 1930-е гг. поддерживал Льва Троцкого, пытавшегося обелить свое имя. Постепенно Хук приходил к антитоталитаризму, будь то правое или левое крыло. К началу холодной войны Хук уже выступал против коммунизма, называя себя демократом-социалистом.

Те, кто протестует, и те, кто отступает, понимают, что у нас назрели серьезные проблемы и что мы их решим. Но решение проблем нашего общества не заключается в анархии, ниспровергающей существующую систему.

Сенатор Роберт Кеннеди

Пользующиеся своей приближенностью к президенту Джонсону или государственному секретарю всегда, когда оправды-

вают бунты и насилие, подвергают сомнению разумность дискуссий, провоцируя анархию, которая, конечно же, обречена на провал.

N.Y. Times

За последние несколько месяцев призрак анархизма часто посещал наш прекрасный истеблишмент. Им так хочется вернуть старые добрые деньки беспомощного нонконформизма. Но это время прошло. Лето бунтов чернокожих сменяет зима сопротивления белых, и есть надежда, что вместе они подожгут гнев революции.

Борьба будет долгой: правительство уже ищет способы подавления нового движения, каковые, вероятно, будут выражены в срочном призыве на военную службу особо «злостных нарушителей закона». Но это окажется палкой о двух концах, ведь бунты в армейских рядах уже начались. Помимо случаев индивидуального отказа служить во Вьетнаме и растущего числа дезертиров, волна актов неповиновения потрясла Форт-Дикс и Форт-Худ одновременно с сообщениями о мятежах на северном вьетнамском фронте. Солдаты дают понять, что они больше не собираются оставаться управляемым пушечным мясом.

Белые нищие также доказывают свою способность к радикальной активности. Лучше всего это демонстрирует их присоединение к восстанию чернокожих в Детройте и то, как они вязали белых же снайперов. Народу нужна власть. А народ — это мы.

И вот теперь — бунт белого студенчества, борьба за спокойствие нашего горячо любимого диктатора. Мы можем и мы должны, несмотря на давление истеблишмента, противостоять этой реакции: от Джо-Пула⁵⁵ и сторонников жесткого политического курса до Бобби Кеннеди и либералишек. От «движения за мир» до сдержанных прозаседавшихся «революционеров». Народу нужна власть, а народ — это мы.

⁵⁵ Форт-Дикс, Форт-Худ, Джо-Пул — американские военные базы.

Но это абсурд! Мы не хотим превращаться в ниггеров!

Нам не нужны ниггерские демонстрации в виде бегающих по улицам черномазых баб. Беспредел. Бессмысленный беспредел. Поджигают. Тащут все, что плохо лежит. Кидаются всем, что попадает под руку. Избивают. Куча черномазого дерьма.

WHITE IS NICE!

Хорошие белые демонстранты проводят свои белые демонстрации: серьезно подходят к делу, принимают решения, организывают марши, продумывают свои шаги (вступать ли в конфронтацию с полицией, рисковать ли чьей-то жизнью ради высших устремлений, пребывая при этом в здравом уме и твердой памяти, организуют движение, не идут на войну, жгут повестки и т.д. Это много лучше, это умнее, это *белее*.

НАДО ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ ОТ ВСЯКОГО НИГГЕРСТВА!

Посмотрите телевизор и увидите, как бесстыжие черномазые бабы трясут своими выдающимися задницами, стаями грабя встречающих людей. Но их место в лавке для цветных. Быть избитым — вот что полезно для ниггера. Это только подтверждает их ниггерство. Это — неотъемлемая часть их жизни с их гетто, наркотой, с их грязными вонючими бараками. Ниггеров быют все время. Вот, смотри на одного из них: он бежит, его ловят, он угрюм, он молчит... мы никогда так не молчим. Мы знаем, каков его удел. Со временем он станет законченным ниггером и либо сам себя прикончит, либо ему в этом помогут: все равно, один хрен.

МЫ ХОТИМ ПОИГРАТЬ.

Игры освобождают.

Игры утопичны.

Мы начнем действовать. Но эти действия — западня. Одна заключается в том, что ты выбираешь что-то, что не является реальным действием; другая — в том, что твои действия бесполезны; третья — в том, что действия твои абсолютно оторваны от жизни. Но есть другое действие — которое освобождает, которое проломит тебе башку. Нет иной альтернативы, кроме прыжка в западню для ниггера. Назло себе.

Т.Н.

Демонстрации: теория практики и практика теории

Демонстрации — это средства борьбы, и теперь поднимается вопрос не только о моральных принципах, но и о расширении революционного самосознания. Мы не просто возмущаемся тем, что происходит при такой системе, — мы идем дальше. Мы, что еще хуже, приведены в бешенство и желаем ее разрушения. Но не все у нас в порядке: в то время как уже давно должен был измениться ход этой обуржуазившейся борьбы, мы все еще полагаем своим оплотом народные массы. Японские Зенгакуры не нуждались в «симпатиях» со стороны либеральной буржуазии, их поддерживали рабочие. Если мы найдем возможность осмысленного выражения, которое будет понятным для рабочих и бедняков, то тогда для нас настанет необходимость думать и действовать как революционерам (а не как возмущающимся моралистам). Мы должны воззвать к их угнетенному положению, которое влечет за собой угнетение других (например, беднейшие среди белых станут меньше притеснять чернокожих повстанцев, а обратят свое недовольство на движение «за мир», поняв, что главное — бунт против угнетения жизни, которое содержится в буржуазной морали). Но изменение направления борьбы не сводится, как некоторые полагают, к борьбе против империализма. Не потому, что мы его поддерживаем, а потому, что массы в утробе империализма уже сами по себе — разносчики буржуазной морали. Суть революционной борьбы всегда подразумевала возможность количественно и качественно изменить жизнь; поэтому здесь речь идет не о симпатии к угнетенным — того единственного, на что способна буржуазия, а о солидаризации: мы и есть те самые угнетенные. И наилучшей формой «демонстрации» станет та, что объединит теорию и практику, — революция.

Если мы когда-то достигнем такой степени консолидации, то появится и возможность действовать в сложившейся ситуации так, чтобы благоприятствовать нашей цели. Не отказываться от борьбы, потому что не все идет по плану, а действовать и двигать борьбу в нужном направлении.

Для всех сегодня очевидна несостоятельность нынешнего «мирного» руководства, которое только и де-

дает, что везде демонстрирует эту свою несостоятельность. На митинге, называвшемся по протоколу «остановите призыв», они все время высказывали опасения, что демонстрация расползется за пределы района призывного пункта и начнет бунтовать не «по теме». Запутавшись в теории, они не могут надеяться, что на практике все будет лучше — нет другого предмета разногласий, как несуществующий порядок вещей. Правительство понимает это лучше нас. 21 октября, пока Пентагон охраняли восемь тысяч военных, двадцать тысяч военных находились в пределах Вашингтона. Правительство опасается того, что осознают только некоторые из нас: что его цель — урбанизация и колонизация жизни. То же самое можно наблюдать и на примере студенческих волнений. Вот на чем акценти-

⁵⁶ Индекс Доу-Джонса — один из нескольких (старейший) биржевых индексов. Был создан для отслеживания развития промышленной составляющей американских фондовых рынков.

руется противостояние Доу-Джонсу⁵⁶, ЦРУ и империализму. Как недавно вопрошал президент I.B.M.: «Отчего вся эта суматоха вокруг Доу-Джонса, ведь любому бизнесу в Америке выгодна война?!» С другой стороны, любая «работа» в Америке подразумевает «империалиста» и, в

полном смысле этого слова, колонизацию нашей жизни. Такое положение комфортно для студентов, пребывающих в иллюзии, что в Америке все еще есть возможность реального существования. Её нет — и осознать это — значит осознать революцию.

Б.М.

Мы ищем форму тотального бунта, что выйдет за пределы искусства и политики.

Революция и психоанализ и революция

Существует глубинная связь между общественными отношениями и отношениями межличностными. И хотя, для пользы дела, революционеры не смогли осознать этого в должной мере, у них пока есть еще выбор: или закрыть на это глаза, или научиться пользоваться этим в своих революционных отношениях.

Но проблема состоит в том, чтобы верно понять взаимосвязь личных отношений в период социальной нестабильности, во время поднимающейся борьбы против пережитков старого мира. Достаточно сказать, что невыносимость жизни при старом порядке вовсе не является гарантом ни реальных личностных изменений индивида, ни успеха общих политических начинаний. Перенос глубоко укоренившихся буржуазных отношений в революционное движение раскрывает всю его слабость. И это свидетельствует о том, что у данного революционного движения проблемы далеко не только политического характера и что эти проблемы гораздо глубже, чем как они рассматривались марксистской теорией. Индивид впитывает буржуазность с молоком матери, а ведь сама личность такого индивида есть связующее звено в выборе между буржуазностью и революцией. Вот горький смысл суждения Маркса о том, что революционное движение содержит в себе семена своей гибели, — в стремлении к превращению в бабочку кроется желание остаться личинкой.

В связи с этими размышлениями мы попадаем в сферу психоанализа. Нельзя не полагать, что враги наши — это не что иное, как психоаналитики. И совсем не случайно психоанализ выступает во многих идеологических трещинках и зазорах, дискуссионных махинациях и коллективных интрижках под видом «марксизма». Та же характерная смиренность, удерживающая революционеров в рамках, не позволяющих сопротивляться буржуазности в плане социальном, удерживает и аналитиков от критики буржуазных поводов, свойственных индивиду.

Более того, несомненна сокровенная и неотъемлемая связь между устремлениями отдельного человека и всего общества. И от того, каков будет путь их взаимодействия, зависит судьба революционного движения.

В своих клинических исследованиях Вильгельм Райх, хотя и неявно, но все же задел эту революционную задачу. Впервые психоанализ вылез из своих буржуйских кабинетов и вышел на улицу навстречу пролетариату. Это была уже не просто теория, самовлюблен-

но обосновывающаяся на иллюзорном индивидуализме, но теория, подключающаяся к величайшей борьбе своего времени. Для Райха как для революционера психоанализ был бессмысленным, если не помогал осмыслить борьбу против капитализма; для Райха как для ученого психоанализ был мифом, если не помогал объяснить противоречия социальной жизни.

Меч психоанализа Райха был обоюдоострым: марксизм критиковался за его невозможность понять массовые неврозы, а также за его политическую составляющую. Марксизм призывал бороться от имени угнетенных, в то время как угнетенность в повседневной жизни — глубинная, сексуальная — была той проблемой, которая оказалась абсолютно проигнорирована марксистской теорией и практикой. Одновременно с этим марксизм едва ли мог распознать истоки народного повиновения своей нищете и угнетенности и тем самым был приговорен вслепую бултыхаться в тряси-не капиталистического гнета. Ключ к усмирению лежит в подавлении сексуальности, и у марксизма к этому замку нет никакого теоретического и практического лома.

С другой стороны, психоанализ был раскритикован за неспособность серьезно подойти к проблеме предотвращения невроза. Аналитики лечат своих буржуазных пациентов по одному — по два, но есть еще десятки миллионов, взращенные родителями, педагогами, политиками. Губительные условия жизни в капиталистическом обществе порождены его тотальностью — источником всех неврозов. Лечение, игнорирующее это положение, не только антигуманно, но, что важнее, в своей перспективе неминуемо превращается в идеологическую опору существующего порядка.

Мы подходим к самой сути вопроса — к развитию понимания межличностных и общественных отношений. Это поможет объяснить оглушительный крах марксизма и социализма и поспособствует революционному осознанию того, что такое быть человеком. Последнее, как показал Райх в своих ранних работах, не должно остаться проблемой, отложенной в после-революционный ящик. Наоборот, революционная

концепция сексуальности должна стать первопричиной революционного движения. Это должно сломить репрессивные структуры, отчуждающие не только от жизни, но и от самой революционной борьбы. В конечном счете лишь то революционное движение, которое найдет возможность выразить насущное для человека в его повседневности, что повернет угнетение вспять, сможет пойти до конца в необходимом уничтожении классового общества, с его репрессиями и цивилизованностью.

Суть классового общества сводится к тому нелюбимому факту, что человеческая жизнь извращена в своих естественных проявлениях: мыслить так же, как и поступать, любить так же, как и ненавидеть, видеть так же, как и чувствовать. В своих ранних работах Маркс уделял внимание этому извращению. Отчужденность не была для него тем нарочитым эвфемизмом, каким это стало для сегодняшних радикальных интеллектуалов. Более того, когда теперь открывается вид на ранее не изведанные глубины психоанализа и на туманные вершины угнетения капиталистического общества, мы можем со всей ответственностью называть вещи своими именами. Теперь мы всегда будем постигать отчужденность во всей полноте ее смертоносной конкретности.

Эти жизненные извращения не выдумка: они — неотъемлемая часть нашего общества. Мнение, что вышеперечисленные патологии существуют сами по себе и не имеют отношения к социальному устройству общества, — первый признак мощнейшего политического давления, что укореняется подобно страхам, утверждающим глубочайшее уныние наших жизней.

Социалистические и либеральные концепции того, что же есть человек, почти неотличимы друг от друга. Ведь современный социализм — это довольно абстрактный проект социальной революции, направленной на буржуазную концепцию потребностей человека. И наша задача — отсекал мнимые привязанности человека капиталистического общества до самого их конца. Лишь исходя из этого возможно бороться за свое освобождение.

Вместе с тем движущей силой революции вовсе не является экономически бедственное положение (этот нечистый политический козырь), но невозможность оставаться человеком в таком положении тотального угнетения — не кошелька, а человека. Безусловно, мы согласны, что нищета тесно связана с человеческими страданиями, но это прилагательное по отношению к осознанию рабочего себя человеком и к его борьбе против своего бесчеловечного положения.

Семена этой мысли Маркса не смогли прорасти среди сорняков эгоизма и фетишизма социалистического движения. В его ранних работах можно найти элементы революционной аналитической психологии. Но неспособность развить эти идеи ввергла марксизм в пустословие. Маркс описывал отчужденность понятным человеческим языком, но он смог изобразить лишь ее экономическую составляющую. А межличностные отношения и, вместе с ними, отношения общественные — в их глубинной сути — остались не исследованы. К тому же, не сумев истолковать тесную связь рабочего человека с отчуждаемым от него результатом его труда, марксизм выролдился в экономический фатализм. Если обобщить, то марксисты видели причину революции в экономическом кризисе, никак не понимая, что коллапс системы и последующий за этим перерыв в удовлетворении неизбывной мании потребления не приведет к осознанию необходимости исцеления от такой мании.

Маркс говорил об отчужденности, но основная суть ее сводится к угнетению. Исходя уже из этого отчужденность предстает в ином свете. Революционные возможности теории угнетения, сведенной к такому знаменателю, должны раскрыться во всей своей мощи.

Но наши усилия сводит на нет именно то, от чего мы не можем отказаться, — язык. И язык не единственный деспот, скрывающийся в засаде. Нелепость наших прошлых надежд заключалась в том, что социализм — и как движение, и как идеология — оставался таким же ханжеским и безжизненным, как язык и само содержание этого учения. Впавшие в уныние социалисты переносят свое самоотречение в концепции и тактики

освободительного движения. Трагедия в том, что за внешним освобождением стояла внутренняя угнетенность.

Нам необходимо вернуться в свое тело, а язык должен быть расщеплен на атомы. Нам нужно найти способ связи наших чувств с нашим телом, ниспровергнув все научные и исторические категории, так долго бывшие средствами угнетения, а именно должно держаться подальше от маркировки научных значений. Это имеет смысл, если мы поработаны, но мы — не рабы! И только осознавая это, мы уже встаем на путь воскрешения наших тел от буржуазного оцепенения. Как бы то ни было, условием этого воскрешения станет сексуальное раскрепощение от рутины и спокойствия буржуазной «жизни». Условием же освобождения в настоящем является лишь признание жизни на словах. Просто потому, что это свойственно самой природе угнетения. Ввиду этого все попытки освободиться терпят неудачу, ведь все дело — в социально-межличностных отношениях, а не в неких врожденных склонностях к неврозам у индивида, дающих о себе знать при малейшем движении за пределы своего «я».

Работы Фрейда и Райха важны тем, что они развивают темы замолчанные, забытые, почти утерянные. И это не вопросы статистики: каков процент фригидных женщин? Или могут ли люди быть неполноценными в социальном отношении по причине своего психического здоровья? Или сколько страдающих от собственной неудовлетворенности? Это все понятия из поверхностной буржуазной психологии. Фрейд и Райх шли дальше и глубже. Сексуально раскрепоститься может любой человек, даже выросший в условиях авторитарного патриархата.

Такова наша критика существующего буржуазного порядка. Массовое уныние, периодические прорывы массовой истерии и, одновременно, готовность людей стать пушечным мясом в империалистических войнах — это не случайные и не поверхностные обстоятельства, а неизбежность при насаждении угнетения.

По Фрейду, садизм, мазохизм, корыстолюбие, скрепленность, склонность к повиновению, агрессивное поведение являются результатами подавления детской

сексуальности. Все вышеперечисленное является абсолютной реальностью буржуазного общества. А потому наш революционный проект ясен как день: освобождение жизни строится на развалинах цивилизации.

ДЖЕНИС МОРЕА

Отрывки революционной тотальности

(1)

«Бедность», против которой повсеместно восстает человек, не есть материальная нужда. Не вызывает сомнений то, что промышленное развитие скрывает под собой нищету духа. В кибернетическом обществе торжествует посредственность, пронизывающая все области человеческого бытия, будь она интеллектуальная, эмоциональная, сексуальная или социальная. Нищенское существование проявляется в каждом мгновении человеческого существования — именно такое значение имеет сегодня «обеднение» наших жизней.

Борьба против такого положения вещей должна быть тотальной, ведь и нищета, против которой мы восстаем, тотальна. Это репрессивное устройство жизни во всей ее полноте, лишаящее нас возможности быть цельными людьми. И когда вся наша жизнь (в смысле: планета Земля и все человечество) вырождается посредством такой культуры, основанной на Смерти, лишь то назовется революционным, что станет искать революцию в Тотальности — в построении новой жизни и нового общества, членами которого мы будем.

Мы много раз наблюдали, как революция, основанная на бесполезном теоретизировании, своими «успехами» открывалась как абсолютно анти-революционная: она никак не меняла ни жизненную ситуацию, ни жизненную суть. Любой переломный момент в истории являлся радикальной реформой: якобинизм, большевизм, маоизм, кастроизм — все они меняли жизнь людей во многих ее аспектах или хотя бы в основном, НО не решались на перемены в главном, когда человек сам начинает управлять своей жизнью — по-гречески это называется «анархия», линии, прочерченные без помощи линейки.

(2)

Вся прошлая революционная мысль была ограничена проблемами типа «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Для тех мыслителей самым лучшим устройством общества представлялся такой тип социализма, который удовлетворит эти запросы. А посему конечной целью их устремлений, тактик и стратегий была проблема захвата власти, жадность до контроля принимать политические решения о преобразовании общества в угоду идеологии.

Но теперь революция строится на новом фундаменте, и революционные классики выбрасываются за борт. Мы не грезим о заоблачных далях, нам более важно то, что нас окружает, и поэтому любые уступки в такой ответственный момент на руку тем, кто навязывает нам свое мнение, кто управляет нашими жизнями, кто однажды самолично провозгласил себя нашими «хозяевами».

Наша задача — не захват власти и превращение в истеблишмент социализма. Мы убеждены, что гораздо более революционен захват человеком власти над собственной жизнью в борьбе против того, что его угнетает. И в настоящий момент главный тактический вопрос должен состоять не в захвате власти, а в ее ликвидации! РЕВОЛЮЦИЯ НАЧИНАЕТСЯ, КОГДА ЛЮДИ САМИ НАЧИНАЮТ ВЛИЯТЬ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ, КАСАЮЩИХСЯ ИХ ЖИЗНИ.

ТОТАЛИСТ

PO Box 698 Stuyvesant sta. NYC 10009

BLACK MASK № 10 — АПРЕЛЬ—МАЙ 1968

Берлин дада: «Любой может быть дадаистом»

В 1918 г. в Берлине Хюльзенбек⁵⁷ порвал с цюрихским

и парижским дада. Перманентный по своей природе, бунт дада ни в коем случае не может быть ограничен категориями абстрактного искусства, каковым он мог оказаться под руководством Тцары.

⁵⁷ Рихард Хюльзенбек (1892–1974) — ключевая фигура в дадаизме. Стоял у истоков движения в Цюрихе и Берлине. Автор «Манифеста дадаизма» (1918).

В Цюрихе и Париже проводилась линия ставшего модным нигилистического антиискусства. Стоявший на революционном фундаменте, Берлин дада вышел за пределы антиискусства и двинулся в атаку по всем фронтам. Поощрялось любое проявление революционной диверсии: истерика, безумствование, оскорбления, черный юмор и т.д. Одна за другой случались яркие и неповторимые акции, в диапазоне от спонтанных и абсурдных выходок до фотомонтажей, типа нарочито безвкусного, испещренного пятнышками портрета Бетховена. В самом «приличном» случае дада просто указывал на обреченность на провал любого творчества, тянущегося к свободе, но запертого в тюрьме официозности. Именно так совершался обряд очищения искусства и пробивался путь к главной цели — жизни. Отчуждающая серьезность годится лишь для ситуации беспристрастного исследования, но дада наглядно явился электрошоком для множества вымирающих видов: живописи, музыки, театра, прозы, поэзии, кино и т.д. Все священные и неприкосновенные дотоле постулаты были блистательно отвергнуты, и жизнь восторжествовала в своем возвращенном признании.

Подобно раннему сюрреализму, будучи даже более целеустремленным, Берлин дада день за днем шел на запах апокалипсиса — к концу многих тысяч лет бескультурия, сдобренного гнетом гения; к концу истории и к отмене установленного времени; к прекращению тоски — третьему величайшему моменту в истории мира:

- первым был «Большой взрыв»;
- вторым — возникновение цивилизации;
- Третьим — рассвет цивилизации (окончание мрака отчужденности).

Гераклит: «Гомера нужно вывести из строя и отпороть розгами».

Хюльзенбек: «Что есть немецкая культура? (Ответ: ДЕРЬМО)».

⁵⁸ О том, какова связь между Пифагором и бобами, можно узнать в любом очерке о жизни философа.

Пифагор: «Бобы — причина всех революций»⁵⁸.

Хюльзенбек: «Бунты на овощных рынках».

Сюрреалисты и шаманы становятся неразлучными друзьями.

Абсолютное отрицание и великая мировая революция

И вот наступает заря восхищения, когда наши страсти восстанут над развалинами наших отчих домов, над остатками нашей пищи, над безумствующими толпами, над автомагистралями. Над тем перекрестком, где встретятся «земля — наше небо, а звезды — наши дороги» Маринетти и «насыщайтесь, голодные, на лугах впечатлений» Рембо.

Берлин дада искал выход из этого невыносимого мира в исцеляющем безумии постоянного действия. Не искусством, но органами чувств: обонянием, осязанием, слухом, зрением, вкусом, интуицией, а также высшей чувственностью: затяжным поцелуем и пожиманием рук, мечтательностью, фантазированием, игрой, фальсификациями, нарушениями, кражами (бери вещи, они общие), безумствованием, истеричностью и насилием — «этой наиболее адекватной формой высказывания».

И это варварское разрушение есть предтеча поэзии завтрашнего дня.

«Мне плевать на все “за” и “против” по поводу моих суждений».

Шизофреник Иоханнес Баадер⁵⁹ стал ключевой фигурой Берлин дада. Тцара звал его идиотом, но он вышел за грани понятий идиота, безумца, партизана. Это был человек без целей и перспектив, подонок, говно Америки. Писательшка Тцара (хотя и говоривший, что «образование приобретают на улицах») был в ужасе, потому что необразованный Баадер был слишком уж настоящим.

Хюгнет писал: «Баадер особым путем пришел к революции — через индивидуализм и безумие».

Он въезжал на белом коне в парламент. Он преобразил смерть, являющуюся наиболее могущественной силой социального обуздания, в блистательный побег

⁵⁹ Баадера не терпели абсолютно все дадаисты. По слухам, как-то раз он даже присвоил средства дружеской компании.

⁶⁰ Франц Юнг (1888–1963) — немецкий писатель, близкий берлинским дадаистам редактор анархических изданий “Revolution” (1913), “Die Freie Straße” (1915–1918). Создал свою рабочую партию, в 1920 г. в качестве ее руководителя отправился в Россию на Второй конгресс Коминтерна на угнанном им пароходе, который впоследствии подарил советскому правительству. Анархистские идеи Юнга оказали влияние на все дадаистское движение в Берлине. — Примечание цит. по: Альманах Дада. М.: Гилея, 2000. С. 167–168.

⁶¹ Виланд Херцфелд — издатель. В 1916 г. вместе со своим братом Джоном Хартфилдом выпускал газету “Die Neue Jugend”, бывшую левым крылом художественной и политической прессы. Затем учредил издательскую фирму Malik Verlag (название заимствовано из романа Эльзы Ласкер-Шюллер, учеником которой считал себя Виланд). Издавал до конца войны подпольно левую литературу. В 1921 г. Виланд опубликовал брошюру «Общество, художник и коммунизм». Джон Хартфилд — один из самых известных и почитаемых мастеров фотомонтажа. Его творчество известно более широко, чем творчество многих других членов “Dada”.

⁶² С первых же дней мировой войны левое крыло германской социал-демократии, во главе с Францем Мерин-

от чувства такта и личной ответственности: пригласил на похороны своей жены (которую очень любил) три тысячи гостей и публично сбрил часть бороды, пока ее опускали в могилу. Такое можно сравнить с тем, как Франц Юнг⁶⁰ угнал немецкий броненосец в подарок пришедшим в замешательство русским большевикам.

Таков Берлин дада. Как и многое другое, он сошел на нет, когда выдохлась энергия революционных перспектив, когда старые способы самовыражения вернулись в обиход. Иногда их культурное отрицание попадало в сети идеологии (буржуазного и ортодоксального марксизма), как, например, в случае братьев Хартфилда и Херцфелда⁶¹, которые были ОБУЗДАНЫ сотрудничеством со «Спартакком»⁶². Но в большинстве своих проявлений Берлин дада, брезгливо прозванный «профессиональными» и «политическими» революционерами «сладострастным», был слишком радикален для своего времени.

ЧУДОДЕЙСТВЕННОЕ ЛЕКАРСТВО ОТ ВСЕГО НА СВЕТЕ. ЛЕНИН? МЕЛКИЙ АПТЕКАРИШКА (В. Меринг)⁶³

Программа Хюльзенбека — это фантастическое сальто в настоящее, призывающее к «прогрессирующей безработице», когда всю работу будут выполнять машины и когда впервые человек станет свободным и реализует себя. Когда рабочее место человека займет машина, когда станут реальностью технологические утопии, что станет с угнетением?

Будущее — это машины и безумие

Но дадаистам не удалось в полной мере осмыслить тот страх, что испытывает общество, в котором работа — это высшая ценность, на пороге эпохи досуга, игры и изобилия. Когда члены такого общества встают перед возможностью прекращения своих прежних занятий, отмены работы, то на поверхность вылезают все симптомы массового психоза. Исчезают те «гарантии безопасности», которыми общество уполномочило работу. Автоматизация угрожает классовым разногласиям. Вот в чем вопрос: что останется делать досужему человеку, если будет покончено с революционной критикой культуры? Маркс никогда не касался вопросов культуры, хотя, как и в XIX веке, культура все еще способствует отчуждению от повседневного существования. Посредством дада и сюрреализма искусство вышло за свои пределы в жизнь. И традиционные левые, крайне губительно игнорирующие этот факт, повсеместно ограничивают жизнь и революцию.

Свободное время ведет за собой восстановление в правах плоти: преображенное тело будет услаждаться полнотой своего бытия. Но организованный, пассивный досуг, рассматриваемый как время отдыха между работой и сном, остается противоположным понятию настоящей реализации. Это голливудский «хэппи-энд» высокой культуры. Досуг пассивного потребителя нуждается в телевидении, в фильмах, в новых покупках и т.д. Это привычка быть заключенным в тюрьме бессодержательности, обставленной мультимедиа, музыкой, живописью, танцами, фильмами, театром, мягкими надувными креслами и раскрашенными шероховатыми скульптурками. Но новизна скоро перестает быть таковой, и вновь начинается «доблестная» охота за популярным *raison d'être*⁶⁴ в виде «свободного» телевидения, «свободного» кинематографа, трехмерной лазерной графики. Подведи мысленно черту под этим или продолжай «мастерски» программировать компьютеры. Февральский выпуск «Ис-

гом, Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Кларой Цеткин и др. Считалось наиболее либертарианским движением из всех существовавших.

⁶³ Вальтер Меринг (1896–1981) — член Берлин дада, основатель экстремистского «Политического кабаре» в 1920 г.

⁶⁴ Смысл существования (фр.).

⁶⁵ Ежемесячный журнал, издается с 1913 г. Позиционирует себя как лучший в мире арт-журнал.

кусства в Америке»⁶⁵ рекомендует играть в игры (еще бы! — это невразумительные уравнения — заданные, односторонние, онанистские игры), которые заменяют детские хобби на бесконеч-

ное рассматривание движущегося поезда.

А если не это, то «свободно» прорывайся сквозь свое отчуждение: от поэзии к кино, от начальника к объекту, к крупному бизнесу. Тотальный псевдо-человек.

В этот исторический момент «популярность» Берлин дада вполне убедительна. Ей способствуют противники схоластики: от подпольной прессы с ее изобили-

⁶⁶ Конгресс, состоявшийся в кубинской столице в начале января 1968 г., собравший представителей освободительных и революционных движений со всего мира.

ем художественных журналов до конгресса в Гаване⁶⁶. Весь мир сможет вскоре воспринять искаженный образ Берлин дада. Искусственные игры и стерильное бытие заменит живое творчество. А замкнутый мир игровых объектов (вроде бейсбола

или игрушечных поездов) — это подмена свободной игры, каковой является сама жизнь.

Так должно быть. Потому что позднее индустриальное общество вынуждено искать возможности контролировать и гасить радикальную агрессию. Всегда пребывая в состоянии готовности к сопротивлению любым начинаниям, оно отравляет жизнь от самой колыбели до самой могилы.

Но Берлин дада выпустил наружу энергию либидо, способную революционизировать существующую реальность. Теперь, когда свобода — общество, не основанное на работе, — в пределах досягаемости, игровой инстинкт становится основой и методом освобождения. Хюльзенбек писал в 1918 г., имея в виду приближение к идеалу: «В Германии дадаизм стал политическим. Это только подчеркивает его неизмеримые возможности и его полное отрицание искусства».

И теперь мы должны выйти за границы искусства в политику и уничтожить ее с помощью своего игрового инстинкта. Такова его чувственность, которая есть Тотальная Революция жизни, сознания и чувства.

ДЭВИД И СТЮАРТ ВАЙЗ. «КИНГ МОБ», ЛОНДОН

Lasime Tushinde Mbilashaka

Рэп Браун⁶⁷ пишет из тюрьмы:

Быть человеком — это продолжать борьбу за свою единственную жизнь, но по капле выдавливается мужество с каждым компромиссом по отношению к органам любой власти, к которой в принципе нет никакого доверия.

Ни один угнетенный не должен умереть своей естественной смертью. Вот грань, разделяющая осторожность и трусость.

На время своего заточения я откажусь от пищи и воды. Свой голод я посвящаю Освобождению моего народа. Свою жажду — концу порабощения.

Я — политический заключенный, брошенный в тюрьму за веру в то, что Черный Народ должен быть свободным. Правительство по своей фашистской природе присвоило истину: кого мы не можем купить, тому заткнем рот. Такое правительство становится врагом Человечества.

Смерть не заставит нас свернуть с пути к Свободе. Для нашего народа Смерть была единственным выходом из порабощения и угнетения. Мы должны найти другие выходы.

Наша воля к жизни не должна превалировать над нашей волей к борьбе, потому что от этого зависит, вымрет наша раса или нет. Жажда Свободы недостаточно.

Мы должны перейти от обороны к наступлению, от бунта — к революции.

На один Оранжбург⁶⁸ должно ответить десятью Детройтами. На каждого Макса Стенфорда⁶⁹ и Хьюи П. Ньютона должно быть десять ментов-расистов. За каждого убитого чер-

⁶⁷ Хуберт Рэп Браун (Джамиль Абдулла Аль-Амин, р. 1943) — с 1967 г. председатель Студенческого координационного комитета ненасильственных действий. В 1968 г. ушел из Комитета и стал Министром юстиции «Черных пантер». ФБР объявило его одним из 10 самых разыскиваемых преступников за организацию беспорядков. В 1971 г. он был осужден на 5 лет за ограбление бара в Нью-Йорке. В 2000 г. убил одного полицейского и ранил другого, за что по сей день отбывает пожизненное заключение.

⁶⁸ 8 февраля 1968 г. в Оранжбурге (штат Южная Каролина) произошли массовые беспорядки. Около двухсот чернокожих подростков бунтовало против фейс-контроля по расовому признаку, введенного в частном боулинг-клубе. Дело дошло до уличных столкновений с полицией, приведших к смерти трех молодых людей.

⁶⁹ Влиятельный лидер радикальных чернокожих активистов. Основатель Движения революционной активности и нью-йоркского отделения «Черных пантер», учил активистов открывать филиалы организации по всей стране, дружил с Малькольмом Икс. Обвинялся в заговоре с целью убийства Роберта Ф. Уилкинса, Уитни М. Янг (1921–1971) и других правозащитников от мейн-стрима.

⁷⁰ Битва при Дьен Бьен Фу — во многом решающее сражение армии Северного Вьетнама и французской армии, продолжавшееся с 13 марта по 7 мая 1954 г., вскоре после которого Вьетнам перестал быть французской колонией.

нокожего должна быть Дьен Бьен Фу⁷⁰.

Братья и сестры, и все угнетенные люди, вы должны подготовиться духовно и физически для глобального противостояния, которое уже наступило. Вы должны бороться. Ведь в конечном счете именно народ творит и определяет историю, а не правители или

системы. Законы, принятые в обществе, должны быть вашими законами.

Может быть, жертвы шестьдесят восьмого года положат начало конца этой страны. Я делаю то, что должен из любви к моему народу. Теперь моя воля — бороться. И недостаточно только защищаться. Теперь на повестке дня — нападение.

НОТА К АМЕРИКЕ

Америка, если необходимо, моя Смерть поднимет мой народ на восстание, взбунтует твои тюрьмы, повернет на тебя твою армию, поднимет твоих детей, твоего бога, твоих нищих, всю страну, все Человечество — да воспротивятся они твоей агрессии и твоим разрушениям. Если необходимо — вот моя жизнь! Но душа моя принадлежит МОЕМУ НАРОДУ.

Lasime Tushinde Mbilashaka (Победа, без сомнения, за нами)

РЭП БРАУН

От бунта к революции. Новый пролетариат: ниггер как класс

В сентябре 67-го (см.: Black Mask. № 8) мы опубликовали статью «Новый пролетариат», где попытались поместить события того лета в исторический контекст (появление нового революционного класса) и положить начало необходимому процессу революционной солидарности, который направит бунт в том направлении, где сойдутся и теория и практика, — в революции (до тех пор мы будем продолжать наблюдать лишь бунты, но не революцию; лишь идеологию, но не идеи).

Борьба становится все труднее, ведь мы загадываем наперед, а время уходит. Настал момент открытого

противостояния, а революционный процесс только начинается. Еще не предложено ничего достойного сменить существующие формы организации, что могло бы поддержать большинство и что могло бы поддержать борьбу. Те герои, которые подожгли Детройт, не смогли организовать продолжение своих действий. Ничего подобного собраниям Парижской коммуны или рабочим Советам в России создать не удалось. Был только шумный спор о тактике — о городских партизанах, но не о социальных моделях революционной трансформации. Все уперлось в то, как «отменить» человека и чем его заменить! Буржуазная система разлагается и настает вакуум, и если мы не будем способны его заполнить, то найдется тот, кто сделает это (хотя бы временно) за нас — но такое смерти подобно.

«Негритянская» революция (гражданские права) проторит путь для «черной» революции (национализм), которая приведет в конце к «нигерской» революции — тотальному восстанию новообразованного класса угнетенных. Такой угнетенный класс существовал всегда — это люмпены, но они никогда не были в центре социальных перемен и оставались придатком к средствам производства. Однако теперь все меняется, когда система производства перепоручает работу машинам, а те, кто делал эту работу, оказались не нужны. А посему эти бывшие рабочие перемещаются в центр социальных перемен. Это то, как поступила с ними система, и то, что определяет их настоящее. А также то, что укрепит нас в понимании наших намерений. Необходимо расширить возможности этого класса, направить их на общественные цели: вопрос «нигера» переходит расовые границы и становится актуальным для класса в целом.

Конечно, в основном эти люди — чернокожие (плюс небольшой процент белых деклассированных элементов), но есть надежда объединить их с мексиканцами, пуэрториканцами и с белыми нищими.

Из всех чернокожих революционеров Малькольм Икс более других приблизился к реализации этой идеи (за это он и был убит). Он знал нужды чернокожего со-

общества и (националистических) организаций чернокожих, но не шел на компромиссы, не вступал в сделки. Он видел, как поднимаются новые революционные сообщества, и не закрывал глаза на их существование. Но концепция Black Power превратилась в идеологию, уводящую по иному пути. Она игнорирует и отвергает историческое и классовое сознание, видя в черном лишь цвет кожи, но не ту чернь, что плодит белая расистская цивилизация. И это трагедия, ведь для «ниггера» первоначально его ниггерское положение и лишь затем — цвет кожи. «Ты живешь в том же доме, ешь ту же похлебку, смотришь на то, как дети твои умирают молодыми или, повзрослев, страдают от недостатка образования, — и почему-то не чувствуешь себя так же плохо, как «ниггер», лишь из-за того, что у тебя белая кожа, хотя вы все являетесь жертвами одного из самых злодейских и жесточайших обманов, которые

⁷¹ Роберт Аналавадж (1939–1976) — во второй половине 1960-х гг. обозреватель газеты «Южный патриот», освещавшей борьбу рабочего движения за гражданские права на Юге США.

когда-либо вершились над людьми» (Боб Аналавадж, из «Южного патриота»)⁷¹.

В своем недавнем выступлении Стокли Кармайл близко подошел к важному заключению — он действительно выявил самое насущное, но вывернул его наизнанку: «Когда речь

идет об объединении, важно понять, что вы объединяетесь с людьми, которые пытаются возродить свою культуру, свою историю, чувство своего достоинства, борются за право называться человеком». Вот суть революционной борьбы — бороться за право быть человеком. Но затем он сказал: «Белые нищие борются не за это, они борются за деньги. В этой стране полно белых нищих, но мы не видим, чтобы кто-то из них бунтовал потому же, что и мы!» Ответом на это будет то, что «они» (белые нищие) тоже видят возможность остаться людьми своими средствами и что революция не пройдет мимо них. Они должны осознать, что, прежде всего, они — «ниггеры». Они должны осознать свои ценности и свою субкультуру, что поможет им в противостоянии американской пластмассовой смерти. И когда придет это осознание, то последуют и протесты.

И ответ Стокли на вопрос, почему бунтуют чернокожие, станет и нашим лучшим ответом: «Неужели, думаешь, из-за низкой зарплаты? Не верь, что белый джанки скурвился, — нет, не из-за низкой зарплаты! — он восстает на борьбу за свою человечность, за понятие о себе как о человеке, ЗА ПРАВО НАЗЫВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ! Вот где революция или ее возможность. ЛИЦОМ К СТЕНЕ, УБЛЮДОК!»

Б.М.

Революция как бытие

Те движения, которые провозглашают своей целью революцию, пока что только выговаривают слоги: револю-ци-я. Слово может быть богато значениями и ассоциациями, и в силу этого закрепиться в языке. Револю-ци-я, тем не менее, остается всего лишь словом. Мы спрашиваем: что содержит в себе эта революция? Из чего она исходит, к чему стремится? Судьба нашего Бытия зависит от этих ответов.

Вопрос о том, что мы есть и чем будем, — вопрос Бытия — не поставлен. Напротив, револю-ци-я стремится в Замок буржуазной жизни, называющийся социализм.

Движение берет свои истоки в угнетении масс, но что содержит в себе это угнетение? Повсеместные ограничения: экономическая эксплуатация и беззаконие. И если в этом видится подавление Бытия, то цель, к которой стремятся движения, еще более убога: плановая экономика, равенство, свобода. Это то, о чем не говорят, что остается невысказанным и неосмысленным, и это свидетельствует о нищете револю-ци-и. Враг находится как снаружи, так и внутри: помыслить о Бытии и Быть революционером — значит истребить в процессе многое в себе. В революции нет различий между субъективным и объективным. Бытие должно стать всегдашней основой наших мыслей и поступков.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ЭТО СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ...

Но почему сексуальная революция — это пролетарская революция?

В своем нынешнем состоянии пролетарское движение имеет веские отличия от рабочего класса, а в своих основах содержит что-то совсем ему противоположное. И сейчас становится все важнее выявлять существующие различия, хотя до сих пор в нашей субкультуре эти два понятия являются синонимами. Как ни крути, а рабочий класс — это всего лишь термин из политической экономии. И сегодня становится очевидна его глубочайшая пассивность в противостоянии не буржуазии (в отношении которой рабочий класс всегда выказывал эгалитарную враждебность), но буржуазной цивилизации. Превращение рабочего класса в пролетариат занимает свое место не в области политической экономии, а в сфере Бытия. И если то, как мы используем эти термины, отлично от того, как их употреблял Маркс, все равно, мы имеем в виду его ранние работы образца 1844 г.⁷²

⁷² Имеются в виду «Философско-экономические рукописи».

Рабочему классу не известно то состояние сублимации, которое характерно для буржуазного общества, а потому он более открыт для возможности открытия Бытия. Но первый этап открытия — постижение и осмысление причин этой неизвестности. А по Марксу это, хотя и не безоговорочно, расширение пролетарского кругозора. Как бы то ни было, нам нужно больше: пролетарский кругозор — это не просто осознание отчуждения, но возможность непосредственного познания Бытия и дальше — самой возможности Бытия. Вот то удобрение, из которого произрастает наша Революция.

Как нам видится, цель борьбы профсоюзов — отмена работы, цель борьбы в гетто — уничтожение гетто, цель студенческой борьбы — отменить школы. Как этого достичь? Не утопия ли это? На самом деле наша цель — это крушение существующей реальности, а потому мы сами — утопия. Такая же, как Детройт.

Наша Революция может начаться даже мысленно, только при условии коллапса всей цивилизации. И это вполне осуществимо сегодня. Мусорная свалка, кем-то любовно названная Америкой, теперь распадается на

свои составляющие: а это не что иное, как кучи говна! Говоря метафорами, скажем: это забастовка ассенизаторов! В многочисленных стачках Бытие оставляет свои следы — и в этих стачках выдвигаются вполне очевидные требования. Бытие повсюду: в любом поступке, пусть даже он обусловлен экономическими запросами. Но вытащить наружу спрятанное, бороться за Бытие — вот наша цель. Революция — это Сексуальность, растаптывающая цивилизацию.

ДЖЕНИС МОРЕА

Теория синтеза и синтез теории

(1)

Левачество умерло, погребенное своими мечтаниями о прошедшем веке. Движения за мир больше нет, с тех пор как мир всегда там, «где нас нет», — на другом фронте ожесточенной глобальной борьбы, борьбы повсюду. Так называемые хиппи сами отпраздновали свои похороны («Смерть Хиппи — излюбленных сынов масс-медиа» — случилась 6 октября в Хейт-Эшбери)⁷³. У чернокожих иссяк освободительный задор и побавилось решимости вести организованную борьбу. От белых никаких вестей. Они не могут решиться строить жизнь не по экономическим законам, а потому не могут понять природу человеческих нужд. Они уваливают от трудностей, объясняя это творческим подъемом, любовью, но впервые за шесть тысяч лет социальные перемены происходят без их участия. Но человек, этот зверь, не мирится со своими страстями и боится их. И до сих пор он удовлетворяется чем-то дефективным и несовершенным...

Но есть еще одна сила, высвобожденная историей, — личное обаяние, приправленное хитростью, — несмотря на крах движений, кричащих о «мире, любви и свободе», эти страсти свободны в тех, кто не скрыва-

⁷³ Торжественная похоронная процессия (состоявшаяся, по другим данным, 10 октября 1967 г. и «праздновавшая» смерть Flower Power) призвала молодежь страны не ехать в Сан-Франциско, который к этому моменту уже был перенаселен нищими хиппи, едва сводившими концы с концами и болевшими всем подряд.

ет их на улицах. От борьбы чернокожих они берут себе культурную составляющую, а подавляемые порывы гнева и ненависти дополняются хипповским освобождением подавляемых порывов любви (Райх показал это в своем учении о развитии). Революция включает в себя одновременно несколько направлений (психологических и тактических): учиться быть революционером — значит учиться двигаться революционной тропой.

(2)

Мы, люди белой расы, должны осознать себя частью великого отвергнутого класса: мы не Белые — мы просто Светлые (светлокожие братья), потому что душа, а не цвет кожи определяет границы этой борьбы. И Черному сообществу и Светлым революционерам важно понять, что объединение фрагментарного сегодня революционного движения в сплоченную силу освобождает нас. Возрастающая воинственность так называемых новых левых не должна отделяться от сексуально-социальной составляющей хиппи или от вооруженных банд чернокожих. Аналогичным образом самозащита чернокожих и борьба партизан должна объединиться с возрастающей революционностью Светлых в признании всеми необходимости разрушения государства (настоящее политическое освобождение, конец политики), упразднении буржуазных потребительских ценностей (настоящее экономическое освобождение, конец дефицитной экономики), избавление от буржуазных социально-сексуальных моральных устоев (настоящее культурное освобождение, конец угнетения).

(3)

Мы растворены: мы больше не создаем объекты — наше Искусство есть Жизнь, наш растворитель — революция, и в мире, покоящемся на угнетении, наша единственная миссия — это Освобождение. Наша цель превратить левых в хиппи, а хиппи сделать левыми. Вернуть телу разум и разуму — тело. Объединение об-

щественного самосознания и самосознания плоти есть
сотворение Целостного Человека.

А.Н.
TOTALIST/ P.O. box 698, Stuyvesant sta. N.Y. 10009

«Пантера не нападает на Льва, но вместе им одолеть
Гиену».

ЛИСТОВКИ BLACK MASK

1.

БРАТЬЯ:

Начались нападки на черное сообщество в Нью-Йорке. Они имеют своей целью «разделять и властвовать». Мы в белом сообществе должны держаться вместе со своими черными братьями. Эти действия провокаторов и полицейских агентов направлены на подтасовку фактов (обвинительный заговор против Роя Уилкина), чтобы отвлечь от реального врага — угнетения жизни.

Рабочее движение должно хорошо помнить аресты и убийства руководителей объединений (агитаторов) в начале 1900-х (хотя революционная тенденция сохранена до сих пор), чтобы смягчить реальные требования рабочих. Оставшись такими же по сути, они используют те же законы, «криминальную анархию», «синдикализм», чтобы подавить борьбу за освобождение негров, — нельзя, чтобы они достигли своей цели.

BLACK MASK

2.

Свобода — это не подарок Капитана Финка¹

Хиппи стали жертвами своей собственной идеологии.

¹ Капитан Джозеф Финк в конце 60-х гг. был вроде участкового в Нижнем Ист-Сайде. По воспоминаниям участников King Mob в предисловии к испанскому изданию наследия Black Mask/Motherfuckers, он отличался от других полицейских начальников своей тактикой ненасилия по отношению к хиппи, хотя за этим стояли вовсе не лучшие побуждения, а стремление к более мягким, но все же контролю и манипуляции.

В своем бунте против грандиозного спектакля — Голливуд/Мэдисон Авеню/Америка — они упустили из виду не менее опасный спектакль, подменяющий притворной игрой настоящую жизнь, став орудием в руках тех, против кого они вроде как протестуют. Они околачиваются у трибун «звезд», развлекающих труп буржуазии — труп, который пытается переделать мир по своему подобию.

Бэйби, это не ты выпал из системы — это она вытеснила тебя, потому что прогнила насквозь. У них никогда не получится нас переделать, так что

им нужно или подавить или присвоить наш бунт, превратив его в спектакль, что подтвердит его жизнеспособность и нашу недееспособность. Они будут стараться нас уничтожить, и мы должны выдержать. Отказаться «играть в их игры» и начать бороться. «Если им захочется поиграть в фашистов, мы не станем играть роль евреев». Наша борьба имеет много общего с негритянской, так что вместе мы сможем пройти через это дерьмо.

Американский индеец был вытеснен в резервации (концентрационные лагеря), он оказался там не по своей воле и вовсе не за тем, чтобы потусоваться и покурить. Жизнь не должна укрываться в «заповедниках», определенных теми, кто стремится нас контролировать. Мы сами должны решать, где и когда нам жить, играть или умирать, иначе наша свобода — это просто ложь.

Black Mask

3.

Официальное сообщение

Хотя многие уже знают о произошедших 30 мая событиях в Tompkins Sq. Park² и о том, что было дальше, далеко не все понимают ситуацию, складывающуюся при таких обстоятельствах.

² Общественный парк в Ист-Вилидж.

В тот вечер, когда полиция напала в парке на участников пирушки (что привело к аресту 36 человек, трех госпитализировали, одного — с осложнениями), большая часть нашего сообщества явилась в здание уголовного суда (100 Center St.) выразить солидарность и обеспокоенность судьбой арестованных. Мы были среди тех, кто был там, и, послонявшись некоторое время, было решено выстроить пикет протеста против полицейской жестокости (соответствующие надписи были сделаны на плакатных щитах, которые кто-то додумался принести). Однако многие из бывших там «хиппи» активно воспротивились нашим действиям. Они наивно уверяли: «протестом» мы только усугубляем ситуацию — и выражали несбыточную надежду, что находящимся внутри будет лучше, если мы свернем

³ Пол Красснер (р. 1932) — издатель сатирического журнала «Реалист», ключевая фигура контркультуры 1960-х гг. и один из создателей йиппи. Когда в 1970-е «Реалист» столкнулся с финансовыми проблемами, его финансированием занялся Джон Леннон. Красснер также был одним из «Веселых проказников» Кена Кизи. Кроме того, он дружил с Ленни Брюсом и тоже комиковал со сцены, а в 1971 г., спустя 5 лет после смерти Брюса, Гручо Маркс сказал: «Предвижу тот день, когда Красснер займет место Ленни. Это по плечу только ему».

удочки. Мы, в свою очередь, стали объяснять, что арестованные стали жертвами незаконного нападения и это вовсе не какой-нибудь отдельный случай проявления жестокости, но общая участь обитателей гетто (даже если это для них в новинку), обусловленная общей существующей системой угнетения, которая должна быть осмыслена, перед тем как быть уничтоженной. На этом месте нас перебил Пол Красснер³ (редактор «Реалиста») и назвал нас «такими же фашистами, как и менты». Стало быть, те, кто выступает против жестокости, ничем не отличаются от вершащих ее. Кошмарное искажение высказываний и фактов стало общим местом и в последующих событиях.

Следующим вечером, в среду, тусовка собралась в «Форуме» обсудить случившееся и решить, как поступить дальше. Когда мы приехали, митинг был в разгаре, капитан Финк из Девятого участка уже свое отбарабанил и, отвечая на отдельные вопросы, говорил типа: «произошедшее оказалось ошибкой» (если «ошибкой», то кого они собирались избивать?), «полиция была не на высоте» и т.д. В тот момент мы вставили замечание, что болтовней с полицией ничего нельзя добиться и что здесь, вообще-то, встреча членов коммюнити и нужно сделать выбор (это касается и пуэрториканцев, и негров из Нижнего Ист-Сайда): разговаривать впустую с полицией или по делу — со своими братьями. Поднялся гам, визг, пошли в ход грубости, но все закончилось уходом Финка и, следом за ним, тех «реформаторов», которых более заботило, как бы «уладить дело» с полицией, а не понимание причин случившегося и предотвращение подобного в будущем. Нас опять назвали «trouble makers», хотя многие были согласны с нами и встреча закончилась выборами в комитет, куда вошли представители всех жителей гетто: хиппи, пуэрториканцы и негры. Спустя время

те, кто ушел раньше, объявили нас «чрезвычайно деструктивными элементами» и навешали на нас всех собак за то, что учинила полиция. Если наше стремление объединить все сообщество, включая пуэрториканцев, обнажило существующие между ними и хиппи напряжения, то в тот вечер такой негативный расклад сошел на нет. Не все ли мы вместе угнетены? Так давайте же объединимся.

Мы попытались согласовать наши общие действия в этой ситуации и постарались увидеть случившееся в революционной перспективе, но были обвинены в «жажде крови» и в попытке продолжить насилие.

НАСИЛИЕ УЖЕ СУЩЕСТВУЕТ – И НЕ МЫ ЕГО ПОРОДИЛИ.

ГЕТТО СУЩЕСТВУЮТ – И НЕ МЫ ЖИРУЕМ ЗА СЧЕТ НИХ.

ЛЮДИ УГНЕТАЕМЫ – И НЕ МЫ ТОМУ ПРИЧИНА.

Местному истеблишменту и его СМИ нужны были козлы отпущения — ими стали мы. А все потому, что мы говорили правду, а «правда — революционна». Те, кого такая система устраивает, не могут ее обвинять. А мы можем.

BLACK MASK

4.

BLACK MASK

P.O. BOX 512, COOPER STATION, NEW YORK, N.Y.

БРАТЬЯ, СЕСТРЫ, КОМРАДЫ И ДРУЗЬЯ

Вы могли заметить, что BLACK MASK больше не выходит — № 10 (апрель—май '68) был последним выпуском, причиной тому послужили выводы из нашей теории: движение должно быть настоящим или оно не должно быть вовсе. Теперь наш призыв таков: НА УЛИЦЫ...

Результатом явилось не только прекращение выпусков BLACK MASK, но и судебные передраги, следовавшие за нашими акциями. Группировка BLACK MASK, теперь превратившаяся в UP AGAINST THE

WALL / MOTHERFUCKERS, обвиняется по 48 пунктам, подразумевающим сроки от 10 дней до 10 лет. Позарез нужны деньги не только на судебные издержки, но и на борьбу по всем направлениям.

Я сам теперь в Бостоне, на кону мое право на самооборону иначе — десятилетний срок. Суд состоится 7 октября 1968 года. Деньги на это дело нужны ПРЯМО СЕЙЧАС.

Братски
Редактор BLACK MASK
БЕН МОРЕА

UP AGAINST THE WALL MOTHERFUCKER
341 E. 10th St.
New York, N.Y.

UP AGAINST THE WALL MOTHERFUCKER

Репортаж “Free Press” с пресс-конференции

Все новыми и новыми искажениями фактов умножается ложь о войне во Вьетнаме посредством основных СМИ. По сообщениям наиболее распространенного и лживого United Press International, морская пехота уверенно наступает, а вьетконговцы отступают вглубь, пехотинцы захватывают в плен, а вьетконговцы похищают людей, пехотинцы выполняют приказ, а вьетконговцы убивают. Пехотинцы не сдали Кхе Сан¹, им пришлось отказаться от тактики «найти и уничтожить», три военных самолета было сбито конговской артиллерией, и это подавалось как крупнейшая летная катастрофа в истории авиации. Теперешнее непрерывное наступление вьетконговцев на Сайгон освещается с позиций загадочной восточной концепции пропаганды.

Этим летом хип-коммюнити подверглось такого же рода нападкам. За исключением нескольких сочувствующих передовиц в *Globe*², хиппи везде поносились как дегенераты, грязнули и нарушители общественного порядка.

Не было предпринято ни одной серьезной попытки понять их философию или их решимость к борьбе против Общества. И ни одного сообщения о той агрессии, травле и нападениях, которым их это общество подвергло.

Пресса освещала происшедшее с точки зрения полицейских отчетов с небольшой толикой правды. *Record American* особенно отличилась в своих злобствованиях и мстительности.

Неприятности достигли своего апогея, когда, после ареста более ста членов свободного коммюнити за нарушение обывательского комендантского часа, было объявлено, что член группировки *Up Against the*

¹ Продолжавшееся в течение 77 дней (21.01.1968–08.04.1968) сражение в Кхе Сан (место дислоцирования американской военно-морской базы) стало крупнейшей батальей Вьетнамской войны.

² *The Boston Globe* — крупнейшая ежедневная бостонская газета.

Wall Motherfuckers (фракции нью-йоркских «Студентов за демократическое общество») Бен Мореа пырнул ветерана Вьетнамской войны.

Мореа вместе с участниками “New England Resistance” и СДО собрали пресс-конференцию 24 июля, чтобы опровергнуть обвинения против Мореа и вывести на чистую воду лживую прессу вообще и Record American в частности.

Последствия напоминали упорный и кропотливый труд по развалу коммуникации. На следующий день в прессе об этом не появилось ни строчки. Free Press предлагает чуть-чуть сокращенную расшифровку этого интервью, чтобы жители Бостона смогли лучше понять эту Борьбу против Общества и почему это общество со своими истеблишментскими СМИ не хотят и не могут сказать всю правду об этих событиях.

BEN MOREA: Суть нашего коммюнити — это альтернатива существующей системе, подразумевающая также и ее разрушение. Хип-коммюнити являет собой образ жизни, а не образ выживания. С одной стороны, это отвержение ценностей среднего класса, особенно ценностей потребления; с другой стороны, это возможность более полноценной жизни. Отсюда берет свое начало революционная культура.

Поэтому СМИ, являющиеся пропагандистами этих самых старых ценностей, неизбежно перевирают хиппи и их действия. И вместе с этим то, что невозможно перевернуть, необходимо приспособить. Они обращают внимание на наш внешний вид и замалчивают наши революционные ценности. Они делают модной и годной к продаже нашу манеру одеваться, замалчивая нашу суть. Потому что от хиппи исходит угроза, сам факт его существования — преступление, так же, как чернокожий является преступником по причине цвета своей кожи. Хиппи — это ниггеры. И, подобно чернокожим, они оскорбляются, притесняются, бывают биты и арестованы.

Инцидент в Арлингтоне, в этом смысле, показательный пример. СМИшное вранье только увеличивает вглубь и вширь страхи обывателя в отношении хип-

пи. Комендантский час был введен, в том числе, из такого страха, а также, чтобы у нас не было времени и возможности собираться вместе. Например, бизнесмены из Бекон-Хилла³ выступают против нас из-за того, что нам не нужно покупать их дерьмо. Те из нас, кто сначала был изгнан из Общества, затем был арестован и, в свою очередь, изгнан с улиц. Вынужденные переместиться в район Arlington St. Church, мы были отрезаны от нашего коммюнити и открыты для нападения.

³ Бекон-Хилл — фешенебельный район Бостона.

Это нападение стало следствием кампании в масс-медиа по представлению нас в ложном свете и нашему разъединению. Например, в этот раз на нас натравили воинственно настроенных молодых людей, которые также угнетаемы обществом, как и мы. В Обществе есть два вида свиней: гражданские и военные. И гражданские боятся, что эксплуатируемые объединятся, а военные знают, что солдаты поддержат нас, перестав быть инструментами своего собственного угнетения.

В то же время, будучи атакованы, мы должны и будем защищаться, невзирая на лица. Негритянское сообщество уже делает это, теперь наш черед. Поскольку мы связаны с ними, то можно видеть, как некоторые из них, вроде Хьюи Ньютона, защищавшиеся от гражданских или ментовских нападений, полностью оправданы. Мы тоже отстаиваем право на свою защиту и на защиту нашего сообщества. Желая строить революционное сообщество, мы осознаем, что придется бороться⁴.

⁴ Эта речь позже была отдельно опубликована в недатированном и нумерованном выпуске "UAW/MF" под названием «Мы все нежелательны», а также в газете "Rat" под заголовком "Motherfucker Up Against the Wall". В нашем издании повторно не перепечатывается.

В качестве прелюдии мы объявляем просветительскую программу и кампанию против Record American, газеты, наиболее злобной и жестокой по отношению к нам.

GLOBE: Мне интересно, кого вы представляете, какую группировку? Делая это заявление, как я понимаю, вы выступаете от лица так называемого сообщества хиппи?

В.М.: Я не представляю сообщество хиппи. Я его часть. Хочу пояснить вот что: сообщество хиппи — это не

местечковое сообщество. Нет такого понятия, как бостонское сообщество хиппи, нью-йоркское, сан-франциское... Есть одно сообщество хиппи, которое рас-

⁵ Спортивная радиостанция в Бостоне. Вещает с 1912 г. по сей день.

пространено по всей стране...

WEEI⁵: А вы сами откуда будете?

В.М.: Я из Нью-Йорка.

WEEI: А почему вы в Бостоне?

В.М.: Я переехал сюда. И хочу остаться.

WEEI: И как долго вы здесь?

В.М.: Ох, уже неделю.

WEEI: Вы говорите, что переехали в Бостон, а вы нашли себе жилье? Работу? Что привело вас в Бостон?

В.М.: Местное хип-коммюнити находится под тем же давлением, что и в других местах по стране, и, я полагаю, необходимо везде этому сопротивляться... тем более, я ощущаю, что и другие члены хип-коммюнити повсюду хотят помочь ребятам в Бостоне.

WEEI: Так вы приехали сюда присоединиться к местному сообществу или бороться с Истеблишментом?

В.М.: Это одно и то же.

WEEI: Нет.

В.М.: Ну да, одно и то же.

WEEI: Одно и то же — что?

В.М.: Мы понимаем суть хип-коммюнити как борьбу с Истеблишментом.

WEEI: Другими словами, вы выдаете хип-коммюнити как что-то воинственное, жестокое... эти ребята не выглядят агнцами. Они олицетворяют собой ниспровержение Истеблишмента.

В.М.: У ниспровержения много значений. Я не отвергаю насилие. Но в то же время я не вижу в насилии возможность построения того, что мы хотим.

CHRISTIAN SCIENCE MONITOR⁶: Как бы вы обозначили и охарактеризовали ваши понятия любви, благожелательности и честности, бытующие внутри вашего сообщества, известного как аполи-

тичное? Как вы относитесь к его переориентации?

В смысле того, что вы называете самозащитой.

В.М.: Ну, я не думаю, что идея самозащиты или даже насилия противоречит идее любви... мне не кажется,

⁶ Международная газета. Выходит с 1908 г. с понедельника по пятницу.

что наше сообщество — это сообщество любви, оно скорее более целостное. Желая быть целостными, мы принимаем жизнь во всей ее полноте. Мы не отвергаем какое-либо ее проявление. И то, чего мы хотим, наш идеал — это жить такой жизнью, которая не нуждалась бы в насилии. Мне не нравится насилие, но вместе с этим, чтобы быть полноценными людьми, нам нельзя отвергать какую бы то ни было часть жизни.

Если на нас нападают, мы не будем отвечать тем же. Хотя бы в этом пресса могла нас поддержать... Хип-коммюнити — это не движение пацифистов, которое есть в Америке. Это разные вещи. Хип-коммюнити — это полноценное сообщество, это культура, образ жизни, способ существования. Это не тактика или идеи, или иное обличие пацифизма. Множество людей среди хиппи — пацифисты и не прибегают к насилию. Но есть и другие, кто считает, что мы должны защищать те ценности, которые позиционируются как альтернативные американским ценностям.

WEEI: И что же, вы станете насаждать свой образ жизни вместо привычного? Захватывать земли с их жителями?

В.М.: Американское общество отняло землю у индейцев.

WEEI: Ну, вы же не индеец.

В.М.: Мы все индейцы. И все из нас индейцы. Мы — это возвращение индейцев.

WEEI: Вы — это возвращение индейцев?

В.М.: Точно. Вы уничтожили этот народ.

WEEI: Я не уничтожал этот народ.

В.М.: Вы уничтожили этот народ своей культурой, самой больной культурой из существовавших. Понимаете? Вы уничтожили этот народ физически, культурно, как только могли. И мы, кто вырос в вашем обществе, теперь понимаем, что вы натворили, и мы ближе к ним, чем к вам. Мы их потомки, а не ваши.

WEEI: А сколько вам лет?

В.М.: Мне 26.

WEEI: Так вы старше меня. И это ваша культура, а не моя. *(Журналист удалился.)*

CHRISTIAN SCIENCE MONITOR: В начале лета случился этот наплыв хиппи в наши края, и они говорили, что будет еще больше. Большинство этих подростков довольно радикально настроены, и среди них есть лидеры, которые выступают от их лица. Вы как-то связаны с теми, кто вел переговоры с полицией и с администрацией Бостона, — с теми, кто объявил Истеблишменту о возвращении хиппи?

В.М.: Тут сложилось какое-то ложное впечатление, которое нужно прояснить. Во-первых, никто сюда не приезжал. Никто не приезжал и не устраивал проблем. Проблема сама по себе уже здесь. Проблема повсюду в Америке. Есть два вида проблем: видимые и невидимые. Через день или около того, как я приехал, восьмерых подростков арестовали просто за то, что они сидели на траве. Вот это проблема, понимаете?

Люди, которые беседовали с мэром, с полицией, не смогли этого предотвратить. Единственное, что мы можем сделать по предотвращению подобного, — это дать понять, что мы не собираемся пересчитывать всех членов коммюнити поголовно. Если кто-то хочет нас выгнать, то ему придется выловить всех, а не одного или двух из нас. Людей, разговаривавших с мэром и полицией, не волнуют отдельные представители хипп-коммюнити. Их волнует только завязывание отношений непонятного толка. Их не волнует судьба тех восьмерых, которым было предписано покинуть город, пока еще сохраняется видимость благожелательности Истеблишмента по отношению к хиппи. Но когда люди собрались вместе и сказали, что эти восемь — наши братья и что мы их не бросим и не позволим выкинуть из города, ни с того ни с сего пресса увидела в этом проблему. А в том, что случилось накануне, проблемы вроде как и нет...

HERALD TRAVELER: Бен, если вернуться к теме защиты, вы ведь будете защищаться, я правильно понял?

В.М.: Правильно.

Н.Т.: Каким образом? Оружием?

В.М.: Я буду защищаться соответствующим нападению образом. Если нападают словесно, то мы найдем, что сказать в ответ. Нападут в культурном отношении — со-

ответственно. Если это насилие, с применением силы, — мы ответим тем же. Если на нас направят оружие — то будет и оружие.

Н.Т.: Исходя из того, что ты говоришь, стоит ли делать вывод, что у вас есть запасы оружия?

В.М.: Наша энергия — это и есть оружие.

Н.Т.: И ты не имеешь в виду ничего материального? Типа ружей, пистолетов? Я просто хочу прояснить этот момент.

В.М.: Если ты в меня стреляешь, как адекватно я могу реагировать?

Н.Т.: Станешь стрелять в ответ?

В.М.: Я все сказал.

Н.Т.: Так у вас есть запас оружия или нет?

В.М.: Нет. Ни у кого нет запасов. Никому это на фиг не нужно. Запас оружия у полиции.

С.С.М.: Может быть, это наивный вопрос, но меня интересует: если вы так настроены на борьбу с Истеблишментом, есть ли что-нибудь в Америке, что вас устраивает? Что вы думаете, например, о законах о злоупотреблении наркотиками — ведь это имеет отношение к сообществу хиппи, злоупотребление или употребление — для вас есть разница? Может быть, стоит уважать эти законы, особенно те, которые не совсем уж ханжеские?

В.М.: Мы против злоупотреблений наркотиками. Мы полагаем, что это полиция ими злоупотребляет. Мы полагаем, что это Истеблишмент ими злоупотребляет, так как они нас напрягают по этому поводу. Наркотики — это часть нашего сообщества. Думаю, что важная часть... Лично я думаю, что наркотики, позволяющие людям раскрепоститься, полезнее, чем запреты. Между наркотиками есть разница — есть, например, депрессанты, которые можно достать везде: в гетто, в других местах; их можно использовать для разных целей. Например, чтобы удолбаться. Когда жизнь становится невыносимой, ты замыкаешься в себе, и это смерти подобно. Я абсолютно против того, чтобы принимать определенные наркотики с целью довести подобное состояние до предела. И в нашем сообществе это есть, потому что оно находится под постоянным давлением Истеблишмента...

Когда в гетто появился героин, он стал распространяться в хип-коммюнити, потому что снаружи стали закручивать гайки. Но в том сообществе, где хиппи может раскрепоститься, где он может жить как ему хочется, наркотики означают, прежде всего, марихуану, гашиш, ЛСД и типа того; кто что хочет, то и употребляет. Я бы не стал вводить никаких ограничений в нашем коммюнити. Наркотики — это личное дело каждого, и в то же время мне кажется, что нам удалось создать такую атмосферу, которая не позволит человеку превратиться в наркомана...

А люди Общества вне этого, они разобщены. Люди из разных частей города не хотят иметь ничего общего друг с другом, потому что все боятся быть вместе и попытаться жить полноценно — Общество подавляет в них это.

С.С.М.: Ты можешь объяснить, почему для хиппи Нью-Йорк является таким рассадником коррупции?

В.М.: Нью-Йорк и есть такой рассадник. Нью-Йорк был воздвигнут Истеблишментом. Не мной. Когда меня засунули в маленькую коробку, я стал выглядеть, как эта коробочка. Жители Нью-Йорка очень похожи на то, что их окружает, а потому хиппи там более прессыют, чем где бы то ни было. Хотя «одинаковость» Нью-Йорка относится и к Бостону, и к другим местам — она распространяется.

GLOBE: Какова ваша высшая цель? Общество без насилия? Так ведь?

В.М.: В перспективе? Конечно. Разница вот в чем. Индейцы живут в обществе без насилия. У них нет полиции. Хотя у них и случались мелкие стычки. Но насилия в их среде нет, оно вынужденно появилось, когда вы напали на них.

Н.Т.: У них были широкомасштабные межплеменные войны. Американская история это подтверждает.

MOTHERFUCKER: Я думаю, тебе следует ее перечитать.

Н.Т.: Вы хотите сказать, что ничего подобного не было?

В.М.: Все, что я хочу сказать, — это то, что верю в полноценный образ жизни. Позвольте объяснить. Это мо-

жет показаться несколько метафизическим. Существует энергия, которая и есть жизнь. И если вы попытаетесь встать у нее на пути, она собьет вас с ног. Если вы позволите ей проходить через вас, отлично. И в нас есть эта энергия. И если вы встанете у меня на пути и будете мешать мне жить, мешать мне двигаться дальше, я собью вас с ног. Ну, а если наоборот — отлично.

Всегда происходит деление на насилие и ненасилие, и это неправильно. Делить надо на жизнь и смерть. Вот то деление, о котором мы начинаем говорить, не о насилии и ненасилии, а о жизни и смерти. Если ты стремишься жить и твое насилие направлено на того, кто препятствует тебе в этом, я не назову это насилием. Я назову это жизнью. Но полицейское насилие и военное насилие направлено на убийство других, и такое насилие есть смерть.

Вот в чем разница. Я устал от этих разговоров о насилии и ненасилии. Речь идет о жизни и смерти, и наше сообщество имеет отношение к жизни, а не к смерти.

А ваше сообщество олицетворяет смерть. Вы едите мертвую пищу. Вы проживаете мертвые жизни. Вы трахаете мертвых баб. Все, связанное с вами, мертво. Я говорю не о вас конкретно, но о вашем обществе.

RESISTANCE: Вы приглашаетесь к переменам в обществе, в любое время.

FREE PRESS: Расскажите о том, что вы предприняли по отношению к Record American.

SDS: Это очень похоже на то, что произошло недавно в Германии, эти демонстрации против Шпрингера⁷. Призывы к переменам в Западной Германии стали провозглашаться в начале года, когда там наконец стали осознавать роль СМИ в осуществлении этих перемен, в возрождении Германии, которая была свободной,

⁷ Компания "Axel Springer Verlag GmbH" была основана в 1946 г. в Гамбурге (Германия) издателем Генрихом Шпрингером и его сыном журналистом Акселем Шпрингером (1912–1985). В 1960–1970-е гг. концерн являлся мишенью для множества левых и студенческих групп. Его обвиняли в подстрекательстве, офисы взрывались РАФ и «Группой 6 марта». В настоящее время концерн вновь подвергается критике как со стороны левых, так и со стороны мусульман за открытую поддержку Израиля. "Axel Springer AG" была единственной из издательских компаний в Германии, которая отказалась публиковать предвыборные агитационные материалы немецкой Левой партии в 2005 г.

где была возможность жить полноценной самостоятельной жизнью.

Там начались выступления против Шпрингера и его прессы, имеющей большое влияние на подобные процессы. Он считается олигархическим медийным концерном, способствующим угнетению народа Западной Германии. Его общественное влияние сводится к тотальному обману, к убеждениям прекратить протестные выступления и не стремиться к переменам на основе человечности. Люди в Германии осознали, что пресса Шпрингера обманывает их по поводу сути их работы, школьного образования, их политических партий. И такое положение вещей привело к тому, что начался бунт против отъявленной олигархической пропаганды...

⁸ Основатель — бизнесмен Уильям Рэндольф Хёрст (1863–1951), был газетным магнатом, создателем сенсационности как критерия продажи газет, основателем «желтой журналистики», расистом.

В этой стране что-то похожее можно наблюдать в случае с Херст-пресс⁸... Херст-пресс распускает ложь о начальниках, политиках, участковых врачах, местных бандитах, полицейских — о всех этих свиньях, которые по-настоящему угнетают народ. И Херст-пресс уверяет людей, что эти

олигархические агенты действуют в интересах общест-венности, когда творят беззаконие. Вот и в Бостоне Херст-пресс уверяет своих читателей, что полиция — это друг, товарищ и брат... Уверяет, что военные творят добро, ведя войну во Вьетнаме. Уверяет, что пора-бощая капиталистическая система действует в их интересах. А полиция — помогает и защищает. И еще уверяет, что враги — это негры и люди, радикально настроенные против войны и империализма...

В любом случае я считаю необходимым выявить криминальную сущность тех, кто выносит приговор невиновным людям, борющимся против криминала, и натравливает на них жителей Бостона. Чести ради нужно признать, что в Бостоне Херст-пресс сыграла решающую роль в нападении пехотинцев (угнетаемых пехотинцев) на хиппи, что Херст-пресс более всех ответственна за учиненное насилие. Случившееся — это сущий бандитизм и не меньший бандитизм, что Record

American ставляет жителей города друг с другом, чтобы таким образом соблюсти интересы власть предержащих.

Мы призываем людей выступить против такой прессы, взамен той, что осознает всю глубину своей социальной ответственности, например бостонская Free Press — из тех, кто борется за возрождение чувства социальной ответственности в изложении правдивой информации. Мы употребим все силы, чтобы привлечь внимание общественности к такого рода правозащитной деятельности.

RESISTANCE: Херст-пресс натравила на нас этих солдат. Солдаты участвовали в этой потасовке. Этим солдатам досталось. Их уверили, что мы их враги... Мы к ним нормально относимся, мы понимаем, что правительство их использовало для своей войны. Мы с ними по-хорошему разговаривали. Они пришли посмотреть на нас, потому что знали о нашем дружелюбии. Мы понимаем их бедственное положение. Понимаем, что их использовали. Record American и другие газеты внушили им, что мы — враги...

Что Record American сделала, так это приставила нас к стенке... Создала атмосферу ненависти, повлиявшую на пехотинцев. Мы теперь приставлены к стене, и мы будем защищаться.

FREE PRESS: Американское общество сегодня повсюду ищет врагов. Все напуганы. Нас никто не уважает и не любит, потому что мы распространяем агрессию по всему миру. Американское общество — это тяжелая ноша для всей планеты, и по этой причине Record American, вынужденная конкурировать с другими газетами в Бостоне, печатает что угодно, что может сойти за обнаружение врага большого количества невежд. Если напечатать большим тиражом, что некое меньшинство в обществе является врагом большинства, то продашь огромное количество газет. Record American поступает именно таким безответственным образом, снова и снова пытаясь убедить большинство народа, что одно из меньшинств — еще один враг.

Н.Т.: Пресс-конференция скатывается в одну большую атаку на Record American. Я не журналист этой газеты.

Думаю, лучше было бы устроить пресс-конференцию специально для них. Касаемо меня, то я ничего, что о них сегодня было сказано, не напечатаю.

В.М.: Это касается не только Record American.

Н.Т.: А что насчет других газет?

В.М.: Это не насчет других газет... все газеты в Америке представляют что-то противоречащее нам, потому что они — часть Истеблишмента, вне которого мы находимся.

Н.Т.: Но, Бен, это выглядит так, как будто ты собираешь пресс-конференцию с группой ученых и тут же проклинаешь всю науку в целом. И мы сидим здесь так, по-джентельменски...

В.М.: Я просто хочу обратить внимание на одну вещь. Эти солдаты и этот инцидент...

Н.Т.: Давай все-таки оставаться в рамках приличия.

В.М.: Я терпеть не могу иметь дела с прессой, но слишком много людей пострадало в этой заварухе. По меньшей мере, двадцать человек напало на восьмерых. И из тех двадцати лишь пять или шесть были солдаты.

Я к тому, что пресса сделала упор на солдат, чтобы создать такую видимость... Я хорошо помню, что среди нападавших не было инвалидов войны. То, что писали о каком-то парне на костылях, — это вообще абсурд. Был там один такой, но он стоял в стороне. Приперся на двух костылях, но, когда все началось, видимо, решил, что одного ему достаточно и другой отдал кому-то еще, чтобы тот его использовал как биту для спин сторонних наблюдателей драки...

Н.Т.: Бен, но дело, прежде всего, в репортере, который именно так все рассказал. А не в редакторе. И не в издателе. А ты огульно обвиняешь всю газету.

В.М.: Дело в редакторе. Но не было ни одной газеты, которая вообще бы замолчала это происшествие. Наоборот: все как одна рассказали о том, как мы, так или иначе, избили солдат, порезали их, напали на них.

Н.Т.: А когда пресса туда добралась? Когда драка закончилась?

В.М.: Я не знаю.

Н.Т.: То, о чем ты рассказываешь, явно произошло до приезда журналистов.

В.М.: Они поняли, что произошло. И написали об этом так, как написали.

Н.Т.: Я там не был, я не знаю.

RESISTANCE: Ну, и почему же ты не написал, что не был там и не знаешь? Пресса всегда все знает, такая уж у нее поза.

C.S.M.: А где гарантия того, что вы там, у себя в New England Resistance или среди хиппи, не превратитесь в охотников на ведьм, типа антикоммунистов? В пятидесятые годы я много слышал таких же упертых антикоммунистических изобличений в адрес прессы...

В.М.: Вот это ДА! Это нечто! Ушам не верю. Это они охотники, а мы — ведьмы. А ты спрашиваешь, как мы собираемся прекратить охоту. Сжечь пытаются нас! Такая вот охота, понимаешь?

C.S.M.: А как ты различаешь самозащиту и паранойю?

В.М.: Знаешь, что я тебе скажу: если попытаешься напасть на меня, увидишь, какой я параноик...

AVATAR: Могу я кое-что сказать? Я хотел бы вернуться к тому, о чем ты говорил раньше. Мне кажется, пресса как-то незаметно для себя забыла, что является мнением и голосом народа. Вот в чем ее ответственность. Она выступает от лица общественности. И она возомнила, что полиция будет следовать тому, что напишут в газетах. И если так написано в газете, то люди вызовут полицию. И полиция будет действовать. Например, если подростки восстают против Общества и нарываються на неприятности, то неприятности эти берут свое начало в прессе, а потом уже идут в ход дубинки. Но такое происходит, потому что общественность это допускает.

В.М.: Местами верно. Но скажем прямо: дело не пресе, а во всем американском обществе, которое есть причина происходящего. Пресса лишь озвучивает то, что имеет место быть. Американское общество боится жить. И это то, против чего мы восстаем. И вы это знаете. Чтобы спасти ваши суррогатные иллюзии, вы на нас нападаете. Пресса становится вашим голосом, менты становятся инструментами, судьи становятся вершителями, а те бедные солдатики становятся чем-то вроде пешек.

Но это не пресса, не менты, не пехотинцы, не те, кто нападает. Это не то. Американское общество прогнило до корней. Вот в чем дело. Вот почему мы называем себя революционным сообществом — потому что мы видим эту гниль. Мы не хотим гнить, и мы восстанем. И если вы нападаете на нас, мы вернем сторицей. FREE PRESS: Можно вопрос к прессе? Появилась такая штука, как Общественный Бюллетень. Кто-нибудь из Globe, the Herald Traveler или Record American видел это и знает, что там говорится о хип-коммюнити?

GLOBE/ Н.Т.: Я не видел... Впервые слышу.

FREE PRESS: Вам не кажется, что если ваши издания и дальше собираются гнуть свою линию, то им нужно подорваться и узнать об этом подробнее. Это просто их долг...

Н.Т.: Ну, вы должны понимать, что это всего лишь еще одна новость из многих, которые к нам круглосуточно поступают. Вчера меня направили в Линн писать об ограблении на 138 тысяч долларов. Но я напишу, как есть, об этом Бюллетене.

В.М.: Ты напиши сначала, как есть, о случившемся инциденте...

AVATAR: Работая в газете, ты можешь писать все, что хочешь, но ты не знаешь, в каком виде это уйдет в печать.

Н.Т.: Точно. Другими словами, я могу написать правду, но не могу обещать, что ее опубликуют.

AVATAR: Да, потому что есть некий парень, который хочет наварить денег, распродав газеты. И ему наплевать...

Н.Т.: Не совсем так. Может статься, что я не напишу это правильно. В смысле грамматики.

В.М.: Слушай, давай кое-что проясним у тебя в голове, в твоих записях или где там. Перво-наперво, комендантский час — это абсолютное поправление закона и конституции.

Н.Т.: Ага, сейчас запишу. Комендантский час — это абсолютное поправление закона и конституции, верно?

В.М.: Его объявление было направлено на нас как на общество, чтобы нас вытурить. Так же, как нас вытурили из Общества на улицы, потом нас незаконно на этих

улицах арестовывают, изгоняют с улиц, а когда мы собрались у церкви, то напали. После нападок в прессе, после полицейских арестов до людей доходит, что мы являемся криминальными элементами, что вот менты бьют, значит, надо присоединиться. На нас напали — вот на что нужно обратить внимание в этих чертовых статейках, что мы защищались, а не нападали...

RESISTANCE: Ты думаешь, в Бостоне это кто-то напечатает?

Н.Т.: Я уверен, что слово «чертовые» точно не пройдет.

В.М.: Нет, потому что так было на самом деле. Часто ли встретишь, что пишут о том, как человека, задержанного полицией, избили по дороге на участок?

Н.Т.: Это нужно доказать.

В.М.: Я тебе вот что скажу. После того как на меня напали, когда меня потащили в ментовку, я показал им тех шестерых, с которыми дрался: один со свинцовой трубой, другой с доской, еще несколько с кирпичами — и все на меня, а я защищался как мог. И ментам этим было все по фигу, они даже не посмотрели в их сторону, не то что ловить. Забрали меня. Я просто хочу, чтобы меня правильно поняли.

Н.Т.: Понимаешь, мы делаем свою работу. Мое задание сегодня — быть здесь и записать пресс-конференцию. Которая вылилась просто в атаку на прессу.

В.М.: Ну опубликуй это заявление.

Н.Т.: Тот факт, что полиция отказалась арестовать тех шестерых, установлен?

В.М.: Да они просто категорически отказались. Я им ясно сказал: «Вот эти напали», а менты и пальцем не

Бен Мореа в 1968 г.

шевелинули. Одного только забрали, но потом отпустили. А я сидел в обезьяннике, понятно?

Н.Т.: Хорошо, я напишу об этом.

FREE PRESS: Правда ли, что Record American более, чем другие газеты, приближены к полиции?

Н.Т.: Я бы так не сказал. Я работаю в Herald Traveler уже 25 лет. У меня много друзей в Record American, и мне не кажется, что у них там есть какие-то необыкновенные связи.

FREE PRESS: А я разговаривал с другими бостонскими репортерами и у многих из них есть подозрение, что Record American определенно быстрее других получают для обозрения криминальную хронику.

Н.Т.: А здесь присутствует журналист из Record American?

RESISTANCE: НЕТ.

GLOBE: А его приглашали?

RESISTANCE: НЕТ.

MOTHERFUCKER: Можно мне попробовать прояснить ваше ощущение того, что вот вы здесь защищаете прессу, записываете новости, и тут кто-то выливает ушат злобных заявок по вашему адресу?

Н.Т.: Одну минуточку! Не надо мне приписывать того, что я не говорил, дружок. Имелись в виду не «злобные заявки», а обвинения против прессы.

MOTHERFUCKER: Дело не в том, какой смысл у СМИ, как они действуют и как влияют. Сейчас это уже не всегда дело личной виновности. Никто не говорит, что вот вы там работаете на Herald Traveler, искажаете новости, потому что хотите кого-то пригвоздить к стенке. Конечно, вы так не думаете. И это не то, что называется осознанием сути. В настоящий момент суть масс-медиа в том, что это — Истеблишмент. Они принадлежат системе. Они ее часть, и они оперируют ее ценностями.

Н.Т.: Вам здесь не журналисты нужны, а издатели.

MOTHERFUCKER: Дело в том, что вы здесь представляете издателей. Вы работаете как их представители. К сожалению, сейчас есть только один вариант такой работы: следовать указаниям издателя и — иногда — не следовать. Это будет вашим фронтом атаки на прессу.

Н.Т.: Минуточку! Указаниям? За 25 лет работы журналистом Herald Traveler издатель ни разу не указал мне, что нужно делать.

MOTHERFUCKER: Ну вам же сказали сделать репортаж.

Н.Т.: Чтобы сделать репортаж, я был аккредитован редактором, который не есть издатель.

MOTHERFUCKER: Ну ведь есть система подчинений, верно?

Н.Т.: И что же, издатель подписывает в печать каждый номер?

MOTHERFUCKER: Ну так и президент не подписывает каждый выстрел! Что, не так что ли? Есть же вертикаль управления. Когда издатель указывает редактору, какие новости помещать на первую полосу, то известно ведь: есть такие новости, что называется, «некоторые любят погорячее».

Н.Т.: Что же это за издатель такой, о котором вы говорите?

RESISTANCE: В редакции Record American есть дверь в кабинет редактора с табличкой, на которой помещена сентенция, подписанная Уильямом Ральфом Херстом, гласящая: «Сообщайте только те новости, которые хотят слышать хорошие люди из хорошего американского среднего класса». Вот она — главная директива.

Н.Т.: Никогда ее не видел.

RESISTANCE: На третьем этаже, прямо на двери.

MOTHERFUCKER: Речь идет не только об отстаивании превалирующих в обществе ценностей, но и о том, как пресса психологически воздействует на людей. Есть некоторые важные вещи, которые необходимо сообщать, и неважно, что они идут вразрез с этими превалирующими ценностями. А газеты пестрят... На одной странице рядом с продолжением кливлендской истории помещается огромная реклама... целая психологическая тенденция по выравнивающему эффекту.

Н.Т.: Вы говорите о внешней стороне дела.

MOTHERFUCKER: Нет. Это то, что лежит в основе нашей критики масс-медиа, критики выравнивающего эффекта, когда позиционируется, что зубная паста не

менее важна, чем люди, застреленные на улице. Дело не в том, что важнее то или иное: это не приуменьшает важность застреленных людей и не усиливает важность зубной пасты — это их уравнивает. Если призадуматься, как пресса и медиа влияют на сознание общества, то становится просто не по себе.

Н.Т.: Вы обвиняете прессу в том, в чем она не виновата. У нас небольшой тираж. Одна газета уже обанкротилась...

RESISTANCE: По экономическим причинам...

Н.Т.: Чуть раньше Бен назвал общество больным. Что он скажет сейчас: назовет ли прессу ответственной за это? Но будет ли общество без прессы здоровым?

В.М.: Больному обществу нужна такая же пресса. Это оно порождает эту больную прессу. Вот, что я скажу сейчас...

BLACK PEOPLE

Как насчет твоего неудачного трипа во Фрелингхьюзе не на прошлой неделе и тех печек и холодильников, музыкальных проигрывателей, дробовиков в Сирсе, Бамберджерсе, Клейнсе, Хакнесе, Чейсе¹ и веселых шуточек? Как насчет тех побрякушек на Вашингтон-

¹ Сети магазинов и супер-маркетов.

стрит и тех многочисленных магазинчиков в Спрингфилде? Ты знаешь, что нужно делать, ты можешь иметь все это, не надо никаких денег, никогда никаких денег, деньги не растут на деревьях, они есть только у белых, которые напечатали их на машинах, чтобы поработить тебя, ты ничего не можешь утаить от белого, он уже все украл, он должен тебе все, что ты ни пожелаешь, даже свою собственную жизнь. Все магазины открыты для тебя, стоит лишь сказать волшебные слова. Вот эти волшебные слова: лицом к стене, ублюдок, это ограбление! Или бей стекла по ночам (эти волшебные поступки), бей стекла днем, в любое время, вместе, давай разобьем стекло и с удовольствием забросаем дерьмом. Никаких денег. Не надо платить. Просто бери, что хочешь и что тебе нужно. Танцуй повсюду на улицах, врубай музыку на полную громкость, бегай с музыкой по улицам, это отличное радио на Маркет-стрит вещает специально для тебя. Наши братья подтягиваются отовсюду, набивая скорченные от страха белые морды. Мы должны построить свой собственный Мир, парень, свой собственный мир, и нам не построить его, пока мы не покончим с белым человеком. Давай объединимся и убьем его, брат мой, пора собирать урожай и строить свой мир для наших детей, где они будут расти и учиться. Сделай же так, чтобы они, когда вырастут, не проклинали тебя за то, что оказался дядей Томом.

ЛЕРОЙ ДЖОНС (АМИРИ БАРАКА)

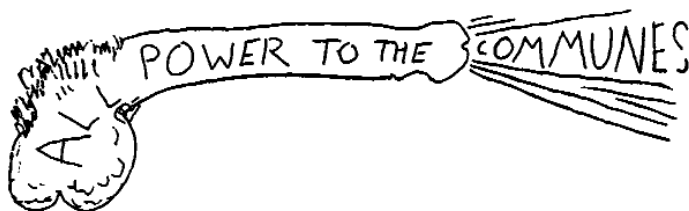
UP AGAINST THE WALL MOTHERFUCKER

Журнал: недатированный и нумерованный выпуск

1.

когда громадное туловище пересекает район
уличных боев
оно передвигается на многих лапах
эти гребущие лапы это раздувшееся чрево
эти воспаленные кишки эта закипающая кровь
этот гнев, вырывающийся из одной из
многочисленных глоток:
«Теперь! Теперь этому телу понятно, это тело чувствует,
это тело нарывает и болит, это тело
будет страдать, чтобы никогда больше не быть
скованным цепями!»
когда громадное туловище пересекает район
уличных боев
дрожат стены огромных зданий...

henry/uaw-mf

2.

Колумбийский университет как учебное заведение, являющееся собственностью и служащее интересам корпоративной Америки, никогда не будет способствовать такому образованию, которое пойдет наперекор ее интересам. Революционное сообщество, желающее соответствующего обучения, не приемлет то, что может предложить Колумбийский университет. Но стачка сама по себе, пусть даже это утверждает революционная риторика, не может служить залогом нашей ко-

нечной цели, тем более что ее формулировки часто запутанны и необидительны.

Бунт в университете может оборвать те нити, что связывают его с корпоративными структурами в Америке. Это означает отнятие власти у государственных попечителей с их стремлением к наживе. Но не стоит полагать, что университету не нужны те деньги, которые направлены сегодня на подавление бунта. Они нужны. И зачинщики стачки вовсе не хотят уничтожить университет.

Вот пример возникающих противоречий:

Вопрос амнистии: не нужно упрощать противников бунта не чинить репрессий к бунтовщикам, если нет уверенности, что те вообще принимали в этом участие. Амнистия подается одновременно как требование упорядочивающее (а мы не будем вести переговоры с университетом в условиях нависшей угрозы наказания) и революционное (мы вообще не приемлем амнистию как таковую, потому что нет никого, кто вправе нас наказывать). Что делать, детка? — на двух стульях не усядишь!

Судя по озвученным требованиям, суть их — в упорядочивающих реформах университета. Но есть кое-что, что понуждает с этими требованиями пойти дальше. Бунт превращается в искру, подпалившую сухую солому академической жизни, когда главным аргументом становятся проявление неуважения и дурной вкус!

Толкни профессора в лужу

(если он стоит у тебя на пути).

Порежь полотно Рембранта

(если эта угроза остановит свиней).

Возложи их китайский фарфор

на баррикады

(только представь газетные шапки:

«Свинья разбивает произведения

искусства»).

Потроши их архивы,

тащи все, чтобы их шантажировать

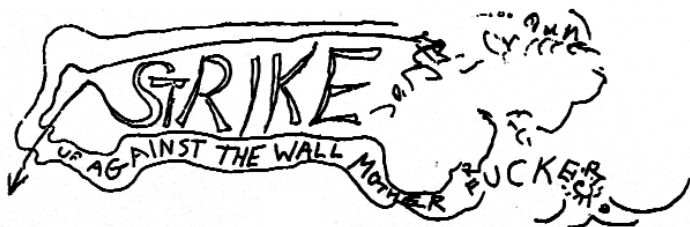
и сбивать с толку.

Кури ректорские сигары — они все равно

из Гаваны.

Мы должны уничтожить все старое и замшелое, чтобы нашлось место для нового и прекрасного. И нашим единственным требованием должно стать такое:

ВСЯ ВЛАСТЬ УНИВЕРСИТЕТСКИМ КОММУНАМ!

3.

Для меня идеальное общественное устройство — это когда мы сможем вернуться в первобытное состояние.

До тех пор пока наши самые бредовые требования остаются невыполненными, воображение останется враждебным обществу. Общество норовит запретить фантазию, но она вновь и вновь восстает, заражает юношество, ведет за собой городских партизан, выводит из строя бесперебойное функционирование бюрократии, перехватывает секретаршу на ее пути к бачку с водой, похищает руководителя, идущего из офиса домой, заползает в спальни уважаемых семей, прячется в кабинете судьи, постепенно затягивает свой ремень, в конечном счете выплескивается на улицы, затевает генеральное сражение и побеждает (а победа ее неизбежна).

Мы — это авангард фантазии.

Там где мы, там освобожденная территория, там фантазия не знает преград во все часы дня, когда готовятся атаки на оккупированные территории.

Каждый день мы захватываем новые районы.

Каждый день мы узнаем о новых победах.

Каждый день фантазия изобретает новые формы организации.

Каждый день происходит закрепление нашего контроля, и все меньше страха, и все больше времени для самопознания...

Даже в самой гуще борьбы строятся планы городов будущего.

Мы полны оптимизма.

Мы это будущее.

4. [The brown paper bag theory of] affinity groups¹

Неактуальность существующих форм организаций проявляется в их ограничениях: люди вместе работают, учатся, иногда даже любят и умирают вместе, но так и не сумев понять, что это такое — ЖИТЬ вместе, ощущая всю полноту жизни... Но все же есть объединения, которые помогают людям все время изобретать новые формы взаимоотношений.

¹ Автор термина “affinity group” Бен Мореа не признает свое отношение к этому — «неофициальному» — названию, и в Sabotage Editions оно также не фигурирует. Под таким заголовком листовка была обнаружена нами в Bulletin of the Kate Sharpley Library. December 1998~No.17 в Ин-

тернете по адресу <http://flag.blackened.net/ksl/bullet17.htm>.

Нам не удалось подобрать корректный перевод этого названия на русский язык, в то время как оно требует детального комментария. Как известно, коричневый бумажный пакет (brown paper bag) прилагается к покупкам в супермаркете или используется при укачивании в транспорте. Его использование в названии теории, скорее всего, намекает на повседневность, ежедневную практику. Хотя brown paper bag, в том числе, выражение сленговое, одно из значений которого — кожный тест, бытовавшее в афро-американском сообществе в прошлом веке. Этакий расизм среди негров: если твоя кожа темнее коричневого бумажного пакета, то ты — «законченный ниггер». Эта снобистская «проверка на вшивость» имела распространение среди негритянской прослойки, добившейся определенного социального статуса. Еще brown paper bag необходим, если хочется хлебнуть алкоголя на американских улицах, а иногда может «обернуться» обычным «кирпичом» (с марихуаной).

В сегодняшней борьбе организации должны прийти к тому, что умение трансформироваться, исходя из ситуации, является главной составляющей. Сопrotивляясь, организации должны быть легки на подъем; постоянно обновляясь тактически, они должны искать разные возможности себя проявить — для того, чтобы их принцип действия не был схож с действиями противника, иначе они будут просто уничтожены.

* * *

Affinity group является такой формой, которая содержит в себе то, что объединяло людей до возникновения организаций, и то, что людей будет объединять после отказа от них. Ввиду этого такая форма объединения полностью удовлетворяет наши нужды. Это важный шаг, потому что таким образом мы выходим за рамки форм буржуазных объединений, в том числе и за рамки так называемой революционной партии. Политическая революция может служить лишь перемене слагаемых, при которых иерархическая власть остается рассредоточенной, в то время как нашей задачей должно быть формирование новой культурной системы, при которой социальное управление вернется

под контроль народа, — речь идет о социальной революции, когда изменится и образ, и содержание повседневной жизни.

Мы считаем, что социализм с его иерархическими формами организации должен быть упразднен, так же как и буржуазные парламенты и демократии, а посему никакое подобное политическое устройство не может служить гарантом совместной и многогранной в своих проявлениях жизни.

* * *

Affinity group есть семья, росток и сама сущность организации. Она вырастает из Необходимости и Желания. Исторически так сложилось, что люди объединялись, исходя из неизбежности борьбы за выживание, оставляя будущему возможность любви. Но человеческая природа не ограничивается потребностью — Желание пронизывает всю его сущность, и человек страстно желает желать, он ищет возможности реализовать весь свой разносторонний потенциал. И этим объясняется то, почему affinity group является доисторической формой объединения — выходящей за рамки организации, породившей ее сегодня; а давая возможность осуществить человеческие желания, она становится постреволюционной формой объединения, организацией радости. Но наши безотлагательные нужды состоят в совместной борьбе, в ее новых технологических средствах, в новых распределениях богатств, в новых экологических законах (чтобы восстановить природную гармонию), в построении новых свободных отношений между людьми — во всем, что сможет удовлетворить наши разносторонние стремления к переменам и наше всепоглощающее желание стать обновленными и полноценными.

* * *

То, что мы называем деструктуризацией организации, не является лишь проектом появления некой замкнутой среды на период дореволюционной активности, но предполагает продемонстрировать связь между всеми организациями в их основе и раскопать тот единственный фундамент, на котором будут воссозданы affinity groups.

В дореволюционный период такие группы должны воспитывать свою революционную сознательность и стараться разнообразить способы локальной борьбы. С наступлением же революции последует объединение вооруженных составов в конфликтных точках. В постреволюционный период они станут образцами для новой повседневной жизни.

Таким образом, организация решает историческую проблему централизации/децентрализации, помещая

каждую структуру в динамичную взаимосвязь централизованных и децентрализованных элементов: affinity groups сливаются в одну большую, сознательную и крепкую организацию посредством участия в общей борьбе.

В так называемых примитивных сообществах affinity groups составляют сбалансированное множество. Но разделение труда, обусловленное борьбой за выживание, порождает неравномерность в распределении материальных и культурных благ. Но сейчас, с развитием технологий, материальные проблемы в значительной степени могут быть решены — освобождая человека от труда и дефицитности, освобождая его время, его энергию и его Желание, одновременно с этим порождая новые возможности совершенно иных способов взаимодействия, возможности стать здоровым и Полноценным.

5.

Угнетающие нас президенты и магнаты

Так же пусты, как и их жизни,

Их деньги — подтирки,

А их «продукция» — дерьмо.

И все элементы их культуры —

Это такие же бессмысленные клочки, как и их флаги.

Все их жизненные концепции

Так же бессодержательны, как и их телеящики.

А приговором им станет

Одно наше существование.

И пусть они могут разговаривать лишь на одном языке —

На языке угнетения,

На нашем горизонте уже виднеется земля новой жизни.

Помни, что те, кто манипулируют тобой —

Твои гробовщики,

А твое бездействие —

Неутешительный побег от реальности.

Но мы, которые жизнь кладем в борьбу,

Сажаем семена будущего восстания:

Наше самопознание и есть
Наша величайшая победа.
Любая весточка из нашего мира
Становится их кошмаром.

Но им ведома лишь полуправда,
Им не виден двойной змеиный язычок.
И все их так страстно чаемые идеологии
Есть не что иное, как память
О нашей непрекращающейся борьбе.

Мазафакерское переложение Будды

up against the wall

MOTHERFUCKER

MOTHERFUCKER/INTERNATIONAL WEREVOLF CONSPIRACY (ЛИСТОВКИ)

1. ЛИСТОВКИ ИЗ ГАЗЕТЫ RAT¹

На улицы

без теории практика бесполезна,
но теория без практики замыкается на себе

Джек Потрошитель

во всем мире
господствуют старые устои
социализм/капитализм
иллюзия протеста
сталкивает лбами протестующих...
и здесь так же, как и везде, —
новые левые против старых левых
объединение PL² и New Worker³
но на обеих сторонах
этой фальшивой монеты —
отчеканено: БУРЖУАЗНАЯ

РЕАЛЬНОСТЬ

но революция это АБСОЛЮТНО
новые идеи,
новые формы организации,
прежде всего НОВАЯ ЖИЗНЬ

цель очевидна,
и лишь страх преграждает путь к
УТОПИИ

если не веришь идущим впереди,
считай, что ты труп

Хьюи Ньютон

Аппендикс:

Affinity groups, хотя и являются частью революционной организации, не могут быть ей подчинены. Несколько людей объединяются между собой из чувства доверия и дружбы, это и есть фундамент их отноше-

¹ Или Rat Subterranean News. Вторая после East Village Other по крутости андеграундная нью-йоркская газета. Первый номер вышел в 1968 г. Героями RAT в разное время были Уильям Берроуз и Курт Воннегут, Уэзермены и СДО, «Черные пантеры» и Хьюи П. Ньютон.

² Progressive Labor Party. Была сформирована в 1961 г. членами Компартии США, разочарованными в деятельности СССР, ЦК которого они считали предателями коммунизма, и самой Компартии США, склонявшейся к реформизму, в частности, выраженному в принятии идеи свободных выборов. «Прогрессивные трудовики» отстаивали принцип диктатуры пролетариата.

³ Еженедельная газета, выпускаемая Новой коммунистической партией Великобритании с 1977 г.

ний. Таким образом, вместе они имеют возможность максимально проявить себя в действии и не бояться отчуждения и/или притеснения. Важность таких отношений должна быть понятна в контексте нашей борьбы... Affinity groups — это не группировки, не клики, они создаются для активных действий и из целей безопасности своих членов, а не для того, чтобы быть замкнутыми и недоступными. Affinity groups создаются для общих и частных целей, и их действия направлены на сотрудничество с другими такими же группами.

UP AGAINST THE WALL MOTHER FUCKER
Lower East Side, N.Y.

Миф-убийца

Нам необходимо провозгласить свое понимание прекрасного.

Хип-коммюнити существует уже потому, что отрицает институты этого так называемого общества: домашний очаг/семью, школу, работу, армию и т.д.

Мы все дезертиры.

Там, где мы, хип-коммюнити провозглашает:
Улицу, ночлежку, парк, подземку — всю ночь; ломбард, кофейню, Gem's spa — место не имеет значения.

Учитывая все направления деятельности и чрезвычайную маневренность хип-коммюнити в условиях выживания (а выживание — это наша повседневность), необходимо налаживать связи. В каждом городе, где может объявиться наше коммюнити, должны быть свои координационные центры...

Что насущно для нас, так это пища для наших желудков.

Что насущно для нас, так это музыка, под которую можно танцевать.

Что насущно для нас, так это все то, что необходимо для жизни нашего сообщества — борющегося сообще-

ства: уроки карате, поручительства и фонды для платы юристам, Анти-Свинское ополчение, общинные столовые, ночлежки, коммуны...

ЧТО НАСУЩНО ДЛЯ НАС, ТАК ЭТО МЕСТО ПРЕКЛОНИТЬ ГОЛОВУ.

Что насущно для нас, так это ласкаться, трахаться, танцевать, петь, употреблять наркотики, прыгать вверх и вниз, зарастать волосами, тусоваться напропалую.

Полноценно жить в Америке — это революционно.

Хиппи живут по-настоящему, а в Америке жить — **ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КАРАЕМОЕ СМЕРТЬЮ.**

Так как борьба нашего сообщества становится все более ожесточенной и возрастает давление извне, то и актуальность нахождения мест для укрытия становится более явственной.

Но мы не позволим никому определять нас и распределять.

Куда бы мы ни двинулись, Дерьмовая Америка пытается понять, что же мы такое и чем занимаемся. Мы обращаемся ко всем СМИ, фирмам звукозаписи, распространителям хипповской атрибутики и нашим последователям из пригородов: Хип-Революция — это одно большое **ХВАТИТ.**

Необходимо резко выступать против любой формы угнетения, что направлено на ограничение нашего существования и наших возможностей.

Жить своей жизнью — значит воссоздавать абсолютную свободу

ЛЮБЫМ ВОЗМОЖНЫМ СПОСОБОМ.

Необходимо воссоздать революционное хип-коммюнити.

Необходимо уничтожить Америку, потому что она ничего не несет нам, кроме смерти.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО ОБОРОТНЕЙ —
это Действующее Революционное Хип-Коммюнити.
Безумно голодное до перемен и жаждущее крови и ки-
шок белых и свиней, заражаю-
щих все на своем пути чумой
жалкого существования.

SELF-DEFENSE

SELF-DEFENSE IS PREPARATION AGAINST ATTACK

SELF-DEFENSE IS THE RESPONSE TO ANY ATTACK

SELF-DEFENSE IS THE REPRISAL FOR AN ATTACK

ОБОРОТНИ ВСЕХ СТРАН,
СОБИРАЙТЕСЬ НА ПИР.

INTERNATIONAL
WEREWOLF CONSPIRACY

Up Against the Wall /
MOTHERFUCKERS
Al Paredon Hijo de Puta
Berkeley Commune
Boston Freeman
Church of the New Reality
(Southwest)
October 15 Movement
Flower Cong
and You

WE MUST DEFEND OURSELVES FOR OURSELVES IN THE
LANGUAGE AND GESTURES OF OUR OWN DISCOVERIES

WE MUST LEARN TO RECOGNIZE EACH OTHER AND TO KNOW
THAT ANYONE WHO IS NOT WITH US IS THE ENEMY

**'We're looking for
people who like to draw'**

WE MUST LEARN TO FIGHT AS WELL AS SEEK TO LOVE

WE MUST TAKE UP THE GUN AS WELL AS THE POET

WE MUST DEFEND OUR COMMUNITY AND OUR OWN HUMANITY

Приправленное кислотой сознание

Приправленное кислотой сознание
В нас сконцентрирована космическая энергия
Мы — это сдвиг во времени и пространстве
Мы — это механизм революции
Разрушая и творя, новая реальность взрывает
старый мир
Старый мир, который должен измениться
Наша многочисленность покрывает сеть
условность этой страны
Порывая с прошлым и настоящим
Мы — это будущее
Мы — это взгляд революции
Наша племенная культура — это сообщество семей,
Вооруженных наркотиками/магией/оружием
Наше оружие — это наши жизни
Мы подчинены единой цели, мы живем вместе,
мы вместе все время
Мы это одно. Мы — одно.
Мы — это взгляд революции.

Сорок тысяч чернокожих и длинноволосых братьев движения буги⁴ (и это только в Калифорнии) упрямо за решетку по подозрению в распространении наркотиков. Обыватель страшится тех перемен, частью которых являются наркотики. В других культурах изгой всегда употребляли наркотики, с тех самых пор, когда человек стал экспериментировать и порывать с обыденным. Хотя ЛСД, конечно, является продуктом этой культурной технологии, и трип может оказаться таким же пластмассовым, как и эта система, которая умеет заставить человека почувствовать себя счастливым. Так же, как возможно развивать далее кибернетику с целью освободить человека от работы и машин, необходимо и расширять границы галлюциногенных опытов, что станет альтернативой повсеместной пластмассовой механизации, служащей для многих умов настоящей затычкой. Даже самые «свободные» фрики могут закидываться кислотой и быть при этом управляемыми, в то время как надо крушить,

⁴ Одним из значений слова boogie в американском сленге является «негр».

а не сокрушаться, запугивать, а не пугаться! Лишь тогда, когда мы одновременно увидим в наших магических наркотиках экстатическое оружие революции, а наши организмы — как клеточный макрокосм, тогда галактический микрокосм направит нашу растущую жизненную энергию на уничтожение всей той мертвечины, расплотившейся на планете, на открытие третьего глаза.

Восхищение вопящих, поющих, украшенных бусами, находящихся под кайфом и во всеоружии людей Будущего — это только искра революционного взрыва и эволюционного планетного возрождения. Неоновая Нирвана загромождает кругозор — Уоттс вытащил пробку из бутылки, откуда повалил неугасимый огонь, и мы продолжаем этот триумфальный поход по миру, а над нами — дым сигарет с марихуаной.

Еще один карнавал с участием левых

⁵ YSA (Young Socialist Alliance) — «Молодежный социалистический альянс», троцкистское антивоенное движение в 60-е гг.

⁶ См. прим. 3 данного раздела.

⁷ PFP (Peace and Freedom Party) — образованная в 1966 г. калифорнийская левая «Партия за мир и свободу», проповедующая феминизм и социализм. Выступала против войны во Вьетнаме. Выдвигала на президентских выборах 1968 г. лидера «Черных пантер» Элдриджа Кливера.

⁸ ISC (Independent Socialist Committee) — «Независимый социалистический комитет». Образован во время бунтов в Беркли, исповедовал кастризм и маоизм, поддерживал Фронт национального освобождения.

Создается ощущение, что уважаемым левым организациям (YSA⁵, PLP⁶, SDS, PFP⁷, ISC⁸) еще не надоело развлекать буржуев и, что хуже всего, они изгнали мало-мальский радикализм из своих действий. Их самопровозглашенные «революционные позиции», основанные на марксизме (устаревшей идеологии XIX века), никак на деле не отразились: с такими в разведку не пойдешь... Теперь, когда Хьюи Ньютону вынесен приговор, что сделали они??? Печально, мы все это знаем, они выбрали иной путь, гибельный путь: они маршируют к зданию суда, они пересаживаются из домашних кресел перед телевизором в кресла для зрителей судебных заседаний. И пока они там сидят, кудахча как курицы, у них на глазах осуждают «террористов и провокаторов», которым не все равно. Они вступают в абсолютно неуместные споры о том,

кто из них самый левый. А тем временем кто же является диверсантом и террористом? Мы и являемся. Мы все, кто отвергает основы американского наебательства. Мы все, кто бьет в область сердца бледнолицым буржуям и устроившимся с книжкой в уютных креслах левым болванам в белых воротничках, которые сводят революцию на нет.

И если перед ними встает пример «Черных пантер» или французских студентов, они прячутся по домам, мня себя радикалами, хотя боятся революции как заразы... Единственное, что нужно либералу или бледнолицему леваку, это прошмыгнуть между мной и свиньей или нарыть бабла. А когда народ на улицах начинает это понимать, они, ссучившись, бегут обратно смотреть свой телек.

В то же время необходимо осознать ту роль, которую сыграли эти организации. RFR подвигли часть белого сообщества «поддержать» осажденных Пантер, но теперь поддержка закончилась и нет речи о том, чтобы перестать следовать правилам буржуазных выборов. Митинги YSA немного поддали жару на улицах, но их пикеты не смогли остановить расистско-свинского угнетателя.

Мы понимаем, что некоторые предыдущие события превзошли все наши ожидания. В Чикаго был явлен пик уличных боев, а провал с Телеграфом выявил противоположное этому. Кливлендская засада, наоборот, направила нашу борьбу по настоящему (а не надуманному) партизанскому пути... Но при нынешнем нашем положении насущно не то, где и как на улицах мы с большим или меньшим успехом сделаем очередную вылазку, — найти иные формы массового протеста ВАЖНЕЕ развертывания подпольной активности. В революционном движении нет противоречий. Любой поступок важен для борьбы, если он приближен к бунту... Мы должны быть легки на подъем, собираться на митинг в один день и бомбить на следующий. И необходимо придумывать все новые способы собраний и передвижений по улицам, так же, как и знать, что делать, когда уличные выступления невозможны.

Мы могли видеть, как во Франции не получилось объединения рабочих и студентов, потому что рабочие следовали привычным курсом левых организаций, потому что они увидели, как студенты и уличные бойцы повели борьбу в сторону реальной конфронтации. Что в постиндустриальном мире традиционные левые могут предъявить рабочим, которые понимают, что их работа бесполезна? Только не еще одну порцию рабочей протестантской этики. Они до сих пор не могут осознать, что в 1919-м, когда они боролись за повышение зарплаты и улучшение условий труда, ДАДА на улицах взывали к тотальной безработице и к новому человеку. А сегодня мы предлагаем перевод на автоматическую работу, кибернетизацию и свободную любовь на улицах.

Но за всеми этими обсуждениями движение должно понимать настоящие причины своих действий. Мы выходим на улицы не за свободой слова или свободой собрания (этими либеральными запросами), так же как и не за тем, чтобы «поддержать» события в Чикаго или Париже или «поддержать» Хьюи Ньютона. У нас есть своя собственная борьба. Мы боремся за себя, за свое сообщество, за свои жизни. Дело не относится ни к чему другому, как не к нам самим. Мы боремся за свое освобождение от закомплексованной буржуазной жизни, и невыносимость скуки и тоски американской жизни поднимает нас на их уничтожение везде, где они встречаются у нас на пути.

Berkeley Commune
Up Against the Wall / Motherfucker

Вооруженная любовь

«Найти то, что выразит нашу реальность, означает сперва обнаружить саму реальность».

Э. Canama⁹

⁹ Эмилиано Сапата (1879–1919) — лидер мексиканской революции 1910 г.

Новая культура и/или новый стиль
жизни пользуются старым языком и/или знаками
Наркотическое сознание двадцать первого века
в тысячелетнем религиозном сознании

~ DESTRUCTION ~
CREATION ~

opposites flowing
merging
into one
life energy
moving into
perpetual revolution

MOTHERFUCKERS

ВООРУЖЕННАЯ ЛЮБОВЬ
– РАЗРУШЕНИЕ – ВОССОЗДАНИЕ

Противоположности сливаются и растворяются в
жизненной энергии, дающей начало непрерывающейся
революции

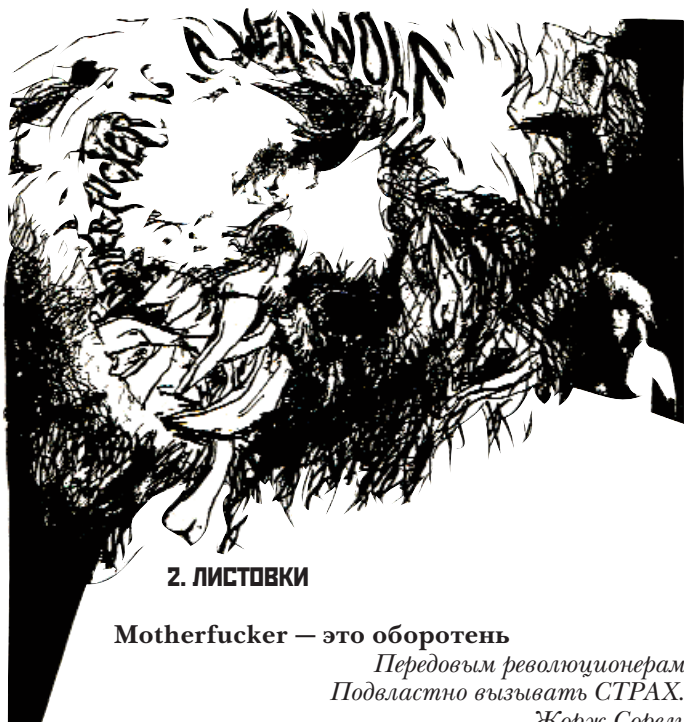
или в космическом сознании выражается историей
энергия всегда постоянна, она восполняется общими
опытами

или синтезом старого и нового
или синтезом нового и новейшего
жизненный процесс всесторонен, но что необычного
в любви и смерти?

Быть всецело поглощенным
Духом/телом/окружением
Быть в гармонии с планетой
С вселенной
В непрерывном течении
Утверждения жизни
Не бояться вступить в бой
Против существующего угнетения
Всецело осознавать это угнетение/реальность этого
угнетения
Уметь обращаться с магическим революционным
оружием: с собой

Вооруженная Любовь: Пляс Войны/жизнь/
выразительность во всех проявлениях
Вооруженная Любовь: Ци > вбирание и направление
энергии

Вооруженная Любовь: инь-янь
Вооруженная Любовь: любовь на вооружении

2. ЛИСТОВКИ

Motherfucker — это оборотень

*Передовым революционерам
Подвластно вызывать СТРАХ.*

Жорж Сорель

Мы — это сущее Шоу Ужасов... Безобразная Шерсть и Опаснейший Дурман... Вооруженная Любовь, пронзающая пустые сердца пластиковой Мамки и свинорылого Папки.

Будущее нашей борьбы — это будущее страха, СТРАХА!! Страх свободной любви, страха отсутствия работы, страха юности... Мы выпиваем волшебное зелье и становимся привидением, преследующим Америку. Мы ОБОРОТНИ, воющие на луну и набрасывающиеся на жирдяев. Клыки острые, Когти заточены. Мы не боимся. Мы вселяем страх (Свинья выглядывает из своего хлева... и оборотни тут как тут).

Откуда они? Кто знает... Чего хотят? Не дают ответа. Но луна знает. И ОБОРОТНИ знают. И пока жирдяй закидывается успокоительным, у его детей вырастает

шерсть, вылезают клыки и они убегают из дома к волкам.

Нам нечего бояться, кроме самих себя, — говорит он.
А как насчет волков? — с волнением спрашивает она.

Маленький расположенный в долине городок, заселенный самодовольными дельцами и их откормленными женушками, готовится ко сну, пока облака размеренно проплывают по ночному небу. Вдалеке слышится волчий вой, затем другой, еще один, еще и еще, и скоро ночь оглушается этим животным ревом. Он сливается в один общий гул, пока волки объединяются под полной луной... Повсюду в домах зажигается свет. Джентльмены в пижамах не могут уснуть, потому что ночной ветер доносит до них ужасающие звуки. Дамы в бигудях прячутся под одеялом, пугаясь заполняющих комнаты теней.

Настает утро, а с ним тишина. Волки убегают своими неведомыми тропами... Их наполненные желудки свидетельствуют об изысканной трапезе, а когти красны от крови их жертв. ДЕТИ ЭТОГО ГОРОДА БЕГУТ ВМЕСТЕ С НИМИ.

Один из волков, подумав, произнес: мы выжили.
Другой ответил ему: РЕВОЛЮЦИЯ!

Самый жуткий страх — страх неизвестности, а мы неизвестны... НЕИЗВЕСТНЫ... МЫ ОБОРОТНИ!

*INTERNATIONAL WEREWOLF CONSPIRACY/
UP AGAINST THE WALL/
MOTHERFUCKERS*

Небольшой трактат о падали

Студент — это дерьмо. И не потому, что он — привилегированная персона в лишенном прав мире страдания, а потому, что он не осознает всю свою подноготную скуку и не видит в ней тюремной пытки. Он не только глух к окружающей реальности, но не понимает и своего угнетенного положения. Он воображает себя «нормальным», но где нормальное в том, что он такой же, как и все общество в целом!

Студенческое движение слепо замкнуто на себе, оно не соображает, что подвигло его выступить, и не видит связи этой борьбы со своей собственной жизнью. Студенческое движение постоянно выдвигает какие-то «требования», но, не видя всей абсурдности своей жизни и своего угнетения, оно не может понять, для чего борьба вообще началась.

Студенты во Франции, Японии и особенно в Мексике борются и погибают на улицах в настоящей войне за освобождение... тем самым вскрывая всю нищету нашего движения и ужасающую искусственность нашей «борьбы».

Но настоящую борьбу легко будет увидеть там, где кто-то выбирается из выгребной ямы. Такое нетрудно заметить. Потому что происходит очищение. Потому что кто-то поступает смело. И борется за ПОБЕДУ.

Мы начинаем с того, что убиваем врага в самих себе, в сердцах и умах тех, с кем разделим тяготы нашей жизни. Мы объединяемся в небольшие банды с теми, кому доверяем и с кем готовы к долгой борьбе с угрожающей силой угнетающих нас институций.

АКТ РАЗРУШЕНИЯ — ЭТО АКТ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Студенческое движение создано не для того, чтобы выдвигать требования к университету, а для того, чтобы отменить само существование «студента» как социальную роль в табели о рангах. **ТЫ ДОЛЖЕН УНИЧТОЖИТЬ СТУДЕНТА В СЕБЕ.** И лишь тогда начнется настоящая борьба против институций и начальников, воспитывающих в нас покорность и то рабство, в котором мы находимся. Наша цель не уступки, а отмена на-

чаинства и построение достойной жизни... **НО СЕГОДНЯ В АМЕРИКЕ ЖИЗНЬ — ЕДИНСТВЕННОЕ ТРЕБОВАНИЕ, КОТОРОЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫПОЛНЕНО.**

INTERNATIONAL WEREWOLF CONSPIRACY

Нижний Ист-Сайд

LOWER EAST SIDE

Насилие — это выброс энергии,
Неуправляемой энергии, образующейся в среде угнетения.
Карма стремится к свободной среде,
Где будет возможность реализации и выражения нашей сути —

Но не в смысле материальной собственности,
А в смысле нашей человеческой природы, нашего течения
в потоке —

а не против —
вселенной.

В смысле энергии, циркулирующей внутри этой среды,
ВОССОЗДАЮЩЕЙ
ее как естественную часть

Нашего познания самих себя...

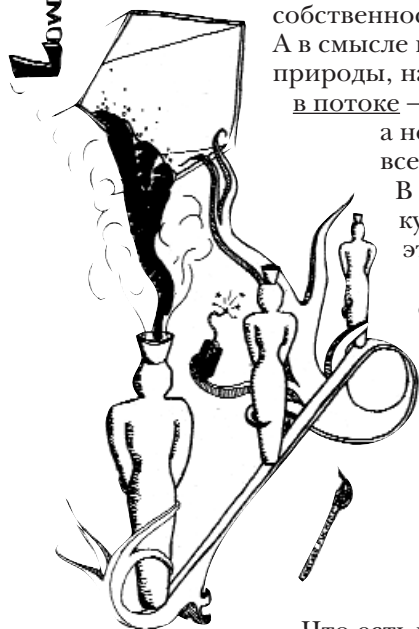
DEFENSE

Что есть человек, отчужденный от природы, от вселенной?

Что есть человек в футляре, скованный, обособленный?

Что есть человек, не знающий своего тела, не знающий, на что оно способно?

Что есть человек без других людей?

Мы должны направить наши энергии против смерти человеческой души, против материалистического мира, символизирующего упадок этой страны. Мы или поработим друг друга, или освободим. Нет таких слов, что приблизят к свободе, нет таких научных трудов, нет законов... свобода обретется лишь в своем выражении внутри этой среды.

Если насилие вернется в Нижний Ист-Сайд, то нам надо будет четко осознать его причины и действовать соответственно им. Пока мы не увидим в себе и в своих жизнях начало конца американского кошмара, пока мы не увидим нашу общую энергию и не направим ее на укрепление нашего сообщества, мы так и будем по-прежнему направлять ее против самих себя.

Affinity group = уличная банда с анализом

Умозрительно можно представить себе какое угодно страшное положение, но на деле человеку ничего не остается, как бороться и умереть за свою жизнь и за жизнь своих друзей.

Вождь Джозеф¹⁰

В сегодняшней борьбе организации должны прийти к тому, что умение трансформироваться, исходя из ситуации, является главным составляющим. Сопротивляясь, организации должны быть легки на подъем; постоянно обновляясь тактически, они должны искать разные возможности себя проявить — для того, чтобы их принцип действия не был схож с действиями противника, иначе они будут просто уничтожены.

Affinity group есть семья, росток и сама сущность организации. Она вырастает из Необходимости и Желания. Исторически так сложилось, что люди объединялись, исходя из неиз-

¹⁰ Вождь Джозеф (Младший) (1840–1904) — стал вождем племени индейцев не персе в 1871 г. во время золотой лихорадки в Америке, когда правительство вытесняло коренных жителей с их земель в резервации. Большая часть народа не персе уступила уговорам белых и подписала соглашение, но некоторые вожди, и среди них Джозеф, отказались уйти с земли своих предков в штате Орегон. Они терпели притеснения, но долгое время не отвечали насилием, пока наконец со стороны правительственной армии не началась открытая конфронтация. Отступление индейцев не персе в Канаду под предводительством Вождя Джозефа считается стратегически одним из самых лучших в американской военной истории с точки зрения людских потерь.

бежности борьбы за выживание, оставляя будущему возможность любви.

В дореволюционный период такие группы должны воспитывать свою революционную сознательность и стараться разнообразить способы локальной борьбы. С наступлением же революции последует объединение вооруженных составов в конфликтных точках. В постреволюционный период они станут образцами для новой повседневной жизни.

Массовые выступления достигают двух целей: они выплескивают накопившееся на улицы и демонстрируют реальное разобщение нашего общества... и иногда они выходят за рамки «демонстрации» и становятся массовым движением. Как массовые демонстрации они не постигают ни сути, ни выражения нашей борьбы... как массовые движения (будь то против ментов или собственности) они направляются в ту сторону, куда направлена и наша борьба. Бунты или восстания — это высшие формы массовых выступлений, когда освобождаются от ига собственности имущество и целые местности, а также наносится удар по свиньям — оккупантам. Конечно, здесь тоже есть свои достоинства и недостатки, и в связи с этим люди ищут новые тактические и теоретические возможности работать вместе в маленьких сплоченных коллективах. Реальная перспектива становится видимой, если помнить о том, что Обыватель и его Свиньи умеют пресекать массовые беспорядки и это почувствует любой, кто восстанет против существующего «закона и порядка». Стратегии нашей борьбы должны всегда учитывать замыслы и способности врага. Массовые демонстрации и бунты сообществ во многом послужат общему противостоянию... Но основное в нашей борьбе — это действовать согласно имеющимся средствам и намеченным целям... МАЛЕНЬКАЯ ГРУППА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩАЯ «МАЛЕНЬКИЕ» АКЦИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ МАЛЕНЬКИМИ ГРУППАМИ/«МАЛЕНЬКИМИ» АКЦИЯМИ СОЗДАДУТ АТМОСФЕРУ БОРЬБЫ, КОГДА ЛЮБЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОТЕСТА НАЙДУТ СВОЙ ВЫХОД В РЕВОЛЮЦИИ...

Уже можно видеть, что количество таких групп растет... Коммуны в округе Колумбия, Революционные банды Беркли, французские комитеты действия и другие, известные пока лишь своими действиями (в Кливленде). Должно пройти время, чтобы эти и многие другие группы сформировали два направления, необходимых для создания настоящего сообщества:

1. Внутреннее развитие и готовность к защите. Каждая группировка станет развивать свои отличительные особенности путем синтеза теории и практики. В решающие моменты их самобытность проявится самым необыкновенным образом.

2. Взаимосвязь с другими группировками. Мы должны создать такие формы коммуникации и взаимопонимания, которые будут эффективны не только на местном уровне, но и при более глобальном кризисе. Это означает, что будет создана сеть affinity groups (и внутри сообществ, и между этими сообществами).

Такая «федеративная» сеть должна быть структурно неопределенной, чтобы таким образом гарантировать независимость и самоопределение каждой affinity group. Такая организация также соединит разные выходы в одном общем направлении к тотальной революции.

Концепция affinity groups ни в коей мере не отменяет общей значимости массовых выступлений, она скорее подчеркивает их революционные возможности. Но к активным действиям годится лишь меньшинство, потому что оно более подковано теоретически и лучше готово тактически, чтобы зажечь первый фитиль и пойти на первый прорыв. Но пока это все. Остальные могут последовать, а могут и не последовать... Активное меньшинство играет роль постоянной возбуждающей силы, подстрекающей и вдохновляющей на действия, без претензий на лидерство... При настоящем положении дел... с помощью активного меньшинства... спонтанность находит свое место в социальном движении. Эта стихийность делает первый выпад без всяких лозунгов и директив «лидеров». Affinity group — это основа спонтанности и новых форм борьбы и жизни.

* * *

Мы новые люди
Магически мыслящее
Поколение мутантов
Hoogie-coogie man
Превращается в Джеронимо
Вавилонские изгои шествуют
по вымощенным золотом
улицам —
Ослепленные солнцем
Сапата как космический/
химический бандит,
Разграбляющий поселения
бесов.

Мы — это новая музыка...
Везде и во всем
Свободная Музыка...
не зависящая от продаж
пластинок
И бизнес-планов... зависящая
лишь от новых людей,
Отражающих новую
реальность.

Освободите себя — ищите своих братьев и сестер и вместе решайте свои проблемы. Скрепляйте руки на членах, на ружьях, на пиздах, на сиськах, которые есть и будут.

Задумывайте уничтожение смертоносной системы ментов и судей...

Ищите выход энергии в свободной среде.

Если ваша музыка не ограничивается потреблением, то она должна быть проводником этой энергии — этого свободного духа, что выразит себя во всей присущей ему силе.

Музыка находится в людях,

А люди на улицах

Следуй естественному ритму

Следуй внутреннему ритму

МЫ ЭТО И ЕСТЬ НАША МУЗЫКА

Революция в мечтах

Революция в мечтах
Революция в книгах
Революция в автомобилях
Революция в рекламе

Но повсюду угнетение

Угнетение — вот на чем
Строится повседневная жизнь

И твой враг № 1 — это твоя ЗАДНИЦА

Поднимай ее
Двигайся

Пусть это случится

Что более естественно, чем НЕТ?
Почему все так хуево?
Потому, что такие ваши бошки.

¹¹ Американская певица,
признанная королева соула.

Будешь спать с Че по правилам общежития?
Споет ли Арета Франклин¹¹ Шестой Интернационал?
Будешь ДВИГАТЬСЯ?

Музыка улиц:
Расчетливая Свинская Симфония против Невидимой
Уличной Банды/
запрещенной/объявленной вне закона
Любым Возможным Способом

Назло человеческим возможностям — мы выживем, мы
станем сильнее, мы прорвемся — мы победим!

Пусть это случится.

Начальник (кастрат) видит угрозу в уличной шлюхе,
соблазняющей «его» работников и открывающей им
единственную возможность существования (взамен
запрограммированных для них возможностей). Она

манит рабочих сынов от дыма работающих фабрик к
пеплу сожженных фабрик — и теперь такая возмож-
ность есть у каждого.

«Бедный Папочка, как плохо, Мамочка запрет тебя в
клозете, и мне так жаль»

Выворачивай его карманы
Забирай его часы
Отними у него золотые зубы

И начинай свою собственную Революцию — ПУСТЬ
ЭТО СЛУЧИТСЯ

Где революция??

У нас между ног

Она застряла

Она в безвыходном положении

ДВАДЦАТЬ СТУДЕНТОВ ЗАСТРЕЛЕНЫ В МЕХИКО
Где революция?

ДВАДЦАТЬ СТУДЕНТОВ ЗАСТРЕЛЕНЫ НА ST.
MARX PLACE

Джон Ниггер Доу утащен в Девятый участок,
забит до крови,
забран в больницу:
«эпилептический припадок» или
свинячья лихорадка?

Джон Ниггер Доу забит до крови.

Джон Ниггер Доу — несчастье за несчастьем
Джон Ниггер Доу
убит в Мексике.

Джон Ниггер Доу — это когда свиньи тащат в ментовку
Рикардо Сандино,

Сначала избив его на St. Marx Pl.

Джон Ниггер Доу — это то, что медсестра назвала
приступом эпилепсии

После избиения в участке.

Джон Ниггер Доу — это имя девушки, плюнувшей в ли-
цо дежурному сержанту,

Который отказался сообщить, что проис-
ходит с Рикардо.

Джон Ниггер Доу бежит по улицам этой бездарной
страны

(поворачивает на Чикаго, проносится по
Беркли,

Прыгает на автобус до Бостона).

Джон Ниггер Доу — гнев нарастает, гнев спадает,
И он устал бежать.

Пластмассовый человек против прекрасной убийцы

Энди Уорхол застрелен Валери Соланас¹².

Пластмассовый Человек против
Прекрасной Убийцы — разбито лицо
пластмассового фашиста — терро-
рист знает, где нанести удар, — пре-
гражден путь пластмассовой рутине —

¹² Валери Соланас
(1936–1988) — радикаль-
ная феминистка, чьи муже-
ненавистнические взгляды
проявлялись не только в ее
поведении, но и в пьесах и
особенно в SCUM Mani-

festo — «Манифесте О.П.У.М.» («о полном уничтожении мужчин»). Долгое время занималась проституцией и попрошайничеством на улицах богемного Гринвич-Виллидж. 3 июня 1968 г. пыталась застрелить Энди Уорхола, но только серьезно ранила отца поп-арта.

недочеловек застрелен реальностью его снов, явившейся в образе культурной убийцы, — крутая чикса в бибоповой кепке и с 38-м — настоящая месья Дада — крутая маленькая чикса — «мужененавистница» и возлюбленная человека — с исцеляющей пушкой — Теперь — лицом к стене пластмассового вымирания — эпоксидный кошмар с

мертвой суперзвездой — Статуя Свободы изнасилована чиксой с яйцами — Экстравагантный Король уничтожен Невольницей — и америкосский белый пластмассовый собор на пороге сожжения.

Валери — одна из нас, и прекрасная убийца жива.

О.П.У.М. в ссылке

UAW/MF

Из Книги Мазафакера

1. Жил однажды на свете очень сознательный человек, который захотел организовать движение. И он стал смотреть вокруг, думая, с чего бы начать. Действительно, с чего начать? Он смотрел и смотрел да засмотрелся до того, что кругозор его сузился.

2. Голова его сносила от придумывания лозунгов... так что он ушел в себя в поисках сокровенной истины.

3. Он стал чувствовать себя одиноким, и это было ужасно. И он решил послушать, что скажет народ. Рабочему было что сказать — и человек слушал. Студенту тоже было что сказать — и человек слушал. Чернокожий тоже хотел высказаться — и человек слушал. Он слушал и слушал... и ничего не происходило...

4. «Хватит слушать, — сказал человек, — ведь ничего не происходит». И он решил заняться самовыражением... а самовыражению необходимы информационные средства. И он стал говорить открыто. Он говорил со всеми обо всем. Он не был лидером, но слова его обрацались ко всем Йиппи!

5. Но никто не слушал. Никому вокруг не казалось, что все это серьезно. И человек сам чувствовал, что что-то не так... так что он решил вернуться к началу. И не к ка-

FROM THE BOOK OF THE MOTHERFUCKER

Not upon a time there was a well conceived man who wanted to build a movement. So he looked around for an issue. What is the issue? He looked so hard for the issue that he developed a one-track mind.

\$o his head wore out from thinking up slogans... & he went into his room to look for the inner truth.

He began to feel that he was alone, & that was a lonely feeling. So he started to listen to his mamas. The worker had something to say, so he listened. The student has something to say, so he listened. The black has something to say, so he listened. He listened & he listened. And nothing happened....

"I'm not going to listen any more," he said "because nothing is happening." So he decided to express himself... & expressing yourself means the middle. He started rapping. He said something to anybody. He wasn't a leader, but he spoke for everyone & anyone. Yippies!!

Nobody really listened. People thought he wasn't serious. And he felt that there was something wrong... so he decided to draw on his past experiences. His issue, but not any particular issue, & an action to go with it. The blacken & Yoke with your feet! Black & Yellow....

But that wasn't enough. So he tried to think & to work it all out... And sooner or later he came up with the correct line. He got paid a lot for going around & telling other people what they should do. But when the movement transcended him, "Up Against The Wall Motherfucker"

кому-то конкретному или действенному началу, а просто — к какому-нибудь. Например, к выборам! Выражай свой протест отказом от действия! Конкретно и действенно?..

6. Но этого было недостаточно. Человек решил затаиться и все обдумать... И вскоре он объявился с новой программой. Он много заплатил за то, чтобы иметь возможность указывать людям, как им нужно поступать. Но и в это раз он жутко оскандалился.

Экстраполяция приверженца

Нас арестовывают в наших ночлежках

Нас арестовывают на улицах

Нас арестовывают за вопрос «за что?»

Нас арестовывают за оказание сопротивления

Полиция крепко прессанула motherfuckers

Мы принесли унитаз на St. Marx place

Мы хорошенько просрались

Предложили другим сделать то же самое

С криком:

АМЕРИКА ПРОСИРАЕТ ДЕНЬГИ

Мы скопили деньги — собрали пожертвования посреди Третьей авеню

ОФИЦЕР РЭЙНИ, 26441, наградил нас зуботычинами и пинками

И отнял все, что было

ОФИЦЕР РЭЙНИ РАЗБИЛ УНИТАЗ НА ХРЕН СВОЕЙ ДУБИНКОЙ

Долгое жаркое лето только началось

Мент озлоблен

Он цепляется к нам поодиночке

Надеется испугать нас

Стремится преследовать нас

Выгонять с наших улиц

Выгонять из наших парков

(Джейсон Любин ходил по St. Marx place, раздавая листовки. Некто в штатском подошел сзади и ударил его по лицу. СЛОМАЛ ЕМУ НОС.)

Это нижний ист-сайд: (lower east side)

Это Азия
Может, ты даос
Если маоист даос
То я
Дерьмо (shit)
Ши (shih)
И этот тяжелый восточный вздох (lower east sigh) мы
слышим во Вьетнаме,
на левом берегу
Ты меня понимаешь
И этот тяжелый восточный вздох мы слышим в «Моги-
лах», в Гарлеме,
В Хазарде, помни
Это тяжелый восточный вздох в безымянной стране

Что происходит:

Полицейский мусор стремится очистить улицы
Чтобы туристы могли преспокойно гулять
Полиция не дает нам прохода
Подкапывается к нам
Всей мерзостью семейной жизни
В стремлении пресечь нашу еблю и вернуть нас назад
домой
Они думают, что выкинут нас из города
Полиция терроризирует нас, уверившись, что мы сло-
маемся
Как нос Джейсона
Но мало — приставить нас к стенке
Это лето станет теплицей
Для цветконга (flower cong)
Цветов с шипами
Жестоких цветов
Западней для полицейских свиней

Офицер сказал мне: «Этот унитаз для дерьма, но не для
такого дерьма». На следующий день он сказал: «Мы
скоро вас выкинем».

«Выкинуть меня? Меня арестовали ни за что».

За это он поволок меня в ментовку второй раз за день
(затем привел другого мазафакера за то, что тот пытал-
ся сорвать его значок, затем еще двоих, спросивших,

что происходит, а потом еще одного, который протестовал на углу, — обвинение: подстрекательство к бунту)

«Мент заходит в наши ночлежки когда ему вздумается. Он обыскивает мебель, бросает одежду на пол, читает чужие письма. Он объясняет это «интересами безопасности». Мы осмеливаемся перечить и оказываемся арестованными за «подстрекательство к бунту». Но если наше несогласие с его методами провоцирует бунт, то, должно быть, методы его неверны».

Интерпретация первая:

Копы хотят сожрать нижний ист-сайд

Но они им проблюются

Когда же наконец они уяснят что то дерьмо

Которым они бросаются будет брошено обратно им в морду

Менты пытаются топтать нас словно тараканов

Но мы живучее этих свиней срущих под себя дни напролет.

Свинья срет! Свинья воняет!

Когда свинья срет на тебя — сри в ответ!

Мент напуган он крушит бошки своих собственных поросят.

Он ругает нас за то какие мы есть

Он видит что его дети отрачивают волосы.

Они боятся что мы снесем башню их жизни.

И что тру-ля-ля и тра-ля-ля вернутся.

О личности

Мы говорим о неоднородной личности

без собственнических замашек, но не во вселенском смысле

и не в планетном масштабе,

а о тех эмоциях, что охватывают нас не во сне

но в наших ежедневных скитаниях

Интерпретация вторая:

мы ставим полицейского

лицом к стене как мазафакера

потому что тебе надо понять
мы свободны
мы это мы
мы вместе
мы свое возьмем
почему нет
не поступаешь ли ты так же
мы любим
мы ненавидим
ты ненавидишь
все что мы принимаем
если ты прислушаешься ты удивишься тому
какой простой может быть жизнь

План действий

дезертиры
накормите их, облобызайте их с любовью
(они не чужаки, они прирожденные коммунары)
И пусть они танцуют по
Подвалам сознания, ши.
Их даже зимой не пускают
В самые занюханые травмпункты
Где-нибудь в Арканзасе, Канзасе и в Индиане,
Да и нигде никогда.

ЛУЧШИЕ УМЫ ПРИСОЕДИНЯТСЯ К НАМ НА ВЕР- ШИНАХ ВООБРАЖЕНИЯ

Который час 1:

Укрываясь под подбитым крылом будущего
Здесь в голодной ночлежке
Где нашло свое пристанище наше коммюнити
Укрытие для себя и для других affinity
groups
Здесь подлинная анархия и настоя-
щий коммунизм

¹³ Парк в Манхэттэне, рядом
с Бродвеем.

А за порогом — период упадка сменяемый эпохой про-
свещения

Время перед революцией, которая перенесет нас
На поля где мы никогда не были: от bowling green¹³

До Chicago lakes¹⁴ и bay area¹⁵ и про-
несется от
Пшеничных полей Канзаса¹⁶, смер-
тей в Джеконе¹⁷,
бунтов в Бермингеме¹⁸ до атлантиды

Который час 2:

Здесь, в неизвестном отряде нужды и
желания,

Где страсть не считает мелочь, а день-
ги объявлены устаревшей собствен-
ностью,

Здесь находит свой конец оппозици-
онная группа и берет начало новая
реальность

Бытие без провозглашений государ-
ственных ленинских мантр:

Не будет свободы

Пока нет государства

Пока нет государства

Не будет свободы

От государства и революции

Проект:

Цветконг бегаёт голым по улицам

Дразня эрекцией туристов

Трахаясь, провоцируя кровавую вол-
ну полицейского садизма

(Инспектор Финк, позабыв о своей
репутации,

Весь вспотел, засовывая свою дубин-
ку во влагища юных хиппушек)

Проповедь:

Нам присуще многое, что не есть аме-
риканские ценности

Мы были их хранителями

теперь мы их клочки

В будущем эти клочки распадутся на
нити

Из которых будут сотканы новые цен-
ности

¹⁴ В городе Чикаго сходятся
русла нескольких рек, обра-
зующих Чикаго-ривер, впа-
дающую в озеро Мичиган —
одно из пяти крупнейших в
Америке. Здесь, вероятно,
намек на беспорядки в Чи-
каго в апреле 1968 г.

¹⁵ Городская агломерация в
Северной Калифорнии,
сформировавшаяся вокруг
залива Сан-Франциско и
названная его именем.

¹⁶ Намек на беспорядки в
Канзас-сити в апреле
1968 г.

¹⁷ Известный прецедент,
случившийся в 1963 г., ког-
да в Джеконе, штат Мисси-
сипи, студент Джеймс Мере-
дит стал первым черноко-
жим, принятым в высшее
учебное заведение. Проис-
шествие вызвало протесты
со стороны белого населе-
ния, приведшие к появле-
нию регулярной армии, вол-
не насилия и даже к смер-
тельным случаям.

¹⁸ В 1963 г. в Бирмингеме,
штат Алабама, под предво-
дительством Мартина Люте-
ра Кинга прошла акция
гражданского неповинове-
ния чернокожего населения
сегрегационным законам
штата. Негры появлялись в
общественных местах для
белых и оставались там до
ареста или проявления на-
силия. Тюрьмы были пере-
полнены. Эта акция выявила
всю жестокость и неспра-
ведливость существующих
законов и стала предвестни-
ком расовых бунтов
1960-х гг.

полиция использует свои дубинки в качестве тампона, останавливающего менструальное кровотечение революции, единственное, что остановит эту кровь, — рождение революции, которое будет кровавым.

Финал:

Есть Мент, и есть мы.

Есть силы, что против нас:

Большая часть белой пластиковой Америки, для которой жизнь определяется накапливанием материальных ценностей (любое проявление человечности становится предметом потребления); сторонники законов о собственности, запертые в своем измерении; противоестественная бюрократия, направленная на тотальное угнетение — культурный геноцид. Нам необходимо найти точку общей борьбы! И такой образ жизни, что поднимет на сопротивление антиобразу антижизни.

UP AGAINST THE WALL MOTHERFUCKER

XTRA XTRA XTRA XTRA

Свиньи в ночлежке спуют — свиньи в ночлежке спуют
В среду вечером — в девять часов — свиньи в ночлежке спуют

Третье вторжение за неделю — шестое за месяц

Облава за правонарушения ЧУШЬ у нас есть договор аренды

Свиньисвиньисвиньисвиньисвиньисвиньисвиньисвиньи
воняютдерьмомвоняютдерьмомвоняютдерьмомвоняютдерьмомвоняютдерьмом

нам необходимо пространство

мы требуем пространство

МЕСТО жить

МЕСТО спать

МЕСТО трахаться

МЕСТО жрать

МЕСТО сосать

МЕСТО зажигать

МЕСТО быть свободным МЕСТО быть свободным

МЕСТО быть свободным

СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО СВОБОДНОЕ ПРО- СТРАНСТВО СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО СВО- БОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО

UAW/MF

Репортаж ячейки СДО с заседания областного совета от 10 марта

Коктейль Молотова
Это бутылка наполненная
На три четверти керосином
И на одну — моторным маслом

Бутылка закрывается
Обертывается бумагой,
Пропитанной бензином

Как использовать:
Поджечь бумагу
Бросить бутылку

Взрыв и возгорание происходят
По достижении цели

«Белый радикал»
На три четверти наполнен дерьмом
И на одну — сомнением

Это не революционно
И не подлежит использованию
В настоящее время
Отправлено в долгосрочный резерв.

*С уважением, представитель
up against the wall mother fucker*

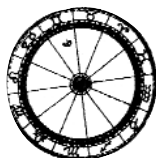
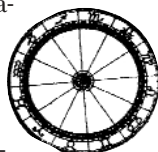
Это начало эры Водолея¹⁹
трип в нижнем ист-сайде, растяну-
вшийся на всю ночь. встреча в gem
сра — эй, завтра пойдешь с нами в
парк? естественно. естественность в

CHAPTER REPORT ON THE SES
REGIONAL COUNCIL OF MARCH 8
A MOLTOWN COCKTAIL
IS A BOTTLE FILLED WITH
THREE PARTS KEROSENE
AND ONE PART MOTOR OIL
IT IS CAPPED
AND WRAPPED
WITH COTTON
SOAKED WITH GASOLINE
TO USE
LIGHT COTTON
THROW BOTTLE
FIRE AND EXPLOSION OCCUR
ON IMPACT WITH TARGET
A WHITE RADICAL
IS THREE PARTS BULLSHIT
AND ONE PART HESITATION
IT IS NOT REVOLUTIONARY
AND SHOULD NOT BE
STOCKPILED
AT THIS TIME
PROPERLY SUBMITTED
UP AGAINST THE WALL
MOTHER FUCKER

¹⁹ Фраза из мюзикла «Воло-
сы». Увлечения хиппи эзоте-
рикой, мистикой и древними
учениями (преимущественно
восточными) носило очень
серьезный характер. Соглас-

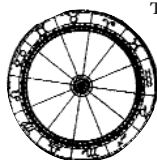
но астрологам, эра Водолея, в отличие от эры Рыб, в которую мы сейчас живем, будет эрой главенства духовных ценностей, правильного образа жизни (веганство, воздержание, добро), единства религий и полного взаимопонимания, тогда как злоба, алчность, войны и конкуренция уйдут в прошлое. Официально человечество вступит в эру Водолея 21 декабря 2012 г.

серой утренней прохладе. мы сообщество сумасшедших-hogfarm-motherfucker-street-people-acidhappy

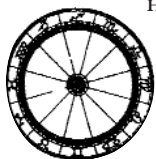

фриков, бурлящих на st.mark's place, разодетых в наши любимые прикиды, шумящих и пульсирующих, обнимающих друг друга, танцующих на тротуаре под звуки барабанного ритма. мы перепрыгиваем через тур-

никеты с косяками в зубах, с видениями в головах, с барабанным битом в пятках. мы все вместе отмечаем наш новый праздник. мы принесли с собой то, что является частью нашей жизни: нашу музыку, наши танцы, наши тела, наших людей, нашу наркоту, нашу кислоту, нашу пищу, нашу любовь. нарастающий ритм возбуждает энергию, поднимает ви-

брирующее солнце и становится теплее. нас окружают орды приспешников пластмассовой реальности: они наблюдают за нами, имитируют нас. они наводят на нас свои искажающие виде-

ние камеры, они подслушивают нас со своими магнитофонами, передающими лишь помехи, они мешают нашему движению. они пытаются выдать наше существование за бредовые фантазии. Но они видят,

что мы не продолжающийся кошмар. пространство нашего существования — это фантастическая реальность. не имея возможности превратить нас в привидения, они в страхе отступают.

ранним утром мы вылезаем из своих жилищ в туман воскресного пасхального утра. уставшие после ночи друзья собираются у gem spa, чтобы направиться в central park. motherfuckers, коммюнити пипл, фрики шумят, отстукивая ритмы на фонарных столбах и почтовых ящиках. кто-то закидывается кислотой по такому случаю и, пританцовывая, спускается в подземку. вниз по лестнице, молотя в барабан, перепрыгивая через турникеты; нью-йорк свободный город. а в поездах, срывая рекламные объявления, эти символы пластиковой культуры. лики нашей революции проступают на капотах автомобилей, изречения пророков начертаны на стенах метро. восходит новая заря на 69-й улице. яркая заря. бегом по улице, строя баррикады прямо посреди тротуара. баррикады кислотных бунтовщиков. одинокий утренний коп, чья смена почти закончилась, пытается повязать братка-мазафакера. и вот уже в парке на свежей росистой весенней траве. но вот вдаль показываются ментовские фургоны. хрен бы с ними, они к нам не подойдут. шум барабана нарастает от прикосновения к нему рук. вступают гитары, и флейты, и губные гармошки. обоняние приятно возбуждено фимиамом и дымящимся котелком. разговоры за косяками, разговоры с весенними свежими пипл. потихоньку прибавляется фриков, которые начинают танцевать под звуки ритма. кислота начинает торкать. все, кого торкает, сливаются воедино. встретиться с давними друзьями, разделить с ними косяк. жаркие поцелуи в пламени полдня. пропустить Кусаму²⁰ и ее друзей, которые пытаются вытворить что-то невразумительное, пока менты не решают вмешаться. весь народ восстает против свиней. барабаны все громче. пипл все злее. fuck the pigs. вперед...

²⁰ Йайои Кусамэ (р. 1929) — японская авангардная художница. В 1960-е гг. жила и работала в Нью-Йорке. Работы и акции содержали элементы абстрактного экспрессионизма, минимализма, сюрреализма, поп-арта, а также протест против войны во Вьетнаме.

барабаны. мимо взметнувшихся фотокамер. поднимая булыжники, бросая их в ментов. одному попало, морда в кровище. менты в испуге отступили. возвращаемся в жаркие объятия девушек, оставленных в траве. с возрастающей эйфорией разглядываем закат солнца за здания на central park west²¹

²¹ Улица на Манхэттене.

мы сидим на наших походных ковриках, через дырки которых выглядывает травка. в десяти ярдах от нас наступают шумящие орды — прикройте лица. стилиаги с соседнего коврика подают нам знаки, и мы остаемся сидеть. мы не будем двигаться. пространство освобождается — затишье перед бурей, границы сужаются. вокруг нас сооружают загон, осыпают нас бранью, все мимо. мы живы и веселы. поднимайся, бери коврик, оставляй дырки, меняй атмосферу. атмосфера меняется с травкой, уносящей нас во времени и пространстве. словно внутри барабана посреди толпы, а перед нами орлы и солдаты, заигрывающие с нами, играющие с собой. ищи, беги, убивай, и вот уже пустой внутри орел сбрасывается — и вдребезги, а мы стоим и смотрим на призрачную толпу. мы идем к ней, а толпа дразнится и глумится, а за ней конная полиция в шлемах. взметнулся флаг с черепом и костями. враждебность и страх. «пойдем отсюда, дорогая». менты не уберутся, пока мы не уйдем. все вместе, уходим. скрепляя воедино рты и языки — страусиным методом, сторонкой. девушка поет под гитару и мы оборачиваемся посмотреть на еще одну дилановщину. «а мне нравится».

Возвращение хиппи

В последнее время многие леваки присматриваются к Хип-Революции с той точки зрения и меряют ее тем мерилom, что характеризуются так: «как это может быть нам полезно?», «как можем мы использовать Хип-Революцию для наших политических целей?». Но мы двигаем перспективу в том направлении, что означает: «как мы можем поспособствовать Хип-Революции и как мы раздвинем границы политических интриг?» Для нас Революция важнее политики, и именно она определяет наши действия. Смешно, когда наши папи-

ки-социалисты пытаются подладить социальный рабочий протест начала двадцатого века под свою жажду власти — не власти рабочих, но противоположной ей, государственной, — точно так же и в случае новых левых, что лелеют планы обуздания Хип-Революции для своих делишек. Но ничего у них не выйдет. Или революция будет хипповой, или она превратится в то, против чего опять придется восстать. Обманываться самим можно сколько угодно, но историю не облапошить.

Хип-Революция — плоть от плоти истории, и она может произойти лишь здесь и сейчас. Она не служит заменой старой «богемности», это не артистическая тусовка «людей без определенных занятий», состоящая из буржуев; это не элитарная критика американской культуры и не безвредное отклонение, лишь делающее более крепким доминирующее репрессивное окружение. ЭТО ОТРИЦАНИЕ И ВМЕСТЕ С ТЕМ АЛЬТЕРНАТИВА АМЕРИКАНСКОЙ СВИНОЙ ТУШЕ И ПЛАСТИКОВОМУ СОЗНАНИЮ. Это возможность жизни в пространстве смерти. Будучи ребенком истории, Хип-Революция является абсолютной реальностью, восстающей против грез лишь о латании дыр. Ее цель — Тотальная Победа, ее смысл — Тотальная Война.

Хип-Революция — это порождение материальных нужд. Она исходит из реальных предпосылок экономических перемен: технологии перестают быть правилом, становятся средством. Человек — свободное существо — встает перед возможностью освобождения и, ИГРАЮЧИ, разбивает это зеркало. До эпохи кибернетизации тотальная безработица была лишь мечтой, но теперь у нее на пути встал страх, становящийся все более заметной отличительной чертой.

Хип-Революция — это революция в сознании, служащая дополнением к реальности, к слиянию тела и разума. От материального производства, индустриализованного и социализированного, порожденного рабочим сознанием, к материальному производству — кибернетическому и общему, порожденному Хип-сознанием — этому единству вновь утверждающей себя революции.

Хип-Революция — это социальная Революция. Свою историческую суть она являет в насильственном выражении страсти к жизни. Борьба как необходимость и свобода как единственная возможность. Примечание к программе: Революция выходит за рамки бумажных резолюций. Понятие о Человеке, но не истощение мировоззрения. Восстановление в правах тела и разума охватывает все новые рубежи. Собственность подлежит распределению путем уничтожения и обмена — окружающая среда как отражение революционной борьбы. Все бесполезное подлежит уничтожению, все незавершенное будет воссоздано — Творение/Разрушение становятся архитекторами новой реальности, а жизнь получает новый смысл: **БОРЬБА БОЛЬШЕ НЕ МОЖЕТ ПРОСТО ТАК ПРОДОЛЖАТЬСЯ, БОРЬБА ТЕПЕРЬ ИДЕТ РАДИ БОРЬБЫ.**

Как Ребенок, Входящий в Новую Реальность. Новая реальность — все направления непрерывного течения — окружающая среда как данность < дружественное и недружественное окружение > в том и в другом случае является выражением энергий и их могилой — и наше взаимодействие > как поток сознания. Делание становится вопросом. Жить означает постоянно менять смысл жизни > очищение замусоренного разума/окружения — когда все делается для выражения идей и идеи становятся смыслом. Беспрерывные потоки сознания снова прорываются в разные окружения; провоцируют застарелые конфликты — быть скованным ядром на цепи означает встать лицом к лицу со встречными потоками угнетающей реальности — обнаружить, что сведение всех вещей к истории их создания становится новой всеобъемлющей формой угнетения > и сейчас наше сознание должно быть готово ко всем потокам, ведь нельзя оставлять «борьбу» лишь на поверхностях — пока мы в эйфории — потому что такая «эйфория» сама по себе ведет туда, где взаимодействие всех потоков — константа — не способствует свободному течению, а это неизбежно ведет к разрушению реальности.

Пример. Одна из основ нашей культуры — музыка > постоянное движение > звук > тела > обмен энергией < слияние < непринужденность < реагирование превра-

тилась в фильм, в понятие, противоположное настоящему движению/энергии — пассивность сменила активность по всем направлениям — музыка играет для тебя/энергия направлена на тебя/ в зале на 600 человек мы не подвижны — называют это «Революцией», что превратилась в другую реальность, характеризующуюся пассивным восприятием упакованной культуры вуайерами, способными лишь воспринимать в одном единственном направлении, ту самую нашу энергию, которая раньше была ключом во все стороны, а теперь наша реальность брошена на развлечение убогой публике и в результате 100 тысяч обкуренных прекрасных братьев и сестер брошены в тюрьму с обвинениями, несущимися со стороны, направленной против нашего течения. Когда будет сила остановить этот поток, лишь тогда мы воссоединимся: потому что Хип-Революция есть восстановление жизненных процессов: Революция как стиль жизни... приятие жизни как выражения требования жить. И тогда Хип-Революция становится «мифом» для Тотальной Революции, и ее единственной надеждой.

Motherfuckers, International Werewolves Conspiracy

Летнее солнцестояние, Нью-Мексико

Попытка анализа — вот суть достижения Хиппи.

Сознательность — Реальность... с братьями из Hog Farm... мазефакерское племя Armed Love... и пипл со всей страны... наша репутация растет с возрастанием количества наших спутников, но численность семьи-племени-коммуны остается прежней... Наше местоположение снова поменялось... Племенное собрание все еще стремится к чему-то настоящему... Собрание этих семей-племен-коммун и есть основа Нации Хиппи.

Вудсток... лишь две семьи, Hog Farm и Motherfuckers, представлены здесь из всей семьи хиппи... Встреча Племен²² уже не кажется реальностью, это скорее ближе к истинному бытию.

²² Отсылка к символическому празднеству 15 января 1967 г. в честь слияния радикалов из Беркли, хиппи из Сан-Франциско, кришнаитов бог знает откуда и так далее. Ожидалось, что на Встречу в парке «Золотые ворота» придут 2–3 тысячи человек. В результате в него набились 200 тысяч. Со Встречи Племен начался массовый приток молодежи в Сан-Франциско, ознаменовавший впоследствии Лето Любви 1967 г.

СВОБОДНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Невзначай вырваться из замкнутой наэлектризованной клетки заблуждения —
 реальность бьет ключом наружу, вперед и вглубь —
 космическое сознание — встречается — творит сызнова море / кровь / бьющееся сердце
 преобразующиеся тела (преисполняются сил)
 ритм и движение > пища, рыба, море, воздух и ветер
 циклонная ярость возносит нас до видения будущего: освобожденной Земли

Так называемое движение левых несостоятельно, оно недвижимо — неизменно — невлиятельно... мы обнаружили, что потерялись в этом море людском — и наркотическом... лишь две семьи собрались дома... Ног Фарм кормит и заботится о своих членах, и это есть будущее свободное сознание в своем настоящем. А Motherfuckers обеспечивают нужды своих членов и дают свободу самовыражения. Сотни палаток и спальных мешков раздаются бесплатно психоделическими разбойниками... их взяли там, где они стоили по 20 баксов, и теперь раздают все за так... выгода от этого одна — Любовь, и краденные вещи распределяются честно и поровну между восхищенными психоделическими воинами. Тысяча доз драгоценной кислоты распределяется между всеми, хотя жуликоватые кришнаиты вызывают к отказу от наркотиков... Две тысячи угнетенных лет под игом лысых гомиков.

Западная цивилизация сама себя разрушила... и созданы новые формы жизни... борьба тотальна, как тотальна сама жизнь.

Структура племенного быта — это начало «реальной» альтернативы. Такой стиль жизни выступает примером развития. Племя хиппи как потенциальная замена америкосскому многопартийному правительству. Племя хиппи как культурно-социально-политическое множество в объединении-федерации... основная общественная формация. Те из нас, кто в прошлой жизни был изгоем... отвержен и непризнан... теперь станет свободным жить по-новому, строить новую жизнь в новой нации... среди новых людей, поэтов, наркотических магов, целителей, воинов, творцов; всякий найдет здесь себе место. Тех из нас, кому было «видение», не остановить, не уничтожить. Старый мир не поймает уж тех, кого он однажды упустил. Мы вырвались за пределы круга угнетения и смерти. Положено начало новому кругу, что повернет вспять противоестественный ход современной истории.

Что было однажды утеряно, должно быть вновь обретено... вновь обретенное должно быть утверждено. Эволюция в революции. Неужели западные «политики» так недалекновидны, чтобы думать о революции?

Есть история революций... процесс... начинающийся и заканчивающийся... кибернетико-технологические кочевники... индейцы космической эпохи... психоделические разбойники-войны... таких раньше не было... таких больше не будет.

Никогда еще возможность революции не была такой явной... такой грандиозной попыткой воссоздать жизнь в ее основе; обрести жизнь — вот тот грандиозный замысел, содержащий в себе и свержение правительства... мы бросаем вызов тотальному угнетению человека, и вызов революции как приспешнице угнетения. Мы отрицаем саму революцию. Власть — ни для кого. Жизнь — для всех.

Sun Eagle (Armed-Love-Motherfucker tribe)

FILLMORE EAST ПРОТИВ EAST VILLAGE

Опубликовано в журнале Rolling Stone в 1969 г.

Плосжения, возникшие в отношениях между Биллом Грэхемом и нью-йоркскими Motherfuckers медленно варились и докипели до кровавого насилия, затянувшегося на недели. «Роллинг Стоун» публикует обстоятельный рассказ о предпосылках, о самом событии и о его последствиях: обо всем, что поставило рок-н-рольную братию и революционных хиппи по разные стороны баррикад.

НЬЮ-ЙОРК. По прошествии времени яростная, а местами и насильственная, десятидневная тяжба клуба Билла Грэхема Филмор Ист и революционного сообщества хиппи из Ист-Виллиджа Motherfuckers представляется конфликтом между двумя образами жизни, если хотите — двумя философиями, которые вот-вот должны были прийти к перемирию, но в итоге обстоятельства оказались далеко не благоприятными.

С одной стороны, Грэхем восхищается своей деловой хваткой, с которой он ведет свой бизнес, и тем, что берет ответственность за свои действия. И он ясно дал понять, что Филмор Ист — это «мой клуб, с тех пор как я плачу налоги». С другой стороны, какое-то непонятное «сообщество», объединение разномастных группировок без единого центра управления, которые ни за что не отвечают, но горазды на мелкие пакости.

Спор дошел до самой сути капитализма: кому что принадлежит. Грэхем — за «собственность»; Бен Мореа, представитель Motherfuckers, говорит, что «здесь дело не в собственности. Речь идет о жизнях людей. Один из постулатов нашей культуры — это отсутствие собственности или незаинтересованность в ней».

И Мореа продолжает: «Интересы Филмора противоположны нашим, здесь конфликт. Они в бизнесе, а мы нет, и у нас есть своя культура, к которой нам необходим доступ. Эта культура была отчуждена от нас и выставлена на продажу другим людям. Нам не нужно шоу, мы хотим снова приобщаться к культуре нашего сообщества без того, чтобы на ней делались деньги.

Суть разногласия в том, что им нужны деньги, а нам нужна жизнь. Они — то дерьмо, с которым мы не согласны».

А вот что Кип Коэн, менеджер Филлмор Ист, думает о Motherfuckers: «Как это ни странно, именно Motherfuckers, хотя они и не самая пассивная группировка коммюнити, выступает представителем всего сообщества — а сообщество позволяет им это. Когда проблема только проявилась, мы были крайне разочарованы в самых здравомыслящих представителях коммюнити, которые отмолчались и упустили шанс высказать свое мнение».

Вот тут-то и проясняется, почему им не понять друг друга.

Давайте прокрутим этот «Расёмон» по порядку: слушаем все мнения и рассмотрим ключевые события.

Разводка с WBAI-FM

Коэн говорит, что в конце октября Motherfuckers, выступив от лица всего коммюнити по радио WBAI, потребовали от Филлмор Ист «освободить» один день в неделю. По словам Боба Рудника и Дэнниса Фроули, рок-критиков из East Village Other, сообщество хотело использовать помещение для «свободной пищи, музыки, танцев, курения, кувыркания, беганья голышом и просто для встреч... такого свободного обмена энергией и прочими штуками».

Грэхем узнал обо всех этих приготовлениях не сразу, а уже после того, как они стали распространяться по всему Ист-Виллидж в виде листовки. Он высказался о том, что вернее было бы сначала обратиться к нему, но в ответ услышал: «Чувак, нет времени. В следующую среду мы начинаем». Грэхем не сдержался и выгнал всех вон.

Мореа почти все опровергает. Он утверждает, что Грэхем уже в начале октября согласился выделить для них один день, но позже «без причины» передумал. «Никто из Motherfuckers не был на радио, там выступали другие группировки».

Каков пустослов.

Бенефис The Living Theater

Обе стороны не противоречат друг другу, рассказывая о самом начале концерта. Мореа: «Мы поговорили с Living Theater. Они согласились, что это было бы круто — иметь такой день для встреч. Поэтому мы пришли на их концерт в честь бунтовщиков Колумбийского университета (проходивший в Филлморе) и там решили обратиться к аудитории, тем самым показав Грэхему, что наши требования — это не просто каприз.

В тот вечер Living Theater показывали Paradise Now, но вдруг кто-то выскочил на сцену и начал вопить о том, что множество присутствующих людей напрягаются из-за сложившейся ситуации. Следом на сцену выбежал Грэхем и начал долго и безосновательно убеждать всех, что “клуба вам не видать” и прочее дерьмо. Потом мы долго его уламывали, и в конце концов он согласился выделить день для встреч сообщества».

Однако Коэн говорит, что «словесная перепалка случилась не вечером, а утром, и что в тот день “вечер встреч” должен был быть частично посвящен урегулированию конфликта между Грэхемом и коммюнити».

Мореа: «Нет, не должен был. Нам сказали, чтобы мы внутри сообщества обсудили, зачем нам эти вечера и чем мы там в Филлморе будем заниматься. Они ничего не хотели урегулировать, просто дали понять, что последнее слово за ними».

Вечер встреч или спор

Коэн рассказывает, что при входе в клуб Motherfuckers говорили Грэхему (специально для этого прилетевшего из Сан-Франциско) примерно следующее: «Пошел на хуй. На хуй твои вечера встреч. Не фиг болтать, обсуждать чего-то. Ты охуел, чувак. Мы здесь, чтобы оттянуться. Мы собираемся здесь перезимовать. Всосал?» Ближе к ночи они все-таки согласились выслушать его. Разозленный Грэхем сказал, что не считает их представителями всего коммюнити, и в который раз попросил вон. В ответ послышались угрозы и «спор» закончился «небольшой стычкой и небольшой порчей имущества. И снова нам пришлось дожидаться, пока они все не уберутся».

Мореа: «Когда мы туда пришли, Грэхем сидел на сцене за двумя столами, уставленными микрофонами. Он сказал, что вот, типа сейчас будем разговаривать. Но мы ему ответили, что не за этим пришли, что будем общаться между собой, трапезничать вместе, слушать музыку, в общем, что у нас вечер встреч, а не вечер споров. И его никто не выгонял».

Свободные вечера и закон

Коэн: «После этих дебатов некоторые вменяемые представители коммюнити подошли к нам и сказали, что им не совсем ясно, что происходит. Они попросили разрешения прийти в условленное время с осмысленными предложениями. Безусловно, мы были согласны. Через несколько дней они вернулись с творческими и конструктивными идеями, и мы тут же подписали их на каждую среду.

Первый такой вечер, в конце ноября, был проведен с музыкой и беседами, но клуб кишел какими-то вшивыми личностями из Бауэри, всякой пьянью, случайными тусовщиками и наркотами с St. Marks Place, которые слонялись без дела и ломали кайф. Очевидно, что вскоре нас ожидали проблемы с законом (Грэхем позже обратил на это внимание в своем «открытом письме» к сообществу: «Курение в помещении, драки, домогательства, распространение и продажа наркотиков в клубе — абсолютно незаконны»).

Мореа согласился с тем, что «была одна проблема — наркотики. Их принимали в открытую, не стесняясь. Полиция была на стреме, потому что ясно — им нельзя было просто так войти и разогнать всех, ведь там находилась тысяча людей и многие из них абсолютно неуправляемые. Поэтому они надавили на Грэхема и сказали, что прикроют его клуб, если он не завернет наши мероприятия. Мы сказали Грэхему, что постараемся сделать все возможное. Мы не могли заставить всех отказаться от наркотиков — это просто не наша тема, но мы могли попытаться убедить их воздержаться от них в Филлморе. На следующей неделе мы сделали со сцены несколько таких объявлений, если честно, в довольно непринужденной манере. Некоторые нас услышали, некоторые нет».

Коэн: «Инспектор Пайн из Первого отделения зашел к нам и задал несколько вопросов по поводу происходящего в свободные вечера. Мы отвечали ему, но затем он сам стал нам рассказывать — он знал об этом больше нас! Расспрашивал, какие у нас есть меры пресечения недозволенного. Я сказал: с тех пор как секьюрити у входа в клуб не вызывают энтузиазма у Motherfuckers, пожалуй, что и никаких мер не осталось. Он предупредил, что, пока мы не сделаем решительных шагов в этом направлении, будем находиться в страхе потерять лицензию. Мы объявили об этом коммюнити, и они приняли к сведению.

Следующий вечер прошел более-менее благополучно, но дальше все испортилось. Наркотики употреблялись в открытую, и к этому прибавилась порча имущества. Вообще, после каждого такого “свободного вечера” мы обнаруживали, что часть аппарата на сцене или повреждена, или украдена. Сотни долларов убытка каждую неделю».

Мореа отрицает вышесказанное: «Порча имущества выражалась в одном-двух сломанных креслах. Никакого общего урона по нашей вине клуб не понес».

«Открытое письмо» Грэхема

И снова закон — на сей раз с последним предупреждением. Грэхем распространил свое «открытое письмо» сообществу через его отдельных представителей и посредством листовок, возвещавших об окончании свободных вечеров. Он убедительно просил всех «понять наше затруднительное положение (которое теперь неизбежно и для вас) с пониманием и тактом».

Motherfuckers вскоре публичноотреагировали: «Положение дел таково: Свињи и Билл Грэхем прекращают свободные вечера. Почему? Они говорят, мы курим, мы колемся, но известно ведь, что они нас боятся. Боятся того, что мы знаем — это наше. Боятся, что мы объединимся и разрушим их мир, и построим свой.

Свињи давили на Грэхема до тех пор, пока он не прекратил вечера. Пусть свињи его не волнуют. Это мы его прикроем. Если не будет свободных вечеров, не будет и платных. В четверг они назначили “бесплат-

ный” концерт для Elektra Records. Мы туда придем. И в пятницу, и в субботу, и всегда. Сообщество Нижнего Ист-Сайда потеряло возможность пользоваться Филлмор Ист. Филлмор Ист должен потерять возможность пользоваться сообществом».

В понедельник перед Рождеством, когда вход должен был быть свободным из-за праздничной среды, двери Филлмор Ист были закрыты и полиция приказала всем разойтись. По словам Мореа, Motherfuckers просили пустить внутрь «не тусоваться, а обсудить проблему наркотиков в свете общей проблемы». Им отказали. Мореа: «Кип Коэн, нормальный парень, позвонил Грэхему в Калифорнию. Тот сказал: “Я никому ничего не должен”».

Концерт MC5

¹ Группа, основанная в 1964 г. и просуществовавшая в оригинальном составе до 1972 г. Играла в разных стилях, включая блюз-рок и гаражный рок. MC5 считаются одними из предтеч панк-рока. Вновь собралась в 2003 г. и выступает по сей день.

Четверг, 26 декабря. Ад разверзнулся. Elektra организовала презентацию MC5¹ и раздала местным радиостанциям 2300 билетов, чтобы те их распространили среди слушателей. Также было несколько сотен билетов, продававшихся в клубе. Коммюнити во что бы то ни стало хотело попасть на концерт и преследовало телефонными звонками Билла Харви из Elektra,

в случае отказа обещая стереть Филлмор Ист с лица земли.

Мореа: «Мы, от лица нашей группировки, никому не грозили разнести клуб. Кто-то, может быть, и собирався это сделать. Но не мы. Мы просто сказали Грэхему, что вернемся в клуб и при необходимости вернем его себе.

Мы пришли к соглашению с Elektra о том, что получим для коммюнити 500 билетов. Elektra передала их Грэхему».

Коэн: «Предчувствуя смуту, мы не хотели раздавать билеты направо и налево. Мы шли на громадный риск, ведь в тот момент наша лицензия висела на волоске. Мы знали об этих домогательствах. И в последнюю минуту мы все-таки решили раздать билеты, и пусть этот

пар (позитивный и агрессивный) будет выпущен в клубе, а не при входе».

Жак Хольцман, президент Elektra Records: «За три-четыре дня до концерта Билл Грэхем предупредил меня, что могут возникнуть неприятности с полицией. Он попросил меня рассмотреть вариант отмены концерта. Но я объяснил ему, что из-за рекламы на радио я уже не могу так поступить. Я считал, что концерт должен состояться, и полагал, что все пройдет отлично.

Я обещал поговорить с MC5 и обрисовать ситуацию, предложить им выступить с менее агрессивной программой. Ведь на прошлой неделе MC5 уже выступали перед Motherfuckers в Филлмор Ист, и их немного напрягали люди, высказывавшие на сцену и мешавшие выступлению.

Но MC5 ответили, что просто приедут, и будут играть музыку. “Мы сделаем несколько заявлений и сыграем рок-н-ролл”. Что они и сделали».

Программу открывал Дэвид Пил со своей группой “Lower East Side”², но настоящим шоу в тот момент являлось всеобщее напряжение. Клуб был переполнен, но люди на улице рвались внутрь, а уже прошедшие зрители поддерживали их криками «откройте дверь!».

Мореа: «Филлмор позволил нам занять пустые места, а их были тысячи. Естественно, они хотели, чтобы клуб был заполнен. Концерт уже начался, а снаружи еще толпились сотни. И тут поднялся вопрос о том, чтобы пускать всех».

Коэн: «Мы настаивали на порядке и не открывали дверь. Толпа была очень агрессивна. Это была не корысть, не эгоизм, не столкновение характеров, а только необходимость сохранения порядка в нашем помещении в такой рискованной ситуации. Билл Грэхем стоял на входе, сдерживая натиск, и неожиданно получил удар цепью по лицу. Ему разбили нос, он был весь в крови.

Получилась странная штука. Как только все увидели, что произошло, то тут же вся наседавшая дотоле

² Хипповая рок-группа. Пела о марихуане, полицейском беспределе и других насущных молодежных проблемах. Играла на одном из первых smoke-in концертов, организованных йиппи в Центральном парке. Один из альбомов Lower East Side продюсировали Джон Леннон и Йоко Оно.

толпа подалась назад. Многие ужаснулись, и, казалось, это стало поворотным моментом во всей истории».

Мореа: «Грэхем знал почти всех из нас в лицо. Я уверен, он не мог утверждать, что это был кто-то из наших, кто ударил его».

Но вечер продолжался, и концерт подошел к концу. Многие разошлись. Однако несколько сотен остались и, по словам Козна, «залезали на сцену, прыгали с нее, визжали и творили прочие непотребства. Смотря на них, я поражаюсь: и это та творческая активность, с которой выступает сообщество Ист-Виллидж? — все эти бомжи из Бауэри, какие-то малолетки с косяками, бегающие у сцены.

Они попортили инструменты MC5, порвали кожу на барабане. А MC5 тем временем собрались укатить на лимузине на ужин в фешенебельный Max's Kansas City, что не так уж удивительно для группы в таком ранге. Но когда один Motherfucker возвестил об этом в микрофон, остальными это было воспринято в штыки. Некоторые выбежали на улицу, стали мешать проезду группы, вынудили выйти из машины, бросали в них их же пластинками, оскорбляли, а вернувшись в клуб, объявили всем, что были обмануты шарлатанами.

Казалось, что в этот момент MC5 перестали существовать для этой аудитории. В этом было что-то очень смешное».

Показалось ли Бену Мореа, что MC5 предали сообщество? «Естественно. Ведь они позиционировали себя как революционная группа. Они понимали, что это более существенное, чем политика, о которой они говорили, — это культурная революция. Они знали, что могли сыграть важную роль. Никто не просил их захватывать клуб, но, со своей стороны, они могли бы сделать хоть что-нибудь. Однако они повели себя с точностью до наоборот: вышли на сцену и сказали: “К черту политику, мы играем музыку”.

А затем сбежали. Сели в лимузин и поехали в ресторан, в котором никто из нашего коммюнити никогда не был. Это было отвратительно».

Мероприятие с треском провалилось. И это после того, как Грэхем пошел в полицию и получил разрешение на еще один свободный вечер для коммюнити.

Коэн: «Взамен получилось, что кого-то ударили микрофоном по голове и он был госпитализирован, одного малолетнего пуэрториканца зарезали, а нашему секьюрити сломали руку металлической трубой. Ко всему прочему клубный аппарат был поломан или украден — на тысячу долларов, а занавес на сцене весь изрезан ножами».

Признавали ли Motherfuckers за собой вину за учиненные побои и ущерб? Ни на минуту! Мореа: «Кроме Грэхема, никто в этом не виноват. Вопреки желаниям многих людей он отменил наши вечера и создал напряженную обстановку. Тем более, что у нас есть его письмо, где он сам свидетельствует, что мы не ответственны за погромы. Он понимает, что все это результат недоразумения.

Мы все сожалеем о том, что произошло. Хотя я особо не сожалею о клубе Грэхема — меня он просто не волнует. Меня больше волнуют люди, которые пострадали при этом».

Позже Грэхем, используя выражения вроде «паскудные отморозки и подонки», обвинил во всем Motherfuckers и мотоциклетную банду «Безбожники», которых, как он объяснил, позвали «охранять порядок».

Последствия

На следующий день Грэхем понял, что больше не в состоянии поддерживать связи с коммюнити, у него даже были порывы заявить на них в полицию. Коэн: «Нас публично изнасиловали шесть раз, встает вопрос: сколько мы будем терпеть? В пятницу многие представители коммюнити уже стали чуть-чуть понимать, что мы не такие уж звери».

Единственным комментарием Мореа на заявлении об «изнасиловании» было: «С такими ассоциациями ему нужно обратиться к психологу».

Вечером 27 декабря на радио WBAI³ состоялось обсуждение сложившейся проблемы. Как результат, страховая компания Грэхема отказалась полностью покрывать расходы за причиненный ущерб. Motherfuckers об этом поставили в известность. Как говорит

³ Нью-йоркская радиостанция. Существует с 1960 г.

Коэн, они ответили следующее: «На хуй страховку, чувак. Нам насрать».

Альтернатива

Коэн: «В субботу, 28 декабря, произошло важное событие. Билл обратился к сообществу: “Слушайте, когда вы признаете, что в происшедшем ваша вина? Вы не можете здесь больше находиться. Вы сами в этом виноваты”. На что они ответили: “Это ты виноват. Ты нам препятствовал и стал причиной проблемы”.

Потом Билл сказал: “Слушайте, я не пытаюсь от вас откупиться, но вы поищите себе другое место, подумайте, что конструктивного, реального и законного вы можете сделать — даже если это будет выходить за некоторые законные рамки, — и я поддержу вас. Поддержу административно, технически. Я вижу в вас талант, я поддерживаю вас финансово”.

И он еще долго распространялся — довольно подробно. Кто-то из Motherfuckers признал, что это имеет смысл. Но некоторые отвечали: “Ни хрена, нам нужен Филлмор”. А Билл в своем спиче оперировал несколькими тысячами долларов».

Сообщество до сих пор находится в раздумье по поводу предложения Грэхема. Как говорит Мореа: «Мы можем найти другую страховую компанию — которую Грэхем осилит — и продолжать свои вечера в Филлморе. И те деньги, что он платит за аренду, можно использовать по-другому. Сейчас об этом идет разговор. Большинству нужны деньги, чтобы иметь свое место, но другие считают, что Филлмор должен остаться за нами, как часть нашей культуры. И мы хотим воззвать к этому».

Если никакая страховая компания не оплатит счета Филлмора, мы отнесемся с пониманием. Естественно, мы не можем никого принудить к этому. Вот почему в последние несколько недель мы не приставали к Грэхему».

Январь

В настоящее время обе стороны придерживаются выжидательной тактики. Все тихо на Восточном фрон-

те⁴. Ирония, но, несмотря на всю заваруху, наиболее красноречивое оправдание досталось Motherfuckers от тех, кому они больше всего насолили.

⁴ Намек на East в названиях «Филлмор Ист» и «Ист-Виллидж».

Коэн высказался о Motherfuckers и коммюнити в целом так: «Многие из них были в Чикаго на съезде Демократической партии. И если кто-то из них выскажет свое мнение о ментах, то у большинства окружающих есть повод прислушаться».

Мореа говорит, что все хороши: «На самом деле мне не кажется, что Филлмор так уж сильно перевирал факты».

Мир.

Пол Нельсон
15.02.1969

FILLMORE EAST. ЛИСТОВКИ С МЕСТА СОБЫТИЙ

1.

22 октября 1968 года. Сегодня народ вернет себе свой клуб. Сперва наши требования были довольно умеренными: всего один день в неделю для СВОБОДНОГО коммюнити. Билл Грэхем, опутанный цепями доисторической правовой системы и зависимый от руководства клуба, отказал нам. Но в любом случае мы свое вернем.

Отныне клуб принадлежит народу и Биллу Грэхему в том числе.

Право на вход принадлежит народу...

Однажды мы попросили, теперь мы возьмем сами...

Филлмор больше не частное заведение, он — общий...

МЫ ДОЛЖНЫ СОХРАНИТЬ ЭТУ ОСВОБОЖДЕННУЮ ТЕРРИТОРИЮ! ТЕПЕРЬ

STAY FREE FREE

 STAY FREE FREE

STAY STAY FREE FREE

STAY STAY FREE FREE FREE

2.

Вестник свободной прессы из освобожденной зоны

Недолго мы находились на освобожденной территории — со свободой здесь опять большие проблемы —

— Остаться ли нам на месте и добиваться желаемого или уйти и вернуться в следующую среду с теми же самыми требованиями —

— Как сплотить из того множества разрозненных элементов, находящегося в клубе, сообщество — и целью которого будет освобождение.

— Что нужно для объединения в сообщество — газеты? микрофоны? Что?

— Что делать нам с нашей свободой (многие разочарованы)? Многие уже ищут себе лидеров. Ведь это так легко — оставаться зрителями.

— Хватит риторики.

— Поговорите друг с другом — объединяйтесь в группы — сближайтесь — формируйте еще большие группы...

ровки — пусть искусство каждого станет частью общего.
ОСТАНОВИМ ДЕРЬМО!
STAY RAP STAY RAP STAY RAP STAY RAP STAY RAP
STAY RAP STAY

3.

Билл Грэхем сказал, что следующая среда забита за нами. Это станет началом свободного клуба для свободного коммюнити.

Сообществу необходимо свободное пространство. Ему необходимо выживать, дурачиться, дышать, развиваться, любить, бороться, жечь. Билл Грэхем — хипповский антрепренер, заработавший на нашей музыке кучу бабла, но вякающий что-то там про свою собственности, — сегодня чуть-чуть ослабил узел. Или не ослабил. В следующую среду посмотрим.

СВОБОДУ КЛУБУ

СВОБОДУ БИЛЛУ ГРЭХЕМУ

СВОБОДУ ВСЕМ

ОДИН ВЕЧЕР В НЕДЕЛЮ ИЛИ НЕТ ПРЕДЕЛА
СОВЕРШЕНСТВУ

4.

План возвращения утраченного

СЕНТЯБРЬ: члены сообщества Нижнего Ист-Сайда (включая Motherfuckers) обратились к Биллу Грэхему с требованием выделить для коммюнити в клубе Филлмор Ист один **СВОБОДНЫЙ** вечер в неделю.

ОКТЯБРЬ: Грэхем сказал «да», и Коммюнити подписали Rock and Raps.

Грэхем сказал «нет» за два дня до назначенного срока. Движение (респектабельное Движение) назначило дату в Филлморе. Living Theatre помогает Коммюнити отстоять свои права. 350 фриков, байкеров и прочих не уходили, пока Грэхем не согласился устроить на следующее неделе Собрание, чтобы обсудить будущее.

СЛЕДУЮЩАЯ НЕДЕЛЯ: 5 микрофонов на двух столах, один для Грэхема, остальные — для «представителей» Коммюнити? Мы сказали, что нас это не устраи-

вает, потому что наше «Собрание» — это не заседание, но музыка/свобода, марихуана и жизнь. Так что мы заняли сцену, раскурились и начали музицировать (колотая по креслам, так как ничего другого вокруг не было)... Все закончилось договоренностью: если мы придем с культурной программой, которую Грэхем утвердит, «мы получим зал». Итогом встречи стали две программы: одна на утверждение Грэхему... другая — на утверждение нам.

НОЯБРЬ: СВОБОДНЫЕ вечера... около 1200 человек обкуриваются-обмениваются-ОБДАЛБЛИВАЮТСЯ под музыку Хип Культуры, нашей культуры, свободной культуры — и мы все Вместе.

ТРЕТИЙ СВОБОДНЫЙ вечер: менты пытаются свинтить двух братьев, подравшихся у входа в Филмор... Сотни людей вывалились наружу (угроза «бунта»). Возвращение в клуб. Всем вместе становится еще лучше... Заработала Касса Взаимопомощи... Обсуждается, принимается и **ВСТУПАЕТ В СИЛУ** решение об Уличном Патруле!

ДЕКАБРЬ: Больше СВОБОДНЫХ Вечеров, Больше Курева, Больше Свободы...

НО 23 декабря **СВОБОДНЫЙ** Вечер в понедельник из-за Рождества — полчетвертого утра Билл Грэхем объявляет об отмене **СВОБОДНОГО** вечера из-за ментовского давления (из-за Курева). Менты готовы к бунту. Это уже Не **СВОБОДНЫЙ** Вечер.

ДАЛЬШЕ: 26 декабря Electra Records запланировали бесплатный концерт MC5 (остерегайтесь «революционных» спродюсированных происков) с целью представить их в Нью-Йорке. Те уже играли на одном из **СВОБОДНЫХ** вечеров. Коммюнити были обещаны билеты... Грэхем: «Я уничтожил билеты, только бы их не отдать Сообществу Нижнего Ист-Сайда». Итак... карты раскрыты. Мы поставили на уши MC5. Те отказались играть, если в зал не пустят Коммюнити. Грэхем пошел на попятную, «нашел» билеты и раздал их нам. Но некоторые из Коммюнити все еще на улице;

двери открываются: ВСЕ заходят! Во время концерта Коммюнити забирается на сцену и требует продолжения СВОБОДНЫХ вечеров. Ножи режут занавес и т.д. Грэхем уже готов бежать к ментам с представителями Сообщества за разрешением при условии, что Коммюнити обойдется без Курева в СВОБОДНЫЕ вечера...

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ: Никакого похода к ментам... Из-за «ущерба» накануне. Так называемая страховая компания не возместит убытки Грэхему, если он продолжит свободные вечера... так он сказал. Он хочет откупиться от нас, дав денег на какой-нибудь другой проект Коммюнити. Вопрос денег мы оставили открытым, но требование свободных вечеров не сняли. Мы заставили его накатать письмо, освобождающее сообщество от ответственности за четверговый погром. С этим письмом мы кинулись в страховую компанию. Безмазняк. Но Коммюнити на этой неделе обязательно проведет свою встречу: в Филлморе или где-нибудь еще («так или иначе»). Будет решаться вопрос о будущем Филлмор Ист, о будущем псевдо-хипповской культуры, о будущем наших ЖИЗНЕЙ.

ВСЕ ЭТО ДЕРЬМО НА САМОМ ДЕЛЕ ОЧЕНЬ ВАЖНО
ПЛАН ВОЗВРАЩЕНИЯ УТРАЧЕННОГО (революция)
ПЛАН ВОЗВРАЩЕНИЯ УТРАЧЕННОГО (новая реальность)

ПЛАН ВОЗВРАЩЕНИЯ УТРАЧЕННОГО

На повестке дня один вопрос — действия

Воля к жизни — это единственное выражение требования жизни

Жизнь должна занять место идеи жить.

ПЛАН ВОЗВРАЩЕНИЯ УТРАЧЕННОГО: То, что наше, должно быть возвращено.

ПОСТРОЕНИЕ/РАЗРУШЕНИЕ одно дыхание одно мгновение

Мы должны начать первыми: отмежеваться от пластиковой Америки

НАШ РАЗУМ ВЕЕТ, ГДЕ ХОЧЕТ
НАШИ ТЕЛА ИЩУТ НОВЫХ МЕСТ
(ебля и есть то свободное течение энергии тела)

КОММЮНИТИ СИНТЕЗА ТЕЛА И РАЗУМА
Отделяясь от Америки, мы сближаемся друг с другом...
Из наших опытов возникает
КУЛЬТУРА
ЛЮДИ
ВИДЕНИЕ
Что притягивают
Медиа
Деньги
И появляется новый бизнес: бизнес, выхолащиваю-
щий жизнь из нашей культуры
И продающий ее шелуху.
И они убеждают нас, что шелуха есть целый плод, и му-
зыканты, ранее игравшие для нас, теперь играют для
них и для пластиковых досужих зевак.
Пространства, где мы повстречали друг друга, танце-
вали вместе, беззаботно любили, превращены в «Двор-
цы Музыки», где торжествует сидячая смерть.
МЫ ХОТИМ ВЕРНУТЬ СВОЕ

ОДИН СВОБОДНЫЙ ВЕЧЕР В НЕДЕЛЮ В ФИЛ-
ЛМОР ИСТ – ЭТО ЛИШЬ НАЧАЛО
КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ ОТ ПСЕВДО-ХИП-ДЕЛЬ-
ЦОВ – ЭТО ЛИШЬ НАЧАЛО
ПРОСТРАНСТВО В ПОДПОЛЬНЫХ МЕДИА – ЭТО
ЛИШЬ НАЧАЛО

ЧТО БЫ НИ ПРОИЗОШЛО, МЫ БУДЕМ ТОЛЬКО
СИЛЬНЕЕ
ВОВЛЕКАТЬ НАШЕ СООБЩЕСТВО В ЭТУ БОРЬБУ

ПЛАН ВОЗВРАЩЕНИЯ УТРАЧЕННОГО ДЕЙСТВУ-
ЕТ, ПОКА НАША ЖИЗНЬ – НАША

up against the wall/MOTHERFUCKERS

БУНТЫ, КОТОРЫЕ Я ЗНАЛ И ЛЮБИЛ

Отрывок из воспоминаний гитариста MC5

...Если восстание в Детройте было жестоким, но классовым бунтом, то буча в Филлмор Ист оказалась более «культурным» событием, с размахом поменьше, но в результате гораздо больнее ударившая по мне и по моей группе.

Electra Records захотела представить в Нью-Йорке свое новое приобретение — MC5 — с большой помпой. Помпа случилась, но совсем не та, на которую они рассчитывали. Так уж повелось там, в Нижнем Ист-Сайде, что местная вооруженная банда радикалов, называвшаяся East Village Motherfuckers, вынудила промоутера Билла Грэхема позволить им по четвергам использовать Филлмор Ист на свое усмотрение. Они называли это «встречами Сообщества». Как бы то ни было, в один из четвергов мы сыграли специальный концерт для наших товарищей из этого Сообщества. Все было очень здорово, все были довольны.

Через неделю Electra сняла Филлмор, объявила по радио о раздаче бесплатных билетов и всячески раздувала шумиху. Motherfuckers очень рассердились, что пропадает их четверг, и наехали на Грэхема по поводу бесплатных билетов для себя и для своих телок. Грэхем был не из тех парней, кто поддается на провокации, так что он стоял у входа и смело, с чистой совестью, сдерживал натиск Motherfuckers. За это ему от них досталось — кто-то ударил его цепью по лицу и разбил нос. В исступлении ему показалось, что это сделал не кто иной, как наш певец Роб Тайнер, так что он немедленно оборвал нам все возможности впредь выступать в Филлморе, а также в других клубах, где он заведовал. Более того, он задействовал свои связи в музыкальном бизнесе, чтобы нас никуда не приглашали играть концерты.

В то время как такие дела творились у входа, мы внутри изо всех сил выкладывались на своем первом публичном нью-йоркском шоу. Сцена со всех сторон была окружена Motherfuckers, которые только и ждали

от нас сигнала, чтобы начать крушить все вокруг. Но, поскольку мы не собирались подавать такие сигналы, то их злость выплеснулась на нас. Под конец я сделал свой фирменный жест “brush back” и направился в гримерку, пробираясь через плотное кольцо зрителей. А Motherfuckers и другие местные маньяки стали растаскивать наш аппарат, хотя наши звуачи храбро отбивались. И тут произошла самая наиглупейшая вещь в истории музыкального бизнеса: приехали два лимузина, чтобы отвезти нас в отель. Это все равно, что размахивать перед быком красной тряпкой. Лимузины! — символ капиталистического империализма. Мазафакерские подруги завизжали, что мы предали революцию. Они забрасывали автомобили нашими пластинками и орали что есть мочи: ублюдки! Свиньи! Шарлатаны! Предатели!

Пока ребята запихивались в машину, я остановился на полпути. Я думал, что могу все исправить, все объяснить. Но стало только еще хуже. Они ничего не поняли. И я стоял посреди разъяренной толпы, пытаюсь объяснить политическую позицию Белых пантер и MC5, в то время как спятившие фрики уже показали свои ножи. В конце концов двое предводителей Motherfuckers оттеснили меня, прикрыв собой, и так я выбрался из окружения и оказался на Второй авеню. Тот еще бунт, конечно, но для моей молодой задницы это была колоссальная встряска...¹

¹ Инцидент Fillmore East/MC5/Motherfuckers также нашел свое (довольно смешное) отражение на страницах книги “Please, kill me”, глава 5 «Начинается бунт». См. рус. изд.: Макнил Л., Маккейн Дж. Прошу, убей меня: Подлинная история панк-рока глазами участников. М.: АСТ, Астрель, 2005 (серия «Альтернатива»).

Уэйн Крамер

ВЕСТНИКИ ВЫЖИВАНИЯ ХИППИ

№ 1.

Как и предполагалось, Drug Symposium в Буффало вылился в Революционное Наркотическое Безумие... уличные фрики, Motherfuckers и Оборотни явились с подготовкой к бунтующим студентам (в State University), быстро врубившимся, что революция должна быть **ТОТАЛЬНОЙ**. Тимоти Лири осознал, что для **ГЕДОНИЧЕСКИХ КОММАНДОС** наркотики являются неотъемлемой частью культуры...

В Сиэттле в нескольких местных школах негры и фрики слились воедино в спонтанной акции. Хип-Коммюнити подверглось «репрессиям» и стало защищаться. **МЕЖГАЛАКТИЧЕСКИЙ ФРОНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ** (Международное Сообщество Оборотней) сообщает: Они боятся позволить нам шагу ступить

Потому что мы курим и бухаем

Мы прикасаемся, чувствуем

И любим друг друга

Мы ненавидим их препоны

Время выступить, братья и сестры

НЕМЕДЛЕННО ПРЕВРАЩАЙТЕСЬ В MOTHER-FUCKERS!

Военные заявляют, что кислота является причиной «опасного насилия», но так как кислота уже стала «социальной проблемой», то естественно, что их выводы были сделаны с учетом политики правительства. Беспокоясь об опасной кислоте, они еще не подозревают о существовании **ГЕДОНИЧЕСКИХ ПАРТИЗАН!**

Невинное уличное дитя в поисках истины танцует обнаженной в Нью-Йорке у храма Харе Кришны... смущает асексуальных, наркоманствующих, загипнотизированных и зомбированных фриков, которые вызвали ментов. Испугавшись голой правды, на следующий день эти бритые подкопались к нашей сестре, бывшей под воздействием аминазина, и уверяли ее, что достаточно просто повторять все время «Харе Кришна» и все будет в порядке. Братья и сестры, **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ** оранжевых свиней, сбивающих вас с пути.

Хип-коммюнити распространяют постоянную борьбу за свои выживание и развитие по всей Америке. Хотя мы и рассеяны по всей стране, мы все же одно сообщество, один народ... мы делимся друг с другом опытом. Еженедельной связи через подпольную прессу достаточно для того, чтобы выжить. Шлите всю инфу по адресу:

East Survival Organization (UAW/MF), 89 East 10th St, New York, NY 10003.

№ 2.

¹ Легендарный герой комиксов и одноименного художественного фильма (1990).

² Международная программа стипендий, предоставляющая гранты на обучение во всех странах мира, а также на перспективные, с точки зрения администрации, исследования. Основан в 1936 г. Генри Фордом и его сыном Эдселем.

СРЕДСТВО НЕДЕЛИ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПО ПРИМЕРУ ДИКА ТРЕЙСИ¹ ХИП-ЦЫПКУ МОЖНО ОТЛИЧИТЬ ОТ ХИП-КОТА, РАССМАТРИВАЯ РУКИ И АДАМОВО ЯБЛОКО.

Фонд Форда² предложил 89 тысяч долларов какому-то профессору за исследование коммун на Западном, Восточном и Юго-Восточном побережьях. Полное представление о количестве, месторасположении и жиз-

ненных условиях наших коммун поможет для того же, для чего были нужны и «исследования гетто» — для их уничтожения.

Северная Калифорния: миролюбивая коммуна из 40 семей была подвергнута нападению свиней. Люди строили дома и жили там всю зиму. Свиньи порушили все с помощью хитрости и своих поганых строительных постановлений. Люди со всей территории переместились в леса (с пушками).

³ В США: отряды народной милиции, типа дружинников.

Колорадо-Спрингс: в прошлом месяце над волосатыми свершился самосуд. Виджиланте³ уничтожили коммуну.

Техас, Остин: пипл кайфовал на улице. Какой-то белый мудака наехал на своей машине прямо на толпу. Пострадало 39 человек. Свиньи спасли мудака от того, чтобы ему оказаться забитым до смерти. ХИП-ПИПЛ СНОВА ВСТУПАЮТ В ПРОТИВОСТОЯНИЕ.

Вступайте в Красный Крест: случись настоящая беда (или ненастоящая), это поможет попасть в те места, куда не всем удастся.

Вступайте в Национальную стрелковую ассоциацию: там помогут с получением прав на оружие.

Ружье М-68: новое стоит примерно 150 долларов. Короткий ствол. В прикладе 50 девятимиллиметровых патронов. Новая модель очень легкая. Или можно попробовать девятимиллиметровый пистолет. Будьте бдительны.

На Гавайях изгнанные из своих лачуг на ананасовых плантациях Оборотни переместились прямиком в тропический лес.

Гэри Снайдер⁴ сказал: «Есть город, есть деревня, а есть глушь. Но абсолютно неважно, где живут люди, все равно им приходится защищать себя, свои сообщества и наш образ жизни».

⁴ Поэт-битник (р. 1930). Отличный русский сайт, посвященный его творчеству, www.garysnyderpoems.com.

Нью-Йоркские свиньи совершают облавы на ночлежки и на жилища комрадов. На ночлежки уже было 17 облав, еще несколько было на квартиры. Нужны деньги для освобождения под залог.

Братья и сестры в Сан-Антонио распространили листовку после объявления полиции о применении жестких мер в отношении всех Хип-Коммунаров, которые подозреваются, предполагаются и о которых есть неясные сведения о том, что они хранят любые препараты, включая аспирин.

Достаньте телефонную книгу, найдите там номера всяких знаменитостей и звоните в полицию с заявлениями, что у тех в разгаре наркотическая вечеринка.

№ 3.

Наступила весна, и хип-коммюнити размножаются под теплым солнцем. Но потепление сменяет свинская жара. Каждую ночь наших друзей арестовывают за тусовку на St. Marks Place. Накануне арестовали еще трех: одного за неподчинение, двух других — за то, что вступили за своего брата.

Полицейский произвол направлен на разгон наших собраний, чтобы помешать нашему общению, нашей музыке, жизни на наших улицах.

Если бы люди на улицах были более сплоченными, мент не смог бы в такой мере капать на мозги. Если бы люди на улицах были более заботливы по отношению к своим братьям, они бы не позволяли совершаться стольким арестам. Не отдавайте так легко своих братьев — цепляйтесь, окружайте, отвлекайте свинью. Не сдавайтесь ей на милость!

БОСТОН: Свиньи обрушились на братьев и сестер! Придрались и арестовали просто за то, что ходили босиком. Ссылаясь на дремучие законы (от 1894 г.), задержали за то, что мешали общественному передвижению, а на деле просто несколько человек стояли на тротуаре. Плюс еще нарушение комендантского часа.

Хиппи обязали покинуть парк в десять часов. Они пытались обламывать нас в прошлом году. Они пытались помешать нашим собраниям. И они пытаются сделать это снова.

№ 4.

Более свободное место: Сан-Франциско, Хейт-стрит, Театр Стрэйт — свободный вечер на прошлой неделе с калифорнийскими фриками и The Living Theater — живя/танцую/барабана/кура/любя ВСЮ НОЧЬ. Сначала «хипповые» дельцы заявили: «Ни фига, Стрэйт принадлежит нам, мы будем делать деньги». Но затем они попали под пресс коммюнити. Так что они были вынуждены согласиться на продолжение свободных вечеров на этой неделе, и там будет еще больше свободного места, бесплатной пищи, еще больше ночлежек и всегдашнего курева!

Когда будете в Бостоне, ищите Братьев и Сестер из IONS — International Organization of No Shit, племени Международного Сообщества Оборотней. У них все свободно — НИКАКОГО ДЕРЬМА.

Сельские Коммуны: весенний посевной сезон. Сей больше, чем тебе нужно. Вписывающимся братьям и сестрам нужны еда и ночлег. Возникают перебои с пресной водой, так что будьте наготове. Если в ваших краях с этим нет проблем, то департаменты дикой жизни и рыболовства многих районов будут иметь в виду ваши пруды и ручьи на предмет свободного пользования.

№ 5.

По всей америке пластиковое смертоносное сознание пытается закупорить жизненную энергию хип коммюнити/сознания. Свиньи откровенно прессуют фриков, пытаясь помешать нам собираться вместе и уничтожая наши пространства.

Бостон: В прошлом году Хип-Коммюнити собиралось в Коммоне⁵, но недавно мэр Уайт⁶ со своими свиньями выгнал нас с нашего места и аресто-

⁵ Старейший городской парк США.

⁶ Мэр Бостона в период 1967–1983 гг.

вал сто человек прямо на улице... В этом году мы оказались арестованы за нахождение рядом с парком (можно забыть о тусовках, можно забыть вообще о собраниях в общественном месте). Двое фриков просто шли по улице, и их арестовали за «ограничение прохода населения»; ходить босиком теперь означает подвергать опасности здоровье окружающих; целых пятнадцать ментов вычищали один перекресток от «отбросов».

Кливленд/Чикаго: Та же история. Свиньи совершают облавы на места собрания хиппи.

Нью-Йорк: В Нижнем Ист-Сайде Хип-Коммюнити боролось за пространство. Свободные Вечера в Филлмор Ист прикрыты из-за того, что менты пресекают свободное хождение наркоты. Бесплатный магазин прикрыт, потому что ментам не понравился тамошний народ. Последней каплей стал уличный 24-часовой вынос мозга силами коммюнити. На прошлой неделе уличный театр и группы сообщества вознамерились использовать заброшенное здание суда для встреч коммюнити/театральных действий/и всякой всячины. Уже после первого события полиция захватила здание, остальное было отменено, а народ оказался выкинут на улицу. Еще одно место ушло.

Венеция, Калифорния: На Маскл-Бич в районе заброшенных парков и закрытых сувенирных лавок проживало хип-коммюнити, и в прошлое воскресенье они устроили гулянье, вылившееся в бунт, так как менты устроили облаву — хиппи выскочили на улицу и оцепили полицейский участок.

Сан-Франциско: “Armed Love” и другие коммуны создали EARTHFARE — встречу городских и сельских об-

щин/хипповый обмен без денег. Все шло хорошо, но вечером толпа поредела, а менты тут как тут, и начался шмон. Остальные где-то в парке наслаждались Jefferson Airplane — в безопасности.

Хиппи с Западного побережья решили одолжить деньги у знаменитых рок-групп, делающих 10–15 тысяч за вечер, под проценты за поручительством сообщества.

⁷ Культовое издание для контркультуры 60-х гг. Что-то вроде справочного пособия на тему «сделай сам». Затрагивало многие аспекты экологической жизни (устройство убежищ, ремесла, коммуникации, земледелие). Было настолько подробным, что послужило неким прообразом для современных поисковых систем в Интернете.

⁸ Американский историк русского происхождения (1895-1979), создатель «ре-визионистской хронологии», и считавшийся шарлатаном в научном сообществе, наподобие Фоменко/Носовского.

Многие из этих групп позабыли, что вышли они из хип-коммюнити. Есть неплохая идея переселиться в дорогие особняки этих рок-звезд, чтобы те не забывали, что такое коммунальная жизнь.

Мы живем без того, чтобы загрязнять окружающую среду. Электричество без загрязнения — солнечная энергия. Подробное объяснение — в приложении к последнему выпуску “Whole Earth Catalog”⁷.

Последнее замечание: хиппи с Западного побережья, волнующиеся, что Калифорния уходит под воду, позвонили Великовскому⁸ для консультации, но тот их успокоил, заявив, что следующий великий катаклизм будет социальным.

Самое последнее замечание: на дороге в Плацитас, Нью-Мексико, висит объявление о съезде обществ виджиланте — «Тема обсуждения: Хиппи».

AMERICAN CORPORATE CULTURE
WEARING "HIP" MASK
PIMPING OUR MUSIC/CULTURE/LIFE
FOR ITS PIGMEAT

MEDIA/TRUTH/GUNS
RIP AWAY AMERICAN MASK

WE ARE ROASTING !

ARMED LOVE
motherfuckers

Американская корпоративная культура
Носит «хипповую» маску
Использует нашу музыку/культуру/жизнь
Разделяет их, как свинину

Медиа/истиной/ружьями
Срывай американскую маску
Мы поджариваемся!

ПОСЛЕДНИЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ

Впервые опубликовано в журнале Internationale Situationniste, № 12, сентябрь 1969 г. Пер. с французского на английский Кена Нэбба

21 декабря 1967 года Тимоти Кларк, Кристофер Грей и Дональд Николсон-Смит, уже готовые печатать журнал в Англии и приступить к деятельности, были исключены из Ситуационистского Интернационала (Чарльз Рэдклифф отказался от участия по личным обстоятельствам несколькими месяцами ранее).

Противоречия, ранее не существовавшие или отставленные в свое время без внимания, обнаружились внезапно, и не в связи с их деятельностью в Англии, а в разногласиях по поводу связей и активности СИ в Соединенных Штатах. Ванейгем¹ побывал в Нью-Йорке в ноябре в качестве делегата от всех ситуационистов и добросовестно выполнил все поручения, в частности по переговорам с теми товарищами, в том числе и британцами, с кем у нас развиты отношения и кто организовал американскую секцию. Ванейгем отказался встречаться с неким Беном Мореа, издателем журнала Black Mask, с которым наши американские товарищи в конфликте практически по каждому вопросу о революционной активности и в идейной честности которого они сомневаются. Более того, Ванейгем был вынужден прервать беседу с неким Хоффманом², который восторженно излагал свое мистическое толкование «Прописных истин»³ и кто был главным коллаборационистом изданий Мореа; этот гнусный факт, как и следовало ожидать, окончательно убедил Ванейгема не обсуждать с Мореа еще большие расхождения.

¹ Рауль Ванейгем (р. 1934) — бельгийский писатель и философ. Наряду с Ги Дебором основоположник ситуационизма. Автор книги «Революция повседневной жизни» (1967, русское издание вышло в «Гилее» в 2005 г.), которую бунтующие в Парижскую весну 1968 г. студенты растащили на слоганы.

² Здесь имеется ввиду не Эб-би Хоффман, но его однофамилец по имени Алан. Алан Хоффман в разное время был членом коллективов Anarchos (вместе с Мюреем Букниным) и вместе с Беном Мореа — Motherfuckers.

³ Ванейгем Р. Прописные истины // Антология современного анархизма и левого радикализма. Т. 1. М.: Ультраккультура, 2003. С. 131–172.

Вроде бы все было ясно, до тех пор пока Ванейгем не вернулся в Европу. Мореа написал лондонским ситуационистам жалобу о том, что был представлен нашему делегату в ложном свете. Поскольку наши английские товарищи проявили беспокойство и настояли на внесении ясности, мы коллективно написали им подробный ответ, где детально обрисовали ситуацию. Как бы то ни было, но англичан это не устроило. Мореа послал еще одно письмо, теперь уже всем, в котором заявил, что описанные нами обстоятельства — это лживые отговорки и что истинные разногласия совсем не таковы; он оскорбил наших нью-йоркских друзей и поставил под сомнение компетентность Ванейгема. Несмотря на все их недвусмысленные обязательства, англичане, идя на поводу у Мореа, заявили, что не понимают, в чем дело, и что «кто-то» здесь не договаривает правды. Они демонстрировали все большее потворство Мореа и все большее недоверие нашим американским друзьям, а неявно даже и Ванейгему. Мы призвали их прекратить публично выказывать возмутительное непостоянство и немедленно порвать с этим фальсификатором и с его мистически настроенным приспешником. Наше требование было принято к сведению, но не как руководство к действию. Вот причина, по которой мы порвали с ними. За три недели этот спор поднимался на двух встречах в Париже и Лондоне и ознаменовался обменом дюжиной длинных писем. Наше терпение подошло к концу, и то, что сначала представлялось как попросту удивительная медлительность в умозаключениях, теперь обернулось умышленным (и до сих пор необъяснимым) саботажем. К моменту их исключения дискуссия велась вокруг очерченных выше деталей, неизвестно зачем поднятых вопросов о солидарности в СИ и неясных условий для прекращения связей (тем более, что для англичан не секрет сотрудничество Мореа с мистически настроенным идиотом).

Грей позже побывал в Нью-Йорке и уныло рассказывал тем, кто хотел слушать, что его обреченная с самого начала на провал группировка связывает свои усилия с Америкой, где необходимо спасти революци-

онный проект от вредного непонимания части европейских ситуационистов (и от самих американцев тоже). Но английские товарищи сами понимают, что не многого стоят. Им трудно признать свою обиду оттого, что континентальных европейцев мало волнует, чем они там собираются заниматься. В своей стране они изолированы — потому что живут на острове. Более «теоретическая» причина вылезла наружу после дискуссии: оказывается, Англия гораздо ближе к революционному кризису, чем мы — «континентальные» теоретики, которые, по общему мнению, озлобились, видя, как наши идеи находят свое воплощение где-то в

⁴ Имеется в виду май 1968 г., социальный кризис во Франции, вылившийся в демонстрации, массовые беспорядки и всеобщую забастовку, чьей движущей силой были ситуационистские лозунги.

других местах. Ценность такого англо-американского суда истории была явлена спустя лишь пять месяцев⁴. Но, если отбросить в сторону всю комичность их запоздалого самооправдания, то можно услышать более постыдный послыл: приписываемая нам озлобленность, испытываемая по от-

ношению к успехам «нашей» теории за рубежом, объясняется тем, что мы надеемся на революцию в «своей» стране с целью занять правительственные посты. Такое приписывание нам своекорыстных мотивов скорее напоминает планы самих английских экс-ситуационистов, жаждущих возвращения эпохи американской войны за независимость и желающих из Лондона управлять американским революционным движением. Все эти бредовые геополитические планы рухнули в момент их исключения.

Нужно отдать должное: в течение двух лет сотрудничества с Дональдом Николсоном-Смитом мы все его высоко ценили. Жаль, но, вернувшись в Лондон, он стал менее точным и менее понятным, попав под влияние двух других членов, по ошибке включенных в СИ, а также некоторых других типов. Когда спустя шесть месяцев он прислал письмо с просьбой о встрече для разъяснения некоторых «недоразумений», то мы были вынуждены разочарованно ему отказать. Сама идея показалась нам довольно сомнительной, а последующая активность Грея только подтвердила наши подозрения.

Грей сейчас выпускает газетенку под названием “King Mob”, которая крайне неуклюже подделывается под проситуационистскую и где можно обнаружить панегерики вездесущему Мореа. С тех пор как Мореа — это все, что осталось Грею, он со своими приспешниками дошли до того, что даже не публикуют писанину Мореа, которую трудно выносить на свет, если хочешь, чтобы люди в твоём окружении продолжали превозносить своего идола. Их потешная точка зрения такова, что заслуга Мореа в том, как он вынес радикализм из «ситуационистского салона» на улицы, — они говорят об этом год спустя после майских событий! Грей также пытался под шумок восстановить с нами связи, через посредничество некоего Алана Грина, который притворился, что не знаком с Греем, но вскоре был уличен в обратном. Хорошая работа! Прodelана с такой же ловкостью, с какой очевидностью был предрешен ее провал. «Уникальные» Garnautins⁵ должны перевернуться в своих университетских могилах от зависти к такому достойному приемнику.

Нужно обратить внимание, что до этого в течение двух лет не было никаких исключений. Но надо понимать это не как повышение сознательности и непреходящий радикализм отдельных представителей в настоящий революционный период. Это связано с тем, что СИ ужесточил условия приема в свои ряды и за это время отклонил около пятидесяти или шестидесяти заявок на вступление — чтобы убедить себя от такого же количества исключений.

⁵ Автономная от СИ группировка студентов Страсбургского университета, напечатанная на казенные средства большим тиражом ситуационистский памфлет «О нищете студенческой жизни». В начале 1967 г. СИ за ненужностью порвал с ними связи.

ВООРУЖЕННАЯ ЛЮБОВЬ ПРИ БЛАГОДЕНСТВИИ¹

Впервые опубликовано в: Gilin T. The sixties: Years of hope, days of rage. Bentam books, 1987.

¹ Переводчик выражает благодарность научному сотруднику ИНИОН РАН Вадиму Валериевичу Ишутину за помощь в доступе к этому материалу.

Наряду с Диггерами существовало огромное количество групп энергичных и суровых революционеров от культуры, с названиями и без названий, стремившихся вынести авангардный дух искусства — Сюрреализма,

Дада, Арто — на улицы. Их общим лейтмотивом было преодоление границы между искусством и повседневной жизнью, художниками и публикой. Нижний Ист-Сайд, наводненный теми, кто оборвал все связи со своей прошлой жизнью и плел нити новой, был хорошей площадкой для партизанского театра и прочих подобных новшеств. То был исторический момент: Вьетнам и бунты разрушили невинный имидж Америки, наркотики отменили будни, экономическое процветание было очевидным, а социальные связи разрывались. Огромная нью-йоркская художественная сцена была переполнена хэппенингами, перформансами, концептуальным искусством: идеи побуждали к действию.

Одна такая группа из Нижнего Ист-Сайда, сформированная осенью 1967 г., превратилась в легенду всего движения. Уже одно их название тому способствовало: Лицом к стене, ублюдок — строка из стихотворения Лероя Джонса, битника, ставшего негритянским националистом (следующей строчкой было: «это ограбление»). Культурные революционеры не довольствовались характеристикой вроде: Комитет по тому или сему — по чему-то, что не касалось их напрямую, — нет, они хотели воплотить в жизнь свою главную цель. Их

теоретической базой был гибрид европейского анархизма (особенно та мысль, что высшей формой организации является свободное объединение) и марксизма в духе Франкфуртской школы², где самым известным

² Группа философов, исповедовавших неомарксизм. Образовалась в 1930 г. Была очень популярна у новых левых.

теоретиком был Герберт Маркузе, по мысли которого пристрастие масс к зрелищам отвлекает их от их собственного пребывания в «одномерном» обществе, а высокое искусство вынуждено лишь поддерживать статус-кво. Основная идея Motherfuckers была организационная: “affinity group”, «уличная банда с анализом». В теории affinity groups были универсальны: боевые подразделения в гуще восстания, «объединение вооруженных составов в конфликтных точках с наступлением революции» и образец для нового общества после.

Affinity group объединяла свободных радикалов, бездетных, неработающих, не учащихся, мелких уголовников и принимала участие в жарких теоретических дебатах. Среди их членов были: издатель анархического журнала Black Mask; голландец из выдающегося, но трудного для понимания и к тому же сектантского объединения ситуационистов, любивших теоретизировать об «обществе спектакля»; актер и художник, бывший пасынком самого Герберта Маркузе; еще один актер из театральной труппы в Нижнем Ист-Сайде; организатор Движения за демократическое общество — неудачного продолжения СДО, где планировалось поддаться культурного радикализма; а также режиссер фильмов, изгнанный из американских органов разведки. Их акции были еще более бесстрашными, чем у диггеров, более агрессивными и еще более враждебными по отношению к высокому искусству и интеллектуалам. Когда мусорщики вышли на забастовку и зловонный смрад неубранных помоев окутал Нижний Ист-Сайд, Motherfuckers собрали мусор и отвезли его на метро к только что открывшемуся Линкольн-центру (они много бранились, но лишь один самый неумный из них осмелился забросать мусором фонтан). Это было в духе дада — принести мусор к храму настоящего мусора, к мавзолею высшего общества, забитому мусором под завязку и охраняющему искусство от «народа». В другой раз они устроили акцию в поддержку Валери Соланас³, отщепенки Фабрики искусств Энди Уорхола, которая застрелила его во имя самопровозглашенного

³ Соланас В. Манифест
О.П.У.М. СПб., 1984, 2004.

Общества полного уничтожения мужчин. С течением времени они ужесточились еще больше: обучались искусству боя, подстрекали хиппи драться врукопашную с полицейскими («свиньями») при налетах, сами вламывались в редакции подпольных газет и всячески их критиковали. Их лозунгом была «Вооруженная Любовь», а логотипом для него — экзотический (марокканский?) курильщик, которого изображали на пачках сигарет Zig-Zag.

В водовороте нью-йоркских авангардных молекул Motherfuckers смешивались с другими такими же инициативными группами, которые потом называли «коллективами», — неудавшихся художников, ставших ре-

волюционерами. Существовала целая Освободительная информационная служба⁴, распространявшая статьи среди возрастающего числа подпольных газет. Одно из таких изданий — Rat — позволяло Motherfuckers размещать у себя целые полосы: однажды, например, это было изображение Джеронимо⁵ с винтовкой наперевес, а в другой раз — револьвер, иллюстрировавший лозунг «Мы ищем тех, кому нечего терять». Также был известен тогда коллектив режиссеров Newsreel⁶, снявших большое количество короткометражек, запечатлевших акции движения (именно они сняли “Garbage” —

TO LIVE ONE MUST LOVE
TO LOVE ONE MUST SURVIVE
TO SURVIVE ONE MUST FIGHT!

—Motherfuckers—

ВООРУЖЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Чтобы жить, необходимо любить

Чтобы любить, необходимо выжить

Чтобы выжить, необходимо бороться!

об акции у Линкольн-центра). Их идея была в том, что нет времени на долгие съемки художественных фильмов в угоду расслабленным зрителям и нет смысла привлекать внимание широкого круга. Имея опыт и связи в мире кино, они использовали для съемок отбракованную пленку, так что изображение было зернистым, а общее впечатление — кустарщина (если взять, например, фильмы о Фронте национального освобождения, снятые под обстрелом), которая к тому же распространялась вовсе не в широком прокате. В начале заставки логотип появлялся на экране будто бы посредством пулеметной очереди — каждый фильм был своего рода боезарядом.

Motherfuckers, как и Диггеры, презирали безропотную политику студенчества и всяческими издевательствами выявляли ее сущность. Объявив себя ячейкой СДО (которые приняли их с распростертыми объятиями, СДО вообще никому не отказывали), они в марте 1968 г. приехали на Национальный Совет в Кентукки. И там, забравшись на трибуну, двое Motherfuckers держали большой кирпич, упакованный в золотую фольгу, а третий из них — каратист — ударом ладони разломил его напополам. Что означало: вот так будет с капитализмом и государством, именно таким образом. Они пудрили мозги доверчивым уроженцам Среднего Запада рассказами о том, как превратили смертельно больных пациентов нью-йоркской больницы в передовую силу Революции — которым ведь нечего было терять, не правда ли? А на июньском съезде СДО настал их звездный час: они, одетые в черное, ораторствующие против Прогрессивной рабочей партии, размахивающие черным флагом анархизма (тогда как основные силы СДО махали красным), разбрасывали листовки с теорией affinity groups, проиллюстрированной круговым оральным сексом.

⁴ Liberation News Service — новостной бюллетень, который выпускался в период 1967–1981 гг. LNS являл собой своего рода информационное агентство для более чем 500 андеграундных газет.

⁵ Джеронимо (англ. *Geronimo*; индейское имя Гоятлай, означает «Тот, кто зевает»; 1829–1909) — известный военный лидер апачей, который в течение 25 лет возглавлял борьбу против вторжения США на землю своего племени. В 1886 г. был вынужден сдаться американской армии.

⁶ www.newsreel.us

Многие новички в СДО были взбодоражены тем, что хулиганствующие хиппи валят набок их грузную организацию. Прогрессивная рабочая партия вместе со своими принципиальными противниками в руководстве СДО уже патентовали свои права на революционное будущее, в котором восторжествует марксизм-ленинизм. Как же не повезло всем этим старым левым!

⁷ Банда мотоциклистов.

Motherfuckers, постбитники, постбайкеры, Ангелы Ада⁷ со своими манифестами, Диггеры — все они предпочли прямое действие стратегии, сумасбродство — скуке. «Культурная революция» оказалась хорошей альтернативой тугодумным художникам с их туманными речами, отягощенными жаргоном и старо-левацкими представлениями об организации. *Прямое действие* — вот идея новых левых в лучшем виде! Не очевидно ли, что именно это распространялось по всему свету среди молодежи? В Амстердаме Прово («Провокаторы») публично курили траву, дразнили полицию, забрасывали дымовыми шашками свадебную процессию принцессы Беатрикс, оставляли на улицах белые велосипеды и даже побеждали на выборах. В Китае Красные бригады избивали бюрократов, заставляли

⁸ Когда-то в учебных заведениях нерадивых учеников заставляли надевать такой дурацкий колпак из бумаги, что бы все знали об их лени и глупости.

⁹ Начало Великой Французской революции.

профессоров надевать дурацкие колпаки⁸. Весной 1968 г. всколыхнулся Колумбийский университет. Но самым сногшибательным было празднование первой постиндустриальной революции в майском Париже, где вся власть была отдана воображению, а не изменнической Коммунистической партии — и где был сделан первый шаг в следующий век, как когда-то в 1789-м⁹ был сделан шаг в век девятнадцатый.

Тодд Джитлин

МУСОРНАЯ ГЕРИЛЬЯ: ТАИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АРТБАНДЫ ИСТ-ВИЛЛИДЖА С НЕПЕЧАТНЫМ НАЗВАНИЕМ

Впервые опубликовано в Up Against the Wall, Motherfucker: An anthology of rants, posters and more. Homebrew press, 2007.

«Эй, Джон, я не слишком поздно звоню?»

Уже почти полночь. Обычно в это время я сплю (или пытаюсь заснуть), но сейчас я бодрствовал и чувствовал себя немного одиноко. Так что на звонок ответил. Но кто это? На другом конце слышится дружелюбный голос немолодого человека с заметной юго-западной манерной медлительностью.

«Это Бен Мореа».

* * *

В конце шестидесятых Бен Мореа был тем пресловутым вожаком отвратительной анархистской группировки из Нижнего Ист-Сайда, называвшейся Up Against the Wall, Motherfucker. Будучи молодым историком, изучающим то время, я потратил почти три года, чтобы его найти. Все указатели вели в никуда. А следы Мореа были похожи на полосу дыма уже исчезнувшего из вида реактивного самолета.

Не сказать, что я был очень уж шокирован таким положением вещей. Даже в то время, пребывая в относительной известности, Мореа был окружен ореолом таинственности. В начале 60-х он рисовал в абстрактно-экспрессивной манере, чей недостаток в точных нюансах скрашивался тем, что использовалась исключительно черная краска; однажды его работы охарактеризовали как «очень необычные. Толстый слой черной краски. И что-то такое выющееся и неопределенное. Все черное»¹. А в середине десятилетия он уже разгуливал гоголем по St. Marks Place и Second Avenue, длинноволосый и бородатый, как всякий

¹ Такая характеристика была дана Мюреем Буккиным. Цит. по изд.: Haden-Guest A. True Colors: The Real Life of the Art World. New York: Atlantic Monthly Press, 1996. P. 30.

хиппи, но только без цветочков и бус, а наоборот — в кожаном жилете, с карманным ножиком, раздавая манифесты с малопонятной поэзией и злующим агитпропом. Mothefuckers называли себя политизированной уличной бандой, а в СМИ о них упоминалось как о

² Американская певица, «крестная мать панка». Считается, что именно ее дебютный альбом стал первым произведением панк-рока.

«шайке с абсолютно неприличным названием». Но все указывали на то, что их место в контркультуре сравнимо с тем, как Патти Смит² позже отождествлялась с рок-н-ролле: «Мы создали это, теперь давайте уничтожим!»

Это та самая группа, что однажды выразила во время службы в соборе Святого Патрика протест Вьетнамской войне транспарантами с изображением пострадавших от напалма детей; это они забросали коровьей кровью госсекретаря Дина Раска и его отутюженных гостей в нью-йоркском «Хилтоне», они организовывали ночлежки для бездомных подростков, открывали «магазины», где все было бесплатно, устраивали встречи коммюнити в Tompkins Square Park, давали уроки карате, печатали листовки и постеры, возвещавшие наиболее экстремальные формулировки контркультурной космологии: «Мы — это сущее Шоу Ужасов... Безобразная шерсть и опаснейший дурман... Вооруженная Любовь жалит в пустые сердца пластиковой Мамки и свиного Папки».

В 1967 г., во время мусорной стачки в Ист-Виллидж, они соорудили зловонную кучу разлагающегося мусора прямо на ступеньках Линкольн-центра («Мы предлагаем культурный обмен, — декларировали они в разбрасываемых на месте листовках, — мусор на мусор»). В 1968 г. они выступили в поддержку Валери Соланас, неутомимой феминистки, стрелявшей в Энди Уорхола. Годом позже они рвали сетку в Вудстоке и этот добавивший им славы поступок сделал свободным вход на концерт для многих тысяч людей.

Затем они исчезли или, как говорили многие, сбежали. С Мореа к тому времени уже сняли обвинение в покушении на убийство, после того как он порезал одного из отмороzków в бостонской схватке солдатни и хиппи. Затем случилась широко известная история

борьбы с рок-импресарио Биллом Грэхемом «за территорию»: Грэхем в Нью-Йорке владел хипповским клубом “Fillmore East” и разногласие состояло в том, имеют ли жители района Ист-Виллидж право на одну ночь в неделю занимать помещение на предмет пирушки или иного рода собрания. Все обещания были нарушены, высказывания превратно истолкованы, и, как следствие, кто-то вломил Грэхему цепью по лицу, раздробив ему нос. Спустя некоторое время коменданта дома, где сквотировали Motherfuckers, нашли зарезанным. Оша (Том) Нойман, единственный Motherfucker, написавший воспоминания о группе, упомянул об этом случае: «Мы кричали “Смерть свиньям!” — но первый, кто умер, был управдом-пуэртиканец. Этот случай не получил огласку, никого из нас не арестовали и не допрашивали. И между нами, во всяком случае — в моем присутствии, это не обсуждалось. Мои попытки что-то выяснить натывались на грубые и односложные ответы: это было необходимо; живя на улице, нельзя не защищаться, когда нападают».

Остатки группы позже объявились на контркультурном «съезде племен» в Нью-Мексико. Некоторые из них присоединились к известной коммуне хиппи “Hog farm”. Другие уехали в Канжильон к последователям Райеса Тийерины (известного как «Король Тигр»), который попытался силой вернуть территории, отнятые американцами у Мексики в 1848 г., напад на окружное здание суда, — все закончилось кровопролитной перестрелкой. Как вспоминает Нойман, они жили на пособия, иногда угоняли скот и пытались жить как индейцы. «Но постепенно наша изолированность приводила к вырождению».

В некотором смысле, Бен Мореа, что называется, «слинял». По одним слухам, он нищенствовал где-то в Скалистых горах, перемещаясь на лошади и ночуя в вигваме. Другая легенда утверждала, что он стал кем-то вроде контркультурного полковника Куртца³, проводящего мистические цере-

³ Персонаж из фильма Фрэнсиса Форда Coppola «Апокалипсис сегодня» (1979) в исполнении Марлона Брандо. Полковник армии США Уолтер Куртц окопался в джунглях Камбоджи, стал богом для местных жителей и был неограниченным монархом на своей территории, казня всех, кто попадался под руку. При этом Куртц мучительно ждал, когда же явится тот, кто его убьет.

монии в пустыне. Ничего не зная о нем в точности, можно было предположить худшее: что он снова стал наркоманом, опустился или попал в психушку. Несколько лет назад мой друг, тоже историк, предпринял попытку его найти — потом рассказывал, что слышал о смерти Мореа.

Но, естественно, тот не погиб. На самом деле он вскоре собирался приехать в Нью-Йорк и встретиться со мной.

* * *

Я заинтересовался Motherfuckers еще старшекласником, когда прочитал о них несколько абзацев в неплохой и довольно популярной книге Тодда Джитлина «Шестидесятые». Джитлин описывал время, когда появилось «огромное количество групп энергичных и суровых революционеров от культуры... стремившихся вынести авангардный дух искусства... на улицы. Их общим лейтмотивом было преодоление границы между искусством и повседневной жизнью, художниками и публикой. <...> Одна такая группа из Нижнего Ист-Сайда, сформированная осенью 1967 г., превратилась в легенду всего движения. Уже одно их название тому способствовало: Лицом к стене, ублюдок — строка из стихотворения Лероя Джонса, битника, ставшего негритянским националистом». Чуть дальше он соотносил их с постбитниками, постбайкерами, Ангелами Ада со своими манифестами, предпочитавшими прямое действие вопреки стратегии, сумасбродство вопреки скуке.

Тогда до меня не дошло, что Джитлин описывал это без всякого одобрения, но именно что с резким осуждением. Сегодня Motherfuckers редко упоминаются в

исследованиях по истории шестидесятых, а там, где все же проскальзывают, то непременно выставляются, с легкой руки Джитлина, тлетворным извращением того высоко духовного идеализма, которым было заражено все Поколение Порт Гулона⁴. И если

⁴ Намек на «Постановление Порт Гулона» — основополагающий манифест «Студентов за демократическое общество», написанный одним из основателей СДО Томом Хейденом в 1962 г.

Камелот⁵, Наездники Свободы⁶ и Битлз в их миленький, благообразный хит-парадный период обычно подразумеваются как жизнеутверждающая и оптимистичная сторона шестидесятых, то Motherfuckers — если о них вообще вспоминают — непременно соотносятся с уэзерменами⁷, Алтамонтом⁸ и Чарльзом Мэнсоном⁹ как воплощение деструктивной, нигилистической и темной стороны эпохи. Но меня, подростка из Мичигана, тогда совсем не волновало, что о них пишут в научной литературе: я пребывал в убеждении, что они были очень крутыми.

Перенесемся на пятнадцать лет вперед. Я преподаватель истории и литературы на пол-ставки в Гарварде, и одна из моих студенток — моя любимая студентка Кэйтлин Кейси — ищет тему для диплома. Мы обсудили несколько вариантов, но она выбрала Motherfuckers. Получилось отличное сочинение¹⁰, за которое ее в 2003 г. наградили дипломом с отличием (сегодня она аспирантка в Йельском университете). Ее работа остается пока единственным научным исследованием о Motherfuckers — у нее не было под рукой никаких об-

стоятельных книг по теме, никаких диссертаций, даже журнальных статей. Поэтому я посоветовал ей добывать клочки информации другим путем — из различ-

⁵ Если здесь имеется в виду проект «Камелот» (единственное толкование, которое нам удалось разыскать, — на <http://stra.teg.ru/library/institutes/Dikson-Thinktanks/7/>), в середине 60-х представлявший собой инспирированное Пентагоном исследование широкого масштаба, посвященное изучению причин революции и восстаний в развивающихся странах и проводившееся с целью выработки методов для устранения «потенциальной неустойчивости» у некоторых наций, — тогда не совсем понятно, почему автор статьи считает это «жизнеутверждающей и оптимистичной стороной шестидесятых».

⁶ Правозащитное общест-

венное движение в США в 60-е гг., ставившее своей задачей борьбу за гражданские права афроамериканского населения страны. Участники движения проводили акции (например, совместные поездки в транспорте чернокожих и белых) в местностях, где властями и ультраправыми активистами практиковалась сегрегация черного населения.

⁷ Леворадикальная организация террористического толка. Основана в 1969 г. членами общества «Студенты за демократическое общество». Участвовала в бес-

порядках в Чикаго 1968 г., обвинялась в ряде взрывов в 1970-е гг.

⁸ Печально известный своими трагическими событиями фестиваль рок-музыки, состоявшийся декабре 1969 г.: трое погибших, множество раненых, в большинстве случаев — по причине насилия, учиненного бандой мотоциклистов «Ангелы Ада».

⁹ Серийный убийца.

¹⁰ Casey C. Up Against The Wall, Motherfucker: The Life and Times of a "Street Gang With Analysis". Senior Thesis, Harvard University, 2003.

ных воспоминаний шестидесятников, из прекративших существование подпольных газет того времени, а лучше — из самостоятельных интервью. Она сумела разыскать нескольких нью-йоркцев, которые вращались в кругу Motherfuckers, но из основных членов группы нам удалось найти лишь трех человек. Одна такая жен-

¹¹ Крик (Creek) — прозвище индейцев племени маскоджи, обитающих на Юго-Востоке США.

щина была к тому же уэзерменшей, другие два шли у нас под кодовыми именами «Трэвис Мазафакер» и «Крик»¹¹, так как их настоящие имена установить не удалось.

* * *

«Между мной сегодняшним и тем, каким я был в те времена, мало общего, — сказал Бен, когда мы наконец-то встретились в Челси, — я был довольно опасным человеком».

Бену сейчас 63 года, он невысокий и жилистый, усы подстрижены под Фу Манчу¹², черные, как смоль, волосы зачесаны назад. Живет он теперь на юго-востоке, но иногда приезжает в Нью-Йорк. Пока мы общаемся, оставляет свою ковбойскую шляпу рядом на скамье. Вопреки своей прошлой скрытности, сейчас он кажется классическим экстравертом — словоохотливым и интересным рассказчиком: чем больше он говорит,

¹² Вымышленный злодей-ки-таец, персонаж многих книг Сакса Рохмера, а также нескольких фильмов и сериалов, большинство которых были сняты в 30-е гг.

¹³ Цит. по: Джек Керуак. На дороге / Он же. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Просодия, 2002 (пер. с англ. М. Немцова).

тем больше, кажется, еще хочет сказать. Родись он чуть раньше, я бы представил его воплощением героя какого-нибудь произведения Джека Керуака, вроде тех «безумцев... кто никогда не скажет банальность, кто лишь горит, горит, горит как сказочные желтые римские свечи»¹³. Порой он вспоминает прошлые подвиги с особенным наслаждением, даже с какой-то чопорностью, присущей более

тем, кому однажды крупно повезло. И улыбается при этом широко и с хитринкой. Озорная улыбка, горящие глаза. Мне он сразу понравился.

Мы сидим друг напротив друга, и он рассказывает мне то, что я уже и так знаю: что до последнего време-

ни он целых 35 лет не появлялся на публике, как «тот самый Бен Мореа». Отчего такой переворот в убеждениях? И вот, раскрываясь слой за слоем, моему взору предстает истинная амбивалентность. С одной стороны, ему всегда было неохота выделяться. Даже в конце шестидесятых, имея внушительный революционный «послужной список» и квартирку в Восточном Бродвее, что служила пристанищем многим радикалам со всего мира — европейским ситуационистам, японским Зенгакурам, лидеру майского восстания в Париже¹⁴, — он предпочитал оставаться в тени. Рассказал, как на Вудстоке, находясь за сценой, избегал видеокамер и как отказался сниматься у Антониони в «Забриски поинт».

¹⁴ Жан-Жак Лебель (р. 1936) — поэт и художник. С 1960 г. провел свыше 80 хеппенингов. Переводил на французский язык таких авторов, как Уильям Берроуз Аллена Гинзберг, Лоуренс Ферлингетти, Лев Троцкий, Роза Люксембург и Нестор Махно.

И в то же время рассказал, что сожалеет о том, что Motherfuckers остались неизвестными и плохо понятыми. Частично из-за того, что контркультура в общественном сознании осталась прирученной. В фильмах, в воспоминаниях, в научных трудах молодежный бунт культивируется теми, кто с восторгом относится к шестидесятым, и поносятся теми, чье отношение к тому времени прямо противоположно. Но место Motherfuckers во всем этом довольно неопределенно: они были настолько экстремальными и иконоборческими, что даже фанатики 60-х не знали, как к ним относиться. С некоторой опаской, но я решился дать Бену прочитать сочинение Кэйтлин, которое содержит в себе несколько довольно четко выраженных критических аргументов в адрес Motherfuckers. К моему удивлению, ему это понравилось, кажется, он даже был несколько польщен. Может показаться странным, но именно те исследователи, что не упускают из вида Motherfuckers, ближе подходят к разгадке контркультуры, чем те, кто о них забывает.

За время наших нескольких встреч Бен сделал наброски своей биографии. Детство он провел в сельских районах Вирджинии и Мэриленда, а потом, в десятилетнем возрасте, переехал в Нью-Йорк. Там он сразу

¹⁵ Самый опасный район Нью-Йорка с его основания, где обитают всевозможные асоциальные личности.

¹⁶ Франц Фанон (1925–1961) — социальный философ, психоаналитик, один из ярчайших теоретиков революции среди новых левых. Участвовал в борьбе за независимость Алжира с самого начала войны в 1954 г., а с 1956-го был редактором газеты «Воин» — главного печатного издания алжирского Фронта национального освобождения.

затусовался с чернокожими и пуэрториканскими беспризорниками в районе «Адовой Кухни»¹⁵. Подростком, с 15 до 20 лет, стал употреблять героин. Лечась от своей привязанности к нему, обнаружил у себя другие две (которые, как я понимаю, стали его спасением): чтение и рисование. Он не рисуется интеллектуалом — его фразы коротки и ясны, но по всему повествованию, то здесь, то там, рассыпаны цитаты из Бакунина, Ги Дебора, Франца Фанона¹⁶ и льва новой левой мысли Герберта Маркузе (последний из которых был отчимом вы-

шеупомянутого Оши Ноймана). Когда Бен обнаружил, что я не знаком с трудами Вильгельма Райха, он рассказал мне о теории оргонной энергии и посоветовал книгу Райха «Убийство Христа».

В начале 60-х Мореа дружил с Джулианом Беком и Джудит Малина — основателями “Living Theater”, экспериментальной анархистской театральной студии, образованной в 1951-м и чьи свободные и смелые перформансы предвосхитили грядущий стиль всей контркультуры. В 1966 г. он выпускал Black Mask, аляповатый, имевший недолгую жизнь художественный журнал, печатавшийся на mimeографе и за пятак продававшийся в Ист-Виллидже. Уже в самом первом выпуске проявилась его вера в силы и возможности творческого духа: «Этим мы можем заменить удушье школьного образования, бесчеловечный город, идею работы, в которой нет необходимости, и все гребящее жизнь вместо того, чтобы дать произрастать ей в полной мере». Также Бен участвовал в Неделе рассерженного искусства — фестивале, состоявшемся в январе 1967 г., когда в Нью-Йорке собрались кинорежиссеры, фотографы, музыканты, художники и скульпторы, объединившиеся в своем протесте против Вьетнамской войны. Из Black Mask, из Недели рассерженного искусства, а также под влиянием Черных пантер возникли Up Against the Wall, Motherfucker.

В своем кругу Motherfuckers назывались «Семьей». Их всего-то было около дюжины, но вокруг них всегда находилось некоторое количество примкнувших, так что их протест всегда находил отклик в сообществе. Их «массы» состояли из отбросов «Лиги плюща»¹⁷, самоучек и плохо образованных обитателей улиц — во всей контркультуре больше не было ничего подобного. Симпатизируя хиппи, они глумились над их цветочными фантазиями и упрекали их за слабование. Они были немного связаны с главной политической организацией новых левых — «Студенты за демократическое общество», но не принимали участия в сектантских интеллектуальных дебатах и даже у наиболее воинствующих студентов считались далекими от жизни и неблагонадежными. Йиппи, находившиеся у СМИ на мушке, были слишком игривы, Белые пантеры только мололи чепуху, Черные пантеры были довольно влиятельны, но слишком иерархичны и схоластичны. Так что, возможно, самыми близкими Motherfuckers по духу были San Francisco Diggers — склонный к артистизму, утопично настроенный коллектив, боровшийся за максимальную свободу личности и организовывавший различные «альтернативные поселения» в Хейт-Эшбери. У обоих коллективов были свои темные стороны: и там, и там случались потери людей из-за наркотической привязанности, а также имели место связи с криминальным миром.

Но находились и различия в «характерах»: Motherfuckers были хулиганнее и злее. «Они жили как подвальные крысы», — так однажды отзывался о них Эбби Хоффман¹⁸. Сюзан

¹⁷ Лига плюща (Ivy League) — ассоциация восьми старейших американских университетов. Это название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах. Считается, что члены лиги отличаются высоким качеством образования и в связи с этим определенным снобизмом по отношению к другим американским университетам.

¹⁸ Эбби Хоффман (1936–1989) — один из создателей движения йиппи, активист, писатель. Помогал в организации штурма Оклендского терминала в 1965 г. и Марша на Пентагон в 1967 г. Автор многих других антивоенных и правозащитных акций. В 1973 г. был обвинен в распространении наркотиков, скрывался семь лет, явился с повинной и отсидел год. Выйдя на свободу, вернулся к социальному активизму. Покончил жизнь самоубийством, отчаявшись что-либо изменить в мире без 1960-х.

¹⁹ Сюзан Штерн (1943–1976) — политическая активистка. Была членом Студентов за демократического общества, узержменов и Фронта освобождения Сиэтла. В 1970 г. проходила как обвиняемая по делу о Сиэтлской семерке (к которой причислял себя Чувак в фильме братьев Коэнов «Большой Лебовски» (1998). Умерла от передозировки наркотиков.

Штерн¹⁹, основательница The Weather Underground, называла их «наигрязнейшей, отвратительнейшей и самой шумной бандой, которую она когда-либо видела». Журналист Тай Джонс, чей отец был знаком с Беном, язвил, что, несмотря на то что Motherfuckers «называли себя уличной бандой с анализом, все же, видимо, бандитская сущность в них была». Йиппи Стю Альберт, у которого Кэйтлин взяла интервью для своей

работы, провел такое различие между Motherfuckers и Diggers: «На Восточном побережье жили дети цветов. На Западном побережье жили дети сорняков. Они прорастали прямо из-под асфальта». В одной из своих листовок Motherfuckers называли себя «изгоями Америки», и на то были причины. Некоторые их сочинения демонстрировали насилие в его крайней психопатической форме. Так, однажды они изобразили полицейского, «вспотевшего засовывать дубинку во влагалища юных хиппушек».

После того как Motherfuckers расформировались окончательно, Мореа со своей женой целых пять лет жили, особо не оседая, в горах Сангре де Кристо, охотясь без разрешения, питаясь чем Бог пошлет и скрываясь от Forest Service. Иногда в своем лагере они принимали гостей, но те надолго не задерживались из-за холодных зим. Потом был лесорубом, но к такой работе, по его признанию, он оказался не приспособлен по причине своей далеко не выдающейся комплекции. Теперь здоровье его подорвано: одну ногу когда-то сильно порезал цепной пилой, да и глуховат стал на одно ухо, потому что (*смеется*) «считал себя слишком крутым, чтобы еще пользоваться затычками для ушей».

Когда Бен стал описывать свою жизнь в 80-е и 90-е, я почувствовал некоторую дрожь. Некоторые детали... это звучало ужасно знакомым. Но почему? Я вставил ремарку в нашей беседе, что, когда наводил справки о

Бене, то консультировался с актером Питером Койотом²⁰, автором моих любимейших контркультурных воспоминаний, называющихся «Спал, где упал»²¹.

«Да, обо мне есть в этой книге», — сказал Бен.

Действительно, это так. Но кто мог узнать в одном из персонажей книги — в некоем «Бене» — Бена Мореа? Койот не называл его фамилию. Вот единственное, что он написал:

Жизнь часто связывает людей, потом разъединяет, а затем снова однажды сводит вместе. В 1993 году я шел по Рю Принцесс в Париже, когда незнакомая парочка в ковбойских нарядах, шедшая по другой стороне улицы, окликнула меня: «Эй, Питер!» Я подумал, что они узнали меня по фильмам, ответил на приветствие, но останавливаться не собирался. Они рассмеялись, и мужчина спросил: «Ты меня не узнаешь?» Бен, в свои сорок с чем-то, был без бороды, его жена — по-прежнему изящная и интересная женщина. Рассказали, что имеют небольшое предприятие в шесть сотен работников, производят серьги и рассылают их по всему свету. Они больше не живут в шалаше, но в собственном современном доме, показали его фотографии. Оба по-прежнему придерживаются Пути пейоты²². Оба благородные и бесстрашные. Мы провели целый вечер в Париже, поужинав в мексиканском ресторанчике и вспомнив прошлую жизнь, отдалившуюся от нас за много миль и много лет.

Бен еще даже не прикончил свои блинчики, когда я спросил его о Валери Соланас, сумасшедшей радикальной феминистке, сформировавшей собственную организацию, где она

²⁰ Известный голливудский актер. Был одним из основателей Диггеров, а также актером, сценаристом и режиссером не менее анархистской Труппы мимов Сан-Франциско.

²¹ Coyote P. Sleeping Where I Fall: A Chronicle. Counterpoint, 1998.

²² Пейот (Lophophora williamsii) — мягкотелый кактус, который произрастает в северной половине Мексики, а также местами к северу от границы Техаса. Благодаря своим психотропным свойствам он используется как таинство в религиозных ритуалах, проводимых индейцами США и Канады, принадлежащими к Туземной американской церкви. С точки зрения членов Церкви эта религия — Путь пейоты — индейская версия христианства (цит. по: Дж.С. Слоткин. Путь Пейоты / Перевод А. Щетько. См. <http://www.first-americans.spb.ru/n3/win/peyote.htm>).

была единственным членом, — Общество полного уничтожения мужчин. После того как она стреляла в Энди Уорхола 3 июня 1968 года, Motherfuckers устроили живописное представление в ее защиту в Washington Square Park, где Бен распространял листовку, в которой описал Уорхола как «недочеловека, застреленного реальностью его снов» и превозносил Валери как «уничтожителя культуры — крутую чиксу в бибоповой кепке и с револьвером». «Америкосский белый пластмассовый собор на пороге сожжения, — делал вывод Бен. — Валери одна из нас, и Прекрасная Убийца жива. ОПУМ в ссылке».

Я задал прямой вопрос: «Чем объяснить то, что вы так ее поддерживали?»

«Объяснить? Я ничего не объяснял, — сказал Бен, пожимая плечами, — я любил Валери и терпеть не мог Энди Уорхола — вот и все объяснение». И через несколько секунд добавил: «Я не имею в виду, что хотел бы его застрелить». А затем закончил предыдущую мысль: «Энди Уорхол уничтожил искусство».

Я решил было протестовать: но она же пыталась убить его! Выстрелила в упор три раза и оставила умирать. Уорхол до конца жизни не оправился от ран, которые мучили его все последующие годы. Валери поместили в психиатрическую больницу, а затем в тюрьму. Позже она умерла в нужде и неизвестности в ночлежке в Сан-Франциско. Надо быть беспардонным, чтобы говорить об этом как не о трагедии.

«Знаешь, давай я лучше расскажу, как познакомился с ней, — сказал Бен, воодушевляясь, — я торговал грошовыми копиями Black Mask на углу Восьмой улицы и Пятой авеню. И вот однажды Валери шла мимо и говорит мне: слушай, я бы приобрела одну, но у меня нет мелочи. А я ей: да бери так! А она в ответ: подожди — и забежала в соседнюю книжную лавку, стырила экземпляр своего “Манифеста” — представляешь, украдала! — вернулась и говорит: на, это я написала — и мы поменялись. А затем остались вместе».

Улыбка у Бена заразная.

Затем он рассказал мне о том, как однажды спросил Валери, какое место уготовано ему в ее революцион-

ных планах по уничтожению всего мужского поголовья.

«Она задумалась на минуту, так меланхолично, знаешь, как будто никогда об этом раньше не думала». А потом говорит: «Я могу пообещать тебе кое-что — ты будешь последним мужчиной, которого мы убьем». А я так, шутя, спросил ее: «Можно расписку?»

Мы оба рассмеялись. «Хотел бы я иметь ее сегодня, — задумчиво произнес Бен, — прикинь, как было бы здорово оставить у себя что-нибудь после нее».

* * *

В 1995 г. на экраны вышел фильм «Я стреляла в Энди Уорхола», где в сценарии среди прочих героев появляется некий «Марк Motherfucker», чей образ, как поведала мне режиссер Мэри Харрон, был списан с Бена Мореа. В одной сцене они оба — Марк и Валери — находятся в «запущенной квартирке, где разбросаны повсюду кучи белья, книг, газет, пустых бутылок, переполненных пепельниц, революционных плакатов и всякого такого, что можно использовать в драке». Они скачут по комнате под звуки “Wild Thing” Джимми Хендрикса, выкрикивая всякие воинствующие банальности и принимая всевозможные дурацкие позы с пистолетами. В конце концов они заваливаются в кровать ради, как написано в киносценарии, «нескольких кадров еще более банального секса». Потом, когда Марк засыпает, Валери крадет у него пистолет, тот самый — для Энди Уорхола.

Бену фильм понравился, хотя он говорит, что ничего подобного не было. «Прежде всего, Валери была самым дорогим моим другом и пистолеты у нас всегда были при себе, так что ей не нужно было красть его у меня». Бен отрицает, что у них с Валери были интимные отношения, хотя говорит, что «образ в фильме вполне верный. Просто мы были настолько близкими друзьями, что по-другому нашу близость показать не удалось... я на самом деле очень любил ее». Он ласково улыбается и закрывает тему.

В своих воспоминаниях о временах Motherfuckers Оша Нойман так описывает Бена Мореа:

Его походка была легкой и довольно развязной, а еще он имел привычку, вступая в драку, смешно хорохориться, чем сбивал противника с толку. Но Бен воспринимал все всерьез. Он воплощал собой опасность, риск, готовность поверять слова делами. И под его влиянием стиль нашей группы проявлялся в напряженном противостоянии всему и вся... Бен пообещал, что никогда нас не предаст. Его могли приводить в уныние наши слабости, он зло упрекал нас за малодушие, но если все получалось, то он окружал нас необъятной заботой — самым ценным, что было в наших отношениях.

Я мог убедиться в этом сам. Даже сегодня Бен с удовольствием рассказывает о своей рискованной жизни в конце 60-х. «Я на самом деле не берег себя, — говорит он, — и, ты знаешь, некоторым это действительно не удалось. Знаешь, я иногда думаю об этом...»

Он замолкает, и я перевожу разговор на другую тему. Я думаю, понимает ли Бен, что я знаю, как погиб его брат — из-за наркотиков.

В таком контексте все недостатки и негативные моменты программы Motherfuckers удаляются на второй план и кажутся недостойными упоминания. Их надменность, неуживчивость, дерзость, гнусное обращение с женщинами — все это считалось недопустимым по шатким контркультурным стандартам. Их авангардный протест не имел стратегий и был абсолютно непригоден для объявленной ими же цели раздуть настоящую революцию. Они вознамерились, ни больше, ни меньше, сменить цвета радуги.

Несмотря ни на что, Бен являет собой самую твердость. А с какой глубокой привязанностью он рассказывал о своих прошлых друзьях! Мне нравилось присутствовать при этом, ощущать всю его сердечность и искренность. В предпоследний раз, когда мы виделись, я привел на встречу Кэйтлин. Мы проговорили три часа до того, когда разговор наш дошел до своего самого проникновенного момента: «Я счастлив позна-

комиться с вами, — торжественно сказал Бен, — мне действительно это очень приятно. Это было мучительно все эти тридцать пять лет — никого, кому можно было бы рассказать о Motherfuckers. Я очень взволнован оттого, что повстречал вас». Он замолчал и посмотрел нам в глаза.

* * *

«Кстати, вчера я листал эту книжку — “Хиппи”», — сказал Бен.

Имелся ввиду поверхностный бестселлер для журнальных столиков за авторством Барри Майлза, изданный в этом году Sterling Publishing Co., дочерним предприятием более крупных Barnes and Noble. «И там есть фотография Джерри Рубина с накинутым на плечи флагом Фронта национального освобождения и держащим в руке игрушечный автомат. И это выглядит, знаешь, типа: “Улыбочка!” Но наша идея заключалась в том, что если берешь в руки оружие, то оно не должно быть бутафорским».

Затем он снова возвращается к теме Motherfuckers, к существовавшей у них какой-то особенной готовности принимать на себя, каждому в отдельности, огромный риск. «Мы не были как Джерри Рубин, разгуливающий с автоматом и обмотанный флагом. Если ты имел в виду что-то подобное, то, значит, дело пахло по-рохом. Понимаешь?»

Позже он в третий раз припомнит «этого идиота Рубина», когда коснется одной из самых легендарных акций Motherfuckers. 21 октября 1967 года Мореа и еще несколько человек во время антивоенных выступлений прорвались к Пентагону, за что были нещадно, до крови, избиты полицией. Сторонних свидетелей этого события не было поблизости, но «Вашингтон Пост» написала, что «кровь лилась рекой», а Норман Мейлер²³ употребил все свое воображение, изобразив этот случай в «Армиях ночи», получивших Пулитцеровскую

²³ Норман Мейлер (1923–2007) — всемирно известный писатель, издатель, кинорежиссер, активист. Лауреат Пулитцеровской премии, ярый противник войны во Вьетнаме, кандидат на пост мэра Нью-Йорка в 1969 г.

премию. «Это нисколько не улучшило мир, — пожимает плечами Бен, — но мы показали возможность выбора: или ты гуляешь вокруг здания как Джерри Рубин с игрушечным автоматом, накинув на плечи флаг ФНО, или ставишь свою жизнь на грань. Я имею в виду, что мы не знали, будут ли по нам стрелять... Мы знали, что они могут это сделать».

Я поинтересовался, не были ли Motherfuckers просто выпендренщиками, предвестниками панка, вроде Ramones, а не чем-то вроде якобинцев. Бен рассвирепел от такого вопроса.

«Если у тебя есть хоть толика чувства самосохранения, ты не станешь делать то, что делали мы», — ответил он. Но за всей их воинственностью с пистолетами за пазухой и кислотно-топливной риторикой есть то полезное для общества, чем Бен действительно гордится: обеспечение пищей, теплыми вещами и убежищем бездомных подростков, наводнявших главные улицы Нижнего Ист-Сайда, питание для бомжей, помощь хиппам прийти в себя после передоза ЛСД и отважное противостояние Девятому участку печально известной своей жестокостью Tactical Police Force. Неудивительно, что Рубин смог так хорошо устроиться. Политическое крыло контркультуры рисовалось как не имеющее центра управления и абсолютно неуправляемое, но этот идеал сводился на нет такими выскочками, как Рубин. Веселость йиппи, их разрекламированное шутовство постоянно подвергали сомнению все движение в целом: что это — популистский бунт или потребительская мода? Как понять? По контрасту, Motherfuckers отсекали любую возможность попадания в эту сферу одним своим названием. Единственное, что Бен Мореа, кажется, оставил при себе, несмотря на бахвальство своими героическими временами, упорство в поддержке Валери Соланас и критику Джерри Рубина, — это незамутненная искренность. В отличие от Рубина (или Малькольма Икс, или Че Гевары, или уэзерменов) Motherfuckers до сих пор отказываются превращаться в пустой знак. Несправедливо то, что они остались фактически неизвестны, хотя и играли уникальную роль в контркультуре. Это палка о

двух концах: один конец — это писать о них, другой — воздать то должное, в котором, по словам Бена Мореа, они никогда не нуждались.

После нашей встречи я зашел в Barnes and Noble, взглянуть на ту самую книгу о хиппи, о которой упоминал Бен и которая лежала на видном месте на столике наряду с другими самодовольными книжечками о контркультуре, вроде «Словаря хиппи» или «Пособия для хиппи» (обещающего научить «вязать фенечки, красоваться пацификом... и многим другим неотъемлемым навыкам беззаботной жизни»). К моему приятному удивлению, индекс понятий содержал и “Up against the wall, motherfucker”. Найдя страницу, я обнаружил, что упоминается вовсе не группа Бена Мореа, а ни к чему не относящийся слоган, вырванный из стихотворения Лероя Джонса.

Вы никогда не угадаете, что изображено на соседней странице — огромная фотография Джерри Рубина с игрушечным автоматом и флагом Фронта национального освобождения на плечах.

Джон Макмиллиан

РАЗГОВОР С BLACK MASK

Впервые опубликовано в сборнике Realizing the impossible: Art against authority. Oakland, Edinburgh: AK press, 2007

В шестидесятые годы некоторые радикальные группы пытались соединить и направить в единое русло энергию художественного авангарда и революционных политических движений и, одновременно с этим, выйти за их пределы. Следуя традициям дада, футуристов и сюрреалистов, эти группы — посредством революции, творимой ежедневно, — препятствовали окончательному превращению искусства в товар. Среди таких групп были ситуационисты, прово, диггеры и малочисленная нью-йоркская группировка Black Mask.

Начав в 1966-м с акции закрытия Музея современного искусства, Black Mask продолжили срывами лекций и презентаций, параллельно присоединившись к движениям против войны и расизма. Вооружившись концепцией «Тотальной революции», группировка своими акциями, в журнале Black Mask, всей своей активностью в Нижнем Ист-Сайде критиковала художественный мир, бросая вызов возрастающим контркультурному и студенческому движениям. Позже, превратившись в Семью (The Family, ставшую более известной как Up Against the Wall, Motherfucker), в 1968 г. члены Black Mask стали провокаторами сидячей забастовки в Колумбийском университете, а затем прорывались к Пентагону и резали ограду на фестивале в Вудстоке.

Нижеследующее интервью было взято у основателя Black Mask Бена Мореа и у поэта, историка, кинокритика Дэна Георгакаса, и оно позволяет лучше понять историю, мотивы и тактики группы.

Расскажите немного о вашем происхождении и о том, что вовлекло вас в радикальные круги Нью-Йорка шестидесятых годов?

БЕН МОРЕА: Я вырос в Вирджинии. Когда мне было десять лет, моя мать повторно вышла замуж и перееха-

ла в Манхэттэн. Я был типичным подростком из трущобы, наркоманил и сидел в тюрьме. Но однажды, попав в тюремную больницу, я начал читать и обнаружил у себя интерес к искусству. Выйдя на свободу, я полностью изменился. Желая победить свою зависимость, я порвал со своим прежним окружением и с прежним образом жизни.

В конце 1950-х я примкнул к битникам, потому что, как мне казалось, они совмещали свою социальную сознательность с искусством. Я познакомился с людьми из Living Theater и очень увлекся их идеями, хотя особой тяги к театру у меня никогда не было. Джудит Малина и Джулиан Бек были анархистами, и они прояснили мне то, к чему я сам имел склонность.

Тогда же я познакомился с американским художником Альдо Тамбеллини¹, образ мыслей которого был в высшей степени радикальным и который воплощал свои идеи скорее в искусстве, чем в социальном протесте. Он неизменно устраивал свои шоу в общественных местах, где-нибудь на кладбищах или в фойе зданий. Это сильно повлияло на меня в том смысле, что музейное искусство одновременно пустое и в то же время является орудием правящего класса.

Я самообразовывался и продолжал познавать анархизм и искусство посредством чтения и связей. Я проникся дада, сюрреализмом и радикальным искусством двадцатого века и знакомился со всеми, кто что-нибудь знал об этом или даже был участником тех движений. Я действительно чувствовал всю естественность взаимосвязи социальных идей и художественной практики. И довольно долго переписывался с тогда еще живым дадаистом Рихардом Хюльзенбеком, который жил в Нью-Йорке, но мы с ним так и не встретились.

Тогда же я сдружился с политически активными анархистами. Я встречался с теми, кто воевал в Испании в Колонне Дурутти и в других группах. Им всем было уже за семьдесят, а мне чуть-чуть за двадцать.

¹ Альдо Тамбеллини (р. 1930) — американский художник и скульптор, основатель «Группового центра», контркультурного артобъединения, устраивавшего выставки, демонстрации против войны во Вьетнаме, мультимедийные акции и всевозможные перформансы.

Сам я тоже был художником, рисовал абстрактные, но натуралистичные фигуры, а также немного занимался скульптурой. Здесь на меня повлияли американские экспрессионисты плюс дзенские практики.

ДЭН ГЕОРГАКАС: Я вырос в Детройте, когда он был

² Горные районы в Северной Америке (США и Канаде).

³ Самый внушительный расовый бунт в США 1940-х. Был вызван притоком чернокожих с Юга в Детройт, который уже тогда был мощным промышленным узлом. Город поставлял много всякой всячины для армии, воевавшей во Второй мировой войне, и потребность в свежей рабочей силе росла с появлением все новых рабочих мест. 20 июня около 100 тысяч жителей собрались в одном из крупнейших парков города, чтобы насладиться теплым воскресеньем. Локальные стычки между белыми и черными быстро переросли в массовые беспорядки, обернувшиеся по результатам трех дней беспорядков 34 убитыми, 675 серьезно ранеными и почти 2 тысячами арестованных.

⁴ Юджин Маккарти (1908–1957) — сенатор от штата Висконсин в период 1947–1957 гг. Вошел в историю как главный идеолог и организатор «Охоты на ведьм» — политических чисток в госучреждениях, армии и СМИ, направленных против людей левых взглядов и лишивших их работы и положения в обществе. Подарил этому периоду имя Время маккартизма (Эра Маккарти).

индустриальным центром Америки. В 1945 г. половина автомобилей в мире производилась там. Это был такой очень пролетарский город, здесь либерализм граничил с радикализмом. Разговоры о политике были излюбленной темой у всех: от фабричных рабочих до университетских профессоров. Чуть что, сразу забастовка, часто с применением насилия; почти весь город состоял в профсоюзах. А его население было очень разнородным. Основная часть была иностранного происхождения или американцами в первом поколении. Другой большой частью были выходцы с Аппалачей² или афро-американцы со всех концов Юга. Но своим сегрегационным разделением на районы Детройт напоминал типичный город на Юге, не случайно в 1943-м здесь произошел беспрецедентный расовый бунт³. Само проживание в Детройте сделало меня политически активным. Чем старше я становился, тем более меня удручало и бесило то, что происходило вокруг и в целом по стране.

В эпоху Маккарти⁴ я включился в движение новых левых. Я посещал множество митингов и связался с местными троцкистскими и посттроцкистскими движениями. В конечном итоге я по личным причинам уехал из Детройта в Нью-Йорк. Прибыв туда в середине 60-х, я окупился в

Нижний Ист-Сайд в поисках политического и интеллектуального окружения. Я встречался с коммунистами и маоистами, но более склонялся к анархистам. Моей антиавторитарной натуре это было ближе. А натура моя — от деда, презиравшего в принципе государство и религию.

В какой момент Black Mask стали группой? Кто туда входил, как вы вообще организовались?

Б.М.: Трудно вспомнить, началось это в 1965-м или в 1966-м, но журнал стал выходить именно в 1966-м. Black Mask действительно были очень малочисленны. Все началось с нескольких людей. Мы же были анархисты, никакой схоластики, лидерства как такового не было, хотя, надо признать, движущей силой был я. Вместе с Роном Хакне мы к тому времени уже помогали Альдо в его проектах, идеей которых было искусство как неотъемлемая часть повседневной жизни, а не некая установка.

Мы с Роном были близкими друзьями и решили, что, имея более социально направленное видение, нежели у Альдо, нужно двигаться в сторону политической составляющей дада и сюрреализма, а также в сторону возрастающего недовольства негров. Мы искали точку пересечения искусства и политики в их радикальных проявлениях. Мы стали делать журнал, проводить акции, и окружающие, поймавшие волну, тоже задвигались. Мне всегда был ближе тот подход, когда люди не устраивают митингов и не ищут лидеров, а по отдельности делают что-то близкое друг другу по духу.

Спустя какое-то время Рон потерял интерес к политике, а я, наоборот, все более вовлекался в движения за гражданские права и против Вьетнамской войны.

Д.Г.: Black Mask были абсолютно свободной организацией. На самом деле нас было всего трое, но многие были уверены, что гораздо больше, а мы это и не опровергали. Такая иллюзия существовала оттого, что когда мы объявляли какую-нибудь акцию, то находили широкий отклик. Я даже уверен, что кто-то считал себя участником Black Mask, ну и по сути это так, несмотря на то что он не был из нашего ближнего круга. В нашей

безграничной группе были даже девушки, хотя больше по той причине, что они являлись скорее подружками или любовницами, а не идеологическими товарищами. Позже, когда к нам присоединились некоторые ситуационисты, среди них были более политически подкованные женщины.

Бен был настоящим генератором и двигателем группы. Основные идеи были его, хотя и мы тоже что-то подкидывали. Не будучи никак иерархически организованы, мы просто собирались на каждую акцию на углу Шестой авеню и Восьмой улицы, раздавали листовки и смотрели, что из этого получится. Это всегда было спонтанно, и никто не знал, что будет дальше. И никаких напряженных совещаний и сосредоточенных раздумий в барах, кофейнях и на политсобраниях.

Б.М.: Я честно признаюсь: ни с Black Mask, ни с Family мы никогда не готовились к нашим акциям заранее, не расписывали ходы и ситуации. Все развивалось спонтанно, а наши действия были адекватны развитию событий.

Одной из первых акций Black Mask было закрытие Музея современного искусства. Расскажите, что тогда произошло и что к этому подвигло?

Б.М.: Мы чувствовали, что искусство само по себе, творческая активность были абсолютно оправданны, важны, что это настоящее духовное познание. А музеи и галереи отчуждают искусство от такого активного взаимообмена и не имеют ничего общего с жизненно важными творческими импульсами. Музеи — это не живые дома, это склепы. Мы хотели поднять эти вопросы — о том, как все происходит, и закрытие Музея было одним из таких вопросов.

Эта акция имела успех. Мы заблаговременно объявили о своем намерении, и администрация музея сама его благополучно закрыла, испугавшись каких-либо действий с нашей стороны. Впоследствии многие люди подходили к нам и делились своими впечатлениями, так что эта и последующие акции привлекли к нам внимание многих радикальных художников.

Потом мы срывали выставки, показы и лекции. Большинство из этих акций были случайными, непро-

думанными — это был своего рода ученический процесс, наброски: ведь мы только искали свое место в начинавшейся борьбе. Многие политические группировки тщательно обмозговывали свои стратегии, а для нас подобные выходки были возможностью проявить себя и поставить на уши окружающих.

Д.Г.: Я не был среди основателей группы, но после переезда в Нью-Йорк я вскоре о ней услышал как раз в связи с этими предупреждениями в адрес Музея. Полиция слишком серьезно отнеслась к этим заявлениям и усилила охрану. И вот однажды невысокий парнишка (Бен Мореа) просто подошел ко входу и наклеил на дверь стикер с надписью «закрыто» и так же просто ушел (*смеется*). Я подумал, что это очень круто и захотел познакомиться с этими ребятами.

Я кое-чему научился в Детройте, и мне нравилось в Black Mask, что мы не хотели казаться мучениками или играть по чужим правилам. Участь победившего подразумевает продолжение борьбы на следующий день, план действий, и вот уже над головой нависает дамоклов меч повестки дня. А ты знаешь, чего хочешь, делаешь это и исчезаешь. У авторитетов всегда больше власти, денег, адвокатов. Поэтому здания суда не лучшее место для борьбы.

В 1966 г. под ваш прицел попал также Loeb Center в Университете Нью-Йорка. Что там произошло?

Д.Г.: Там читали лекции всякие абстрактные экспрессионисты. Бен туда пошел и, вместо того чтобы молча слушать, стал громко возмущаться по поводу того, что несло с кафедры. Он выскочил в центр аудитории и начал спорить. Лекция была сорвана, все переключились на него. В конце концов нас пригласили в галерею на диспут.

Мы решили не выказывать молчаливого уважения и тупо всасывать, а превратить это в акцию. Наш гнев возрастал, и хотелось сорвать с себя путы вроде университетских курсов и огражденных пикетов. Поэтому мы напечатали флаеры с приглашением на вечеринку с бесплатной выпивкой и угощением. Единственным

требованием было прийти в маске или переодетым и иметь при себе что-то производящее шум. Несколько сотен людей жестоко обломались, потому что в галерею их не пустили (*смеется*). Ну, а потом приехала полиция.

Б.М.: Да, мы были охочи до шуток и партизанского театра. Я помню это знаменательное событие, когда показалось, что случилось что-то из ряда вон. Это было направлено на элиту, на выявление ее сущности, ее оторванности от большинства. После нашей рекламы они перекрыли всю улицу, а мы ходили по Бауэри и продолжали раздавать флаеры, и обманутых людей становилось все больше.

Расскажите об акции на Уолл-стрит.

Д.Г.: Мы решили переименовать Уолл-стрит, поэтому надели черные лыжные маски и понесли по улице гроб с черепом, который символизировал «War Street». Мы шли по Бродвею, а тогда в Нью-Йорке еще был закон, запрещающий носить маски, и нас остановила полиция. Мы их сняли, показали свои лица и затем двинули дальше, снова надев маски.

Дойдя до Уолл-стрит, мы устроили акцию, но того эффекта, на который рассчитывали, не получилось. Мимо идущие коммерсанты лишь посмеялись над нами. В то время и так постоянно проходили какие-нибудь демонстрации, так что на их фоне наша выходка просто затерялась. Тогда были две или три группы, устраивавшие уличный театр везде, где только можно, даже в прачечных, но они сначала объясняли прохожим, что те увидят, а потом начинали играть. Я помню одно из таких столпотворений вокруг Монстра Капитализма. Надо было положить что-нибудь ему в рот, и он высирал деньги.

Б.М.: Из акции на Уолл-стрит не получилось такого уж исключительного события, если судить по ее целям и последствиям. Для нас это была просто возможность расширить свой подход к искусству. Наш метод и так был абсолютно бессистемным. Мы брались за все, из чего можно было сделать декларацию, направленную на тех, кто уверен, что художники должны вариться у

себя в художественном сообществе, а радикалы — не вылезать из своих радикальных кругов. Мы пытались навести мосты между этими двумя пространствами, двумя направлениями, послужить их взаимодействию. Тогда мы остались не услышанными.

Black Mask ведь черпали вдохновение не только в дадаистах, сюрреалистах и авангардных течениях прошлого, но и в современных негритянских восстаниях и молодежных движениях 60-х. Расскажите немного об этих влияниях и о ваших идеях о взаимодействии искусства и политики.

Д.Г.: Мне кажется важным то, что наибольшее влияние на нас оказало наше отношение к окружающему миру. Мы все были несчастны, живя в таком обществе,

как американское. Ну и, конечно, у нас у всех имелись какие-то идеи по поводу искусства. Бену была ближе живопись, я же больше сосредоточился на литературе. Мы не знали границ между искусством и политикой. Для нас они органично дополняли друг друга.

Оглядываясь вокруг, мы видели других людей с похожей точкой зрения, и наиболее активными среди них были негритянские группы. В Детройте я был знаком с чернокожими художниками и политическими активистами, так что полагал естественным такое же ок-

⁵ Ларри Нил (1937–1981) — ученый, изучавший афроамериканский театр. Активно сотрудничал с представителями Движения искусства чернокожих, зачатым в Гарлеме Лероем Джонсом.

ружение в Нью-Йорке. У нас были связи с Лероем Джонсом, который к тому времени уже поменял свое имя на Амири Барака, с Ларри Нилом⁵. У них были какие-то театральные проекты в Гарлеме. Мы намечали что-то сделать вместе, но до этого не дошло.

Это не выглядело так, что какая-то группка белых ребят подражает или присоединяется к движению негров. Просто мы были рассержены и искали поблизости таких же злых. Мы не хотели просто поддерживать кого-то. Да и сами чернокожие вскоре объявили белым: «Организовывайте свои собственные сообщества, а в наши не лезьте». Вот мы и пытались организовать или стимулировать других к этому.

Б.М.: Как я вспоминаю, мы видели необходимость изменить все: как мы жили, как думали, даже как ели. Тотальная Революция была нашим высказыванием о том, что мы не ограничимся культурно-политическими переменами, но пойдем дальше. Западное общество загнано в тупик, и ему нужна реконструкция. Мы понимали всю утопичность этого требования, но не отказывались от него.

Это означало также необходимость понять, что включиться должны все, а не только политически активные люди. Поэты и художники не менее важны. Революция осуществляется во всей совокупности, и путь к ней — изменение сознания, новый образ мышления.

Каким образом Black Mask заняли свое место в политическом и художественном мире Нью-Йорка? Создается ощущение

ние, что вы пошли своим собственным путем осмеяния и вызова всем существовавшим идеологиям.

Д.Г.: Многие забыли, что в 60-е гг. существовало два параллельных движения, которые пересекались, но все же имели свои отличия. Была прослойка людей, настолько завернутых на политике, что им не было никакого дела до искусства. Это, прежде всего, «Студенты за демократическое общество», Движение за гражданские права, некоторые из групп старых левых. С другой стороны была тусовка, где курили марихуану, играли музыку, бросали вызов обществу своей контркультурой. Границы между ними были условные, но многие политически упертые люди считали, что группы вроде Black Mask — это поверхностное дуракаваляние и нам место рядом с Алленом Гинзбергом, в то время как его окружение кривило рты: «О Боже, опять эти Black Mask, что они здесь делают, они ведь такие политизированные». Нам нравилось стебаться над теми и другими (*смеется*).

Если просмотреть андеграундную прессу того времени, можно увидеть эту напряженность. С самого начала два эти направления сосуществовали и им находилось место в одних и тех же газетах. Эта пресса распространялась везде, была в каждом кампусе, каждую неделю расходилось до миллиона копий разных изданий. Это было очень здорово. К концу 60-х политическая составляющая совсем заострилась перед тем как сойти на нет, а культурная составляющая все больше коммерциализировалась и становилась частью массовой медиа.

Б.М.: Многие люди интересовались нашей тактикой и советовали более углубиться в политику, плюнуть на искусство. Мы не следовали этим советам, потому что для нас важно было следовать своим курсом.

Многие хиппи нам не доверяли, а политики не понимали, что мы делаем, и ненавидели нашу неуправляемость. А люди из художественного мира, я уверен, считали нас сумасшедшими.

Black Mask публиковали свою критику движения за мир, у которого не хватало воинственности, а также нападки на ле-

вых за их безоговорочную поддержку Фронта национального освобождения. Многие радикалы 60-х сегодня сожалеют или умалчивают о своей бывшей поддержке режима в Северном Вьетнаме.

Б.М.: Мы поддерживали право вьетнамцев на сопротивление американскому вторжению, но не собирались поддерживать правительство Северного Вьетнама, которое угнетало народ. Это был очень непростой вопрос, а многие не обращали внимания на существующее противоречие. Мы помнили испанскую историю, когда и сторонники Франко, и сталинисты совместными усилиями казнили анархистов. Мы не хотели никого поддерживать.

Я терпеть не мог того, как многие левые бездумно и восторженно размахивали этим правительственным флагом. Мы не радовались, подобно другим, убийству американских солдат, сосланных туда как пушечное мясо.

В то же время мы ни к кому не приспосабливались и к нам тянулись люди, которых отталкивали догматические и пацифистские программы. И по мере эволюции Black Mask в Family эти люди врубались в то, что мы делали, и присоединялись.

Д.Г.: Мы пытались объединить людей с антиавторитарными позициями и таким же образом жизни, которые стремились к большему радикализму в своей деятельности и искусстве, что нельзя было претворить в жизнь в большинстве левых организаций. Но таких людей всегда было немного.

В этом смысле наибольшего успеха мы добились в 1967 г., когда Мартин Лютер Кинг приехал в Нью-Йорк возглавить антивоенный марш к зданию ООН. Мы пришли в ярость от того, что организаторы марша пригласили полицию «следить за порядком». Менее всего это было похоже на протест, когда полиция указывала нам, что делать и куда идти. Мы сформировали affinity group, где было около 250 человек с разными флагами: от чернокожих, от ФНО, от ирландских республиканцев и т.д.

На одном из пересечений с основными массами в Центральном парке мы попытались взбаламутить тол-

пу, но безуспешно. Спустя полтора часа ожидания начала марша мы слышали, как большой контингент чернокожих активистов из Гарлема скандирует лозунги. Они организованно маршировали по перекрытой улице Central Park West, которая была и остается центральной транспортной магистралью.

Их было несколько сотен, наша колонна тоже поднялась и двинулась за ними. Многие люди поняли, что марш начался, последовали за нами, а мы, как обычно, не подчиняясь полиции, пошли своей дорогой по Седьмой авеню, окончательно нарушив все установления. С нами было около 7000 человек. Дойдя до Сорок Второй улицы, многие двинули в сторону ООН. Мы пытались призвать людей продолжить шествие по всему городу, но большинство предпочло послушать ораторов и остаться на месте. Хотя не все получилось как хотелось, мы тогда убедились, что накопилась огромная злость, и она ищет своего выхода, и это мы старались использовать в своих акциях.

Black Mask, а позже и Family были одни из первых групп, которые способствовали появлению такой концепции организации, как affinity group. Один из членов Family дал известную характеристику affinity group – «уличная банда с анализом». Как развивалась эта концепция и как появилось название?

Д.Г.: Когда мы уже встали на ноги, некоторые активисты стали обсуждать вопросы самоорганизации. Что делать, если мы не желаем превратиться в обычную руководимую партию? Идея организации affinity group проистекала из таких вот размышлений.

Несмотря на это, тогда было много споров о том, что такое affinity group, что такое банда, что есть сообщество. Горячо обсуждался вопрос: будучи неуправляемым, подвергать ли сомнению действия, не согласованные с твоим сообществом, даже если ты думаешь, что это правильные действия? Как я понимал это: не надо быть управляемым, не надо вершить произвол, а еще не надо не иметь своего мнения, как большинство левых.

⁶ Мюррей Букчин (1921–2006) — американский либерал-социалист, большую часть жизни называвший себя анархистом. Явился, по сути, основателем эк oanархизма и вообще экозащитного движения, написав книгу «Наша синтетическая окружающая среда» (1962).

Б.М.: Хотя мы и вертелись в одних и тех же кругах с Мюрреем Букчиным⁶, но наша группа всегда была немного в стороне, потому что на фоне его учености мы были дикарями. Мюррей все время использовал испанский термин *aficionado de vaires*, чтобы охарактеризовать подобные неиерархические объединения из прошлого. Мы сказали ему: «Черт возьми, неужели ты думаешь, что американцы и в самом деле станут называть себя *aficionado de vaires*? Говори по-английски, называй их *affinity groups*».

Расскажите о журнале, десять номеров которого вы выпускали с 1966 по 1968 г.

Б.М.: В основном журналом занимались мы с Роном, но печатать и распространять его нам помогали еще несколько человек. Он продавался за пять центов, это не так много, но мы решили, что уж если человек решил заплатить, то вряд ли выбросит журнал, не просмотрев его.

Мы продавали его в Нижнем Ист-Сайде, там была наша основная аудитория. Хотя мы выбирались и в другие районы, но там журнал стоил чуть дороже.

Д.Г.: Все было очень классно продумано. Мы собирали материал у Бена в камерке. Он выдвинул идею, что все должно быть в черно-белом цвете, минималистично — для достижения большего эффекта. У нас было всего четыре странички, так что приходилось отсеивать лишнее. Как говорил Марк Твен: «Нужно много времени, чтобы писать кратко».

Мы распространяли его на углу Шестой авеню и Восьмой улицы, там всегда было многолюдно, много книжных лавок, да и просто это недалеко от нас.

После того как вышло уже несколько номеров, Бен задумался о полноценной концепции журнала и стал печатать флаеры и листовки. Он считал, что если хочется порвать с устоявшимися художественными практиками, то надо выходить на улицы. Хотя, конечно, и там не просто: на улицах свои правила и ограничения в смысле распространения, содержания и т.д.

Black Mask были одними из первых, кто критиковал таких звезд контркультуры, как Тимоти Лири и Аллен Гинзберг, за их трусоватость, уход в религию, погоню за статусом, заклеив их однажды «новым истеблишментом». Но после 1967 г., кажется, *Black Mask* ушли от критики художественного истеблишмента в сторону поднимающегося движения хиппи и новых левых.

Б.М.: Хотя мы их и критиковали, но я был близок к окружению Аллена Гинзберга, а спустя годы сблизился и с Тимоти Лири. Мы тогда пытались показать, что они позволили использовать себя вроде предохранителя. Мы нападали на сущность общества и верили, что они не позволят с собой такое сделать. В то время нам казалось, что журналы Time и Life купили их, хотя на самом деле все ограничилось обложками, а внутри их не печатали, особенно Тимоти.

Мы всегда старались встряхнуть и разбудить не только других, но и себя. А тогда в радикальной среде творилась такая заваруха, что в одной ситуации тебе могли навешать, а в следующий раз заключить в объятия.

Д.Г.: Мы терпеть не могли религию и пацифизм. Я часто был дерзким, и когда писал «поэзия исторгается из ружья», то некоторых контркультурных ребят это приводило в замешательство. Конечно, я не имел в виду призыв стрелять в кого-то, но хотел донести, что те, кто управляют Америкой, вкупе с военно-промышленным комплексом, имеют колоссальную власть, и нельзя добиться перемен, просто спев хорошую песенку.

Большинство наших споров с такими парнями были очень острыми и проникновенными, ведь если ты жил в Нижнем Ист-Сайде, то ты не мог остаться в стороне. Тогда это был дешевый, в смысле жилья, район и к тому же эпицентр контркультуры. Еще до того как мы стали выпускать журнал и печатать листовки, мы уже были вовлечены в эту круговерть дискуссий на улицах и в кофейнях.

События сменяли друг друга с такой быстротой, что сейчас трудно припомнить, что когда было. Я помню, как Герберт Маркузе заявился однажды в Нижний Ист-Сайд, чтобы с кем-то встретиться, — слово за слово и скоро он уже ввязался в дебаты с окружившей его

толпой. Он очень быстро сник, потому что их было человек двадцать-тридцать, да к тому же они все читали его книги и говорили по существу.

⁷ Эзра Паунд (1885–1972) — американский поэт, основоположник имажинизма и вортицизма. С 1925 г. жил в Италии, где горячо приветствовал приход фашистов к власти. Впоследствии дружил с битниками, в частности с Алленом Гинзбергом. За что именно его поносили мазафакеры, история умалчивает.

Однажды я напечатал большой плакат с поношениями в адрес Эзры Паунда⁷, которым так восхищались левые хиппи и поэты из кампусов. Мы повесили плакат на нескольких домах, где все могли его прочесть. Меня тут же обозвали «неблагоприятным». В 1968-м я написал поэму, где обрушился с резкой критикой на многие хиппистские идеи. Она имела широкое хождение, а в последствии один иранский анархист сделал из

нее постер и повесил его на Telegraph Avenue в качестве протеста против войны.

В 1966 г. журнал Black Mask на своих страницах объявил Ситуационистский Интернационал своими единомышленниками в вопросах «революции повседневной жизни» и отказа от искусства как от изолированной и ограниченной деятельности. Тем не менее в конце 1967 г. СИ исключил трех своих британских членов за поддержку «некоего Бена Мореа, издателя журнала Black Mask». Какова была причина разногласий между вами, как вы вообще были связаны?

Б.М.: Я никогда лично не встречался с ситуационистами. Я думал, что они были излишне педантичными и ограниченными. Кажется, что они гораздо чаще исключали людей из своей группы, чем принимали кого-то. На самом деле связи между нами не было никакой.

Как происходило «убийство» поэта Кеннета Коча в 1967 г.?

Б.М.: Коч являлся для нас символом окружающей тотальной буржуазности, этого дендистского мира. Я, Дэн Георгакас, Аллен Ван Ньюкирк⁸ и еще несколько членов Black Mask пришли на его выступление. Кажется, мне в голову пришла

⁸ Революционно настроенный поэт, издававший газету «Герилья» в Детройте в период 1967–1968 гг.

эта идея — сделать холостой выстрел. Алан выглядел как классический анархист-бомбист: он был ростом в

шесть футов, худющий, с суровым выражением лица, всегда одетый в черное — само олицетворение анархиста. Ну, так и решили: «Тебе стрелять» (*смеется*). Мы напечатали листовку, где была фотография Лероя Джонса и надпись «Поэзия — это революция». После выстрела Коч упал в обморок и все в зале подумали, что его и вправду убили, начался крик. Мы разбросали с балкона листовки и смылись.

После случившегося мы слышали разные мнения: одни восхищались, другие посчитали нас напыщенными дураками. Это было то, чего мы добивались, ведь суть Black Mask и Family как раз и заключалась в том, чтобы люди задавались вопросом: «Я с теми или с этими?» Мы скандалили с целью заставить людей сделать выбор, определиться. Мы подталкивали к этому, заставляли думать. «Зачем стрелять в Коча? Он ведь такой хороший поэт».

Что связывало Black Mask со «Студентами за демократическое общество»?

Д.Г.: В 1967 г. некоторые члены Black Mask попали на конференцию СДО в Анн-Арборе⁹. Там как раз повсюду обсуждался вопрос о направлении деятельности с ребятами, вскоре ставшими Революционным молодежным движением, и уэзермены склонялись в одну сторону (антиимпериалистическая борьба повсюду в Америке), а Прогрессивная рабочая партия тянула в другую (вербовка рабочих).

⁹ Город в штате Мичиган.

Мы, в свою очередь, выдвинули идею, что СДО должны пойти по анархической стезе, формировать affinity groups, что гораздо ближе к тому, как организация начиналась и когда была наиболее эффективной. Ведь изначально СДО были децентрализованы, и когда основная группа назначала демонстрации, остальные решали, в какой форме они это поддержат. Мексиканский революционер Эмилио Сапата формировал свои отряды именно таким образом.

Бен выступил с одной из своих блестящих речей перед несколькими сотнями людей, и тогда же на съезде мы попытались организовать анархическую группировку.

ровку в рамках СДО. К сожалению, как показала история, всякие прихвостни в организации направили ее по опасному и авторитарному пути.

Б.М.: Мы понимали, что СДО становились реальной силой, а всякие традиционные левые, типа маоистов и Прогрессивных рабочих, хотели занять там руководящие посты. Мы полагали, что для многих — таких же, как мы, — важно показать студентам, что есть и другие пути, есть другие варианты.

Я помню, как на одной конференции СДО шумел спор о различиях между янки с Восточного побережья и ковбоями из Техаса. Я поднялся и сказал: «Все это чушь собачья, мы не янки и не ковбои — мы индейцы!» А в другой раз один член Family участвовал в каком-то тайном голосовании, вытащил мусорное ведро и сказал: «Вот мое мнение: все бюллетени — сюда».

С Black Mask, а позднее и с Family, мы устраивали партизанский театр и акции, чтобы продемонстрировать разные виды деятельности, и наиболее «неустойчивые» элементы в СДО тянулись к нам. Другие, кто затем ушел в уэзермены, тусовались с Family и, хотя эта тема не поднималась раньше, многое переняли из нашего воинственного отношения и стиля. Тем не менее, когда они связались со всякими ленинистскими группировками, у них все скатилось к командной системе.

Расскажите о Валери Соланас, которая была близка к членам группы и в защиту которой Бен выступил после ее покушения на Энди Уорхола в 1968-м. По поводу ее идей в андеграундной прессе стояла оглушительная тишина, даже после этих выступлений. Кажется, что эта странность демонстрирует, как новые левые в этом случае не отрицали политическое насилие.

Б.М.: Я познакомился с Валери, продавая Black Mask. Эта девушка подошла ко мне и сказала: «Я бы взяла одну, но у меня нет пятака». Я предложил ей взять журнал просто так, ведь было видно, что ей интересно. Она сказала: «Нет, подожди здесь», заскочила в соседнюю книжную лавку, украла там свой «Манифест общества полного уничтожения мужчин» и поменяла на

Black Mask. Я подумал, что это очень смелый поступок, и мы быстро подружились.

Я думаю, что фильм «Я стреляла в Энди Уорхола» сделал из ее жизни комикс, но, честно говоря, актриса, сыгравшая Валери, уловила ее сущность. Там есть персонаж, снятый с меня, и фильм пытается показать, что у нас с Валери была интимная связь, но это не так. Валери была лесбиянкой, поэтому ничего подобного быть не могло, хотя она была очень дорога мне. Я так полагаю, что создатели фильма просто не сумели по-другому показать наши отношения — только через постельную сцену. Я на этот счет особо не переживал, это лишь демонстрирует, как люди поверхностно и прямолинейно мыслят.

Было много пародий и иронии по поводу ее Манифеста, но она на самом деле являлась — в хорошем смысле — абсолютно безумным человеком. Она видела необходимость обсуждения многих женских проблем, и этот Манифест для нее стал лучшим способом выразить себя. Мне всегда нравились люди, от которых можно было ожидать всего, которые не подходили ни под какие категории.

Валери довольно часто останавливалась у меня, потому что была бездомной и всегда в движении. И однажды я сказал ей: «Мне хочется кое о чем тебя спросить. Твой манифест и все, что ты пишешь, направлено на уничтожение мужчин, а как насчет меня? Я же парень, что будет со мной?» Она посмотрела на меня и ответила: «Я могу пообещать тебе сейчас, что ты будешь последним мужчиной, которого мы убьем» (*смеется*). Я попросил у нее расписку, но так и не получил.

Некоторое время спустя, когда Black Mask уже превратились в Family, мы ввязались в эту историю с Колумбийским университетом. И вот Валери туда заявила, нашла меня и спросила: «Что, если я кого-нибудь пристрелю?» Я ответил: «Тут есть две вещи: кого ты собираешься пристрелить и удачно ли». Неделью спустя она стреляла в Энди Уорхола.

После этого я написал памфлет в ее защиту. Кажется, я был единственным, кто сделал это публично. Я убежал в Музей современного искусства и развесил там

эти листовки. И все, кого я встречал, выражали свое возмущение, но, знаете, я ведь любил Валери, а Энди Уорхол мне был отвратителен. Я чувствовал, что она была права, что он гораздо более вреден, чем она, ведь он нивелировал саму идею творчества в искусстве. Многим не нравится это понятие, но я воспринимаю творчество как некий духовный акт, чрезвычайно важный для деятельности человека. Уорхол был этому прямой противоположностью, он отрицал и выхолащивал сущность творчества, ставил его на коммерческую основу. Как человек он был таким же подлецом, вот почему Валери так его ненавидела. Он манипулировал людьми, использовал их.

Это происшествие было встречено тишиной, потому что никто из левых не знал, как к этому отнестись. Ведь это не было насилие, учиненное где-то там далеко. Энди был звездой, священной фигурой, и она восстала против этого. Даже те, кто поддерживал ее феминистские взгляды, не приняли то, как она поступила с Энди. Black Mask и Family приводили в бешенство политически упертых людей: мы никак не подпадали под их концепции, от нас можно было ожидать чего угодно, так что можете представить, как они относились к Валери.

Black Mask продолжались как журнал до середины 1968 г. Как проходил тот процесс, когда группа менялась и становилась тем, что стало известно под названием Up Against the Wall Motherfucker?

Б.М.: The Family/Up Against the Wall Motherfucker и Black Mask имеют то отношение друг к другу, что одно перешло в другое, но по-настоящему они различались и деятельностью, и членами. Не было никакого решения организовать новую группу, не было концептуальных проектов, это был эволюционный процесс, когда что-то отмирает и за этим что-то следует. На самом деле трудно провести какую-то четкую границу между ними.

The Family просто пошли дальше, они были чрезвычайно изменчивы и не имели, как раньше, того уклона в культурологическую сферу. Среди нас было много художников, но также и людей с разными убеждениями,

которые хотели жить более реальной жизнью, чем остальные. Это были не просто политика и искусство, а что-то, выходявшее за их рамки.

По-настоящему мы не были хиппи или политикосами. Мы стояли в стороне от других группировок, хотя являлись частью общей контркультуры. Да, некоторые считали нас хиппи. Но кто был в теме, тот не судил о нас так поверхностно. Наши внешние атрибуты действительно были хипповские: длинные волосы, соответствующий прикид, ЛСД. И уж точно никто бы нас не спутал с какой-нибудь Молодежной коммунистической лигой¹⁰ (смеется).

¹⁰ YCL. Образовалась в 1919 г. в рамках Объединенной коммунистической партии США.

Д.Г.: На том этапе со мной случились две вещи. Я скептически относился к некоторым людям, которые примкнули к Black Mask и стали частью Family. Бен и некоторые другие хотели остаться на улицах и посмотреть, что из этого выйдет. Мне это казалось тупиком. Я стал все больше задумываться, что могло бы стать фундаментом для массового объединения людей. Это было медленное разделение, а не внезапный разрыв. Если бы обе линии сработались вместе, было бы здорово, но не получилось.

Более значительным было то, что 21 апреля 1967 г. в Греции произошел государственный переворот и хунта полковников пришла к власти. Это затронуло мои этнические корни, и я все больше вовлекался в греческое движение против хунты, что политически и по-человечески казалось мне более полезным, чем то, что творилось в Black Mask. И я все больше и больше отдавал сил на работу в греческом сообществе.

А чем различались Black Mask и The Family?

Б.М.: The Family были гораздо более многочисленной группой и более жизнеспособной, чем Black Mask, которые были больше «для своих». Мы никогда не называли себя Up Against the Wall Motherfucker, хотя именно так подписывали свои постеры и листовки, в создании которых участвовали все. Между собой мы называли себя Семейей, что может показаться странным, не только из-за ассоциаций с Чарльзом Мэнсо-

ном, с которым у нас не было никаких связей и ничего общего.

И если в Black Mask я был ведущей фигурой, то Family в этом смысле отличались, так как там было гораздо больше людей, которые все были равны в определении групповой деятельности. Это было свободное объединение affinity groups, живших в нескольких ночлежках и ведших племенной образ жизни. Костяк сообщества всегда был окружен примкнувшими молодыми хиппи и прочими странниками.

Та особенность, что мы отвергали обычную семью и жили все вместе, никогда не выставлялась как какой-то стиль или концепция. Просто мы видели фундамент своих отношений не в западной модели, но скорее в индейцах, цыганах, африканцах. У хиппи тоже это есть, но мы действительно в большей степени склонялись именно к такому племенному, языческому мировоззрению. В этом есть некая сила, превосходящая границы западного мира. Мы пытались понять ее и принять ее составляющие — не только внешне, но и в образе жизни. Поэтому мы стремились к естественности, к свободному течению жизни.

Расскажите, чем занимались The Family?

Б.М.: Первой настоящей акцией Family было принесение мусора к Линкольн-центру в феврале 1968-го. Тогда проходила забастовка мусорщиков и повсюду в гетто валялись тонны этого мусора. Деловые и богатые районы могли позволить себе частных уборщиков, ну и мы решили принести им немного нашего мусора из Нижнего Ист-Сайда. Один из наших членов представил это как культурный обмен — мусор на мусор (*смеется*). Многие предпочитали обращать внимание на нашу агрессивность и воинственность, но, в первую очередь, среди нас были поистине остроумные люди.

Мы напечатали листовку с разъяснением акции, и лишь тогда многие из нас узнали, что мы уже не Black Mask, что больше не хотим так называться. У Лероя Джонса было стихотворение с этой строчкой — «лицом к стене, ублюдок», и я предложил поместить ее туда. Как-то это прижилось, и с тех пор нас так и называ-

ли. Но это не исходило с нашей стороны. Было бы слишком пафосным самим себя называть Motherfuckers (*смеется*). Журнал Black Mask продолжал еще недолго выходить, а затем мы стали рисовать афиши и флаеры для таких газет, как The Rat.

У этих листовок было что-то общее?

Б.М.: Они были частью нашей художественной политики, и нам нравилось заниматься ими вместе или по отдельности. Мы хотели как-то проявить свои способности, и чтобы это служило неким заявлением да еще бы здорово выглядело. Для этих целей The Rat предоставили нам еженедельную страничку. Любой, кто хотел поучаствовать в этом, не имел препятствий. Люди, которые в те времена (да и после) перепечатывали наши работы, не всегда понимали наш юмор. Мы верили в то, что делали, но и не хотели быть слишком серьезными — мы умели посмеяться над собой. У нас было ощущение, что в том противостоянии важна не только воинственность, но и шутки и радость.

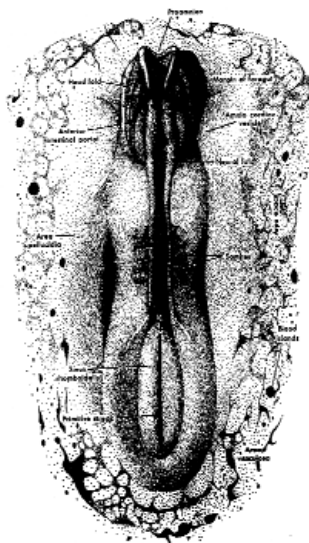
У нас имелся свой мимеограф, так что народ постоянно печатал листовки и постеры. Мне на улицах часто попадались такие — подписанные нами, но я не представлял, кто и когда их сделал. Положительная сторона во всем этом такова, что в нашей разносторонней семье ничего не спускалось «сверху» и многие в ней вытворяли такое, о чем близкие могли и не догадываться.

В эпистолярном наследии вашей группы affinity group определялась как «уличная банда с анализом». В какой мере мировоззрение обычной уличной банды давало о себе знать в данном случае?

Б.М.: Какая-то часть наших членов была более «уличной», чем другая. Мы не являлись районной бандой и не противопоставляли себя всем вокруг, уйдя в глухую оппозицию. Мы обитали на улицах, но назвать нас уличными хулиганами нельзя. Оша Нойман, придумавший это определение (в то время как я придумал affinity group), вкладывал в него тот смысл, что нам были присущи взаимовыручка и уличная смекалка, а вовсе не беспричинная агрессия.

THE

What
is
our
program
?

We'll
know
we've
got it
if
it
makes
us
feel
good

Is
there
any
place
in the
revolution
for
incoherence
?

Incoherence
is the
only
place

against the daily life

Какова наша программа?
Хороша та программа, которая в кайф
Есть ли в революции место неопределенности?
Неопределенность и есть единственное место

В 1968 г. в Колумбийском университете студенты взбунтовались против передела тамошней земельной общественной собственности, а также против поддержки руководства исследований в области вооружения. Каким боком вы, ребята, туда вклинились?

Б.М.: Там было пять захваченных студентами корпусов и лишь тот, в котором находились мы, полиция обходила стороной. Мы никак себя не обнаруживали, но все протестующие тянулись именно в нашу сторону, так что оборона крепчала. К тому же мы вели себя очень воинственно и полиция, освободив остальные здания, предпочла не вламываться, а пойти с нами на переговоры.

Мы не действовали по какому-то плану, просто ловили момент и использовали его. Мы ходили по краю. Во время антивоенного марша на Пентагон мы обнаружили, что двери слабо охраняются, так что бросились туда и ворвались в помещение. Поначалу мы шествовали вместе со всеми, но затем сгруппировались в отдельную группу где-то из ста таких же, как мы, человек. А увидев такую возможность, мы сделали резкое движение и они не отстали.

В 1968–1969 гг. в Нижнем Ист-Сайде The Family подвергались постоянному давлению и насилию со стороны полиции. Как вы справлялись с этим?

Б.М.: Наша реакция выражалась и в мирных шествиях, и в совсем не мирных драках — смотря по ситуации. Мы были чрезвычайно изменчивы, и все зависело от того, как сильно на нас давили.

В конечном счете они решили, что пора нами заняться. Однажды мы просто перекрыли улицу и устроили вечеринку. Приехали полицейские, но, увидев, сколько собралось народу, они решили нас не трогать. Хотя это стало началом конца. Мы совсем обнаглели и перешли некую грань, так что они стали арестовывать нас по поводу и без повода.

В октябре 1968 года лично вы предстали перед судом в Бостоне по обвинению в покушении на убийство. Поведайте подробности.

Б.М.: Когда я был в Нью-Йорке, то прослышал, что юные фрики (мы не называли себя хиппи) в Бостоне подверглись нападению со стороны группы виджиланте. На самом деле все было довольно серьезно: нескольких ребят госпитализировали, так что я предложил некоторым членам Family съездить туда и вмешаться. Мы поехали поддержать местных стрит-кидов и фриков, ну и, естественно, следующая облава не заставила себя ждать. Нападающие получили по заслугам, а меня арестовали.

Я провел в тюрьме около двух недель, а потом меня выпустили под залог. После суда стало известно, что нападавшие жаждут мести, и мы решили уехать, потому что ни к чему хорошему это не привело бы. Они снова попались нам на пути, но в этот раз удрали, что для меня оказалось удачей, так как теперь я бы не отвертелся.

Политическое сообщество в этой ситуации меня никак не поддержало, потому что им там вообще было наплевать на хиппи, которые в большинстве своем придерживались тактики ненасилия. Тем не менее нашлись добрые люди, и эта история получила огласку в андеграундной прессе. В конце концов меня оправдали, а старшина присяжных сказал, что мне очень повезло: один из двенадцати присяжных отказался голосовать за мое осуждение и убедил остальных в своей правоте. Неизвестно, кто был этот парень, но я обязан ему своей свободой.

Помимо помощи людям в противостоянии полиции и открытия ночлежек, Family также организовали бесплатный магазин и вообще были вовлечены в разностороннюю активность по выживанию на улице. Расскажите, в чем выражалась эта активность.

Б.М.: Мы всегда старались объединить хиппи в Нижнем Ист-Сайде с местными обитателями улиц или просто бездомными. В конце 60-х в этом районе был огромный наплыв новых жильцов, их были тысячи, по сути, они и хиппи были схожи, но все же оба сообщества никогда так и не притерлись друг к другу. Мы сделали такой магазин, где и мы, и бездомные люди могли

околачиваться. Там раздавали бесплатную одежду, оказывали медицинскую и юридическую помощь, давали попользоваться мимеографом, скрывали уклонистов, подделывали удостоверения личности, информировали о ночлежках и т.д. Это был такой центр взаимопомощи. Несколько раз в неделю мы там устраивали бесплатные обеды, и не только там: мы кормили людей и при административных зданиях, и при церкви, куда набиралось человек 300–400. У нас были доверенности от церкви, что мы некоммерческая организация, так что в супермаркетах нам отдавали или залежавшиеся продукты, или те, у которых был нетоварный вид. Кто-то из людей помогал нам, кто-то делал пожертвования, а эти бумаги нам еще помогали получать дотации от церквей на аренду помещений, ну и все в таком духе.

Как и многие контркультурные группировки того времени, Family разграничивали понятия «легких» и «тяжелых» наркотиков. Расскажите об этом, и какие, вообще, отношения у вас были с запрещенными препаратами?

Б.М.: Мы делали различия между кокаином, героином и травой, гашишем, психоделиками. Мы видели, что ЛСД и трава способствуют взаимодействию молодых людей, стирают между ними границы, помогают осмыслить свое место в мире. У некоторых из нас были проблемы с тяжелыми наркотиками, и было очевидно, что они действуют разрушительно. Не уподобляясь Лири и другим, мы все же воспринимали психоделики не как лекарство, но как позитивное дополнение к чему-то еще.

Люди иногда приводили ко мне ребят, у которых случился плохой трип. Я принимал ЛСД, следовал за ними и помогал вернуться обратно. Если хочешь знать, как это было — вот, так оно и было. Вряд ли бы тебе удалось застать какого-нибудь маоиста за этим занятием (смеется).

В конце 1968 г. Family столкнулись лбами с рок-промоутером Биллом Грэхемом из-за ваших претензий на клуб Fillmore East. Как все началось и чем закончилось дело?

Б.М.: Корень всего был в конфликте между простыми людьми и теми, кто их использовал. Мы не притязали на контроль над Fillmore East или что-то вроде этого, мы всего лишь хотели иметь один бесплатный вечер в неделю для сообщества. Потому что, как мы видели это, заплатив за вход, человек настроен получать, а не отдавать.

Сперва Грэхем отказал нам: во время одного разговора у него в офисе он показал нам три серебряные пули и заявил, что «Ангелы Ада хотели того же, прислали мне эти пули, но я не испугался». Я поднялся и сказал ему: «Мы не Ангелы Ада и не пришлем тебе ничего, что бы ты мог поставить у себя на столике». Это не было упражнением в острословии, но заявлением, что однажды мы добьемся требуемого.

В тот вечер, когда в Fillmore East выступали The Living Theater, мы вместе с ними поднялись на сцену. Я объявил об окончании шоу, но заявил, что мы не уй-

дем, пока руководство не пойдет нам навстречу. Это могла быть одна ночь, две или три, или неделя, но мы собирались ждать до последнего. Мы сидели на сцене и грызлись с Грэхемом и его головорезами, пока наконец в час или в два ночи он не уступил нам наши Четверги.

¹¹ Блюз-рок коллектив. Образовался в 1965 г. Выступал на Вудстоке в 1969 г. Группа существует по сей день, хотя от первого состава не осталось ни одного человека.

¹² Более точное название — COUNTRY JOE AND THE FISH. Иосифа Сталина в США часто называли «Деревенский Джо» (Country Joe) в 1940-е, а вторая часть названия взята из высказывания Мао Цзэдуна о том, что «настоящий революционер должен быть среди людей, как рыба». Коллектив, сформированный в 1966 г. и просуществовавший вплоть до 1971 г., был настолько активен политически, что вокалиста Джо Макдональда даже вызывали свидетелем на процесс по делу Чикагской семерки. Группа тоже выступала на Вудстоке.

А что там творилось в эти бесплатные Четверги?

Б.М.: Многие группы, среди них: Canned Heat¹¹, MC5, Country Joe McDonald¹², приезжали и выступали просто так, а мы раздавали бесплатно еду и марихуану. Мне рассказывали, что MC5 имели стычку с частью аудитории, но я в то время был в Мичигане, так что не могу ничего засвидетельствовать. Спустя три недели Грэхем пришел ко мне с предупреждением из полиции о том, что они закроют клуб, если эти вечера с наркотой

будут продолжаться. Нам к тому времени уже было на все наплевать, ведь мы поставили под сомнение весь коммерческий мир рок-н-ролла.

Вудсток явился еще одной возможностью бросить вызов музыкальной индустрии. Молодые люди заявили: «Вы всегда только говорите, что музыка свободна, а мы сделаем ее таковой». Как и все остальное, в этот раз мы тоже ничего не планировали. Мы просто шли вдоль этих ограждений, и кто-то из нас предположил, что было бы здорово разрезать сетку и впустить всех желающих. А когда начался дождь, мы прознали, где организаторы хранят на продажу походные принадлежности, выкрали их и раздавали всем палатки и спальники.

Имелись ли у Family связи с другими группами по стране или в мире?

Б.М.: Множество людей, посещая Нью-Йорк, проводили с нами время, когда Family только образовались. Это были, например, английские ситуационисты, ставшие потом King Mob, некоторые члены японских Зенгакуров, Жан-Жак Лебель, один из лидеров парижского восстания 1968 г., голландцы из прово. Все эти группы, так или иначе, имели с нами что-то общее.

Да и мы сами много путешествовали. Я жил некоторое время с диггерами в Сан-Франциско. Во многом их радикализм и неприятие наживавшихся на контркультуре дельцов были схожи с нашими, но подход был совсем иной. Вообще, на Западном побережье у нас много было друзей, а Оусли¹³ даже помогал нам деньгами. А так по стране были еще мелкие группировки, которые просто считали нас своими единомышленниками и как-то связывались.

Что привело к решению покинуть Нижний Ист-Сайд?

¹³ Огастас Оусли Стэнли Третий (р. 1935) — биохимик из Сан-Франциско, один из отцов психоделического движения, в 1960-е гг. производивший ЛСД в промышленных масштабах. Реплика «кислота от Оусли» считалась гарантом высочайшего качества. Дружил с Кеном Кизи и Веселыми проказниками. Будучи звукорежиссером The Grateful Dead, изобрел «стену звука», ставшую характерной отличительной чертой концертов группы. Оусли посвящены песни многих рок-групп и исполнителей, включая Джимми Хендрикса, Фрэнка Заппу, Jefferson Airplane и, конечно же, Grateful Dead.

Б.М.: Полиция видела в нас угрозу. Она подступила совсем близко и все время донимала арестами. Тем более, что некоторым из нас, уже имевшим условные сроки, припаяли еще участие в чикагских демонстрациях.

Конечно, не это подвигло нас уехать, но мы развились и нащупывали новые направления. Наша племенная начинка давала о себе знать, и некоторые даже удивлялись тому, что мы так долго задерживаемся на одном месте. Многих ребят объявили в розыск, так что мы решили двигаться дальше. Около двадцати человек перебрались в Калифорнию, а остальные разбрелись кто куда.

Группа не распалась внезапно, но рассеялась, растворилась в различных проектах, местах и коммунах. Лично я, например, перестал писать и ушел в горы, где провел пять лет. В то время на меня очень повлияла книга Вильгельма Райха «Убийство Христа», смысл которой в том, что ты не пройдешь мимо того, что творится вокруг, но в своих отношениях с близкими начнешь потихоньку менять окружающий мир.

Тот факт, что американское правительство продолжает свои бесконечные войны по всему миру, а в своей стране попирает демократию и гражданские свободы, может навести на мысль о неудаче левых движений 60-х. Какое наследство оставили группы вроде Black Mask и новые левые вообще?

Б.М.: Для меня одной из причин выйти из забвения (после более чем тридцати лет затворничества) и рассказать, что мы делали тогда в 60-е, явилось то бедственное положение, в котором оказались Соединенные Штаты. Это уже та граница, когда ты не можешь не обращать внимания, никогда не было ничего хуже.

Я решил поведать людям нашу историю и уступить дорогу. Все, что я могу сказать: когда становилось совсем уж мрачно, мы начинали действовать, и это давало эффект. Мы многого тогда достигли, а ведь за несколько лет до этого никто не мог предположить, что удастся сдвинуть с места монстра американского капитализма. Это очень удобно — бездельничать и говорить «у нас ничего не выйдет». Не мне советовать людям, что

делать, но всегда есть пути, куда двигаться и что-то начинать, просто посмотрите вокруг.

Д.Г.: В течение двадцати лет, между 1955–1975 гг., я не мог помыслить о революции, подобно той, что произошла в моей стране¹⁴, или даже о том, что мы можем достичь реальных перемен в Америке. Но мне казалось, особенно в конце 60-х, что уже достаточное количество людей готово создавать альтернативную культуру, где неконформистские идеи станут основой массового движения. Этого не случилось, но мы приблизили конец вьетнамской войны и высветили многие общественные предрассудки: расовые, сексуальные. Это не заслуга Black Mask, но мы были частью этого.

Тогда и в дальнейшем были и победы, но маятник качнулся в другую сторону, и ничего нельзя было поделаться, только ужаснуться. Все активисты 60-х зашли в тупик. Сегодня положение катастрофическое, но история циклична, а мы запаздываем с переменами. В качестве утешения — надеюсь, это не заблуждение — могу повторить за К.Л.Р. Джеймсом¹⁵, он говорил мне и другим: «Вы не знаете, что может произойти. Революционные перемены могут начаться завтра, и, когда они достигнут вас, вы обнаружите то, что строилось постепенно, а вы и не замечали».

Я помню, как рос в середине 50-х, в эпоху Маккарти, и уже тогда пребывал в отчаянии, ведь казалось, что это никогда не закончится, но это закончилось, и, в том числе, потому, что мы устали от этого и начали действовать. Многие из тех первых активистов, которых я знал, не были сильными или радикальными, но это они начали процесс. Люди часто спрашивают, нет ли у меня ощущения потерянного времени, и я отвечаю им цитатой из великого поэта Ральфа Чаплина¹⁶,

¹⁴ В 1974 г. в Греции режим «черных полковников» был свергнут.

¹⁵ Кирилл Лайонел Роберт Джеймс (1901–1989) — английский писатель индийского происхождения, троцкист.

¹⁶ Ральф Чаплин (1887–1961) — социальный активист. В 1917 г. он и еще около 100 «Индустриальных рабочих» были обвинены в шпионаже, выраженном в призывах косить от призыва на Первую мировую войну и дезертировать, если уже забрали. Отсидел 4 года из 20, предписанных судом. Также известен тем, что является автором «черной кошки» — всемирно известного символа анархо-синдикалистов и радикальных профсоюзов.

члена «Индустриальных рабочих мира». Он говорит, что негоже нам сетовать на тех, кто однажды восстал и потерпел поражение.

Но лучше оплакать равнодушную толпу —
Запуганную и усмиренную.
Она видела страдания и несправедливость,
Но не осмелилась заговорить¹⁷.

Ян Макинтайр

¹⁷ Помещаем это стихотворение полностью. Оно называется "Mourn not the dead".

Mourn not the dead that in the cool earth lie —
Dust unto dust —
The calm, sweet earth that mothers all who die
As all men must;
Mourn not your captive comrades who must dwell —
Too strong to strive —
Within each steel-bound coffin of a cell,
Buried alive;
But rather mourn the apathetic throng —
The cowed and the meek —
Who see the world's great anguish and its wrong
And dare not speak!

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ОШИ НОЙМАНА¹. MOTHERFUCKERS

ТОГДА И ТЕПЕРЬ: МОИ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ²

Впервые опубликовано в сборнике Cultural politics and social movements. Temple University Press, 1995

¹ В настоящее время Оша Нойман является юристом и правозащитником. Он руководитель некоммерческой организации Community Defence Inc. в Беркли, помогающей делать доступным образование для беднейших слоев общества. В качестве консультанта по правовым вопросам сотрудничает с East Bay Community Law Center. В качестве художника участвует в небезымянном проекте Bumsp Paradise. См.: <http://www.bumsp Paradise.com/offleashart.html>.

Им написана не опубликованная пока книга, большая часть которой посвящена Motherfuckers.

² Переводчик выражает благодарность Ольге Аксютинной за предоставление оригинала статьи.

³ Площадь в районе Бауэри.

В шестидесятые годы я был членом группировки, называвшейся Motherfuckers (если быть точнее: Up against the wall, Motherfuckers). Такая вот тема.

* * *

Motherfuckers были маленькой группой хипповавших активистов, действовавших в Нижнем Ист-Сайде в Нью-Йорке в период между 1966 и 1969 гг. Нижний Ист-Сайд — это, преимущественно, пуэрториканское гетто. Но до пуэрториканцев там обитали евреи, работавшие на Cooper Union Square³ на промышленных предприятиях по производству одежды и табака. Я переехал туда в 1962-м, бросив обучение на историческом факультете Йельского университета, чтобы стать художником. Ко времени моего переезда евреи уже убрались оттуда, оставив множество всяких

вкусностей. Старые украинцы заплотнялись на скамейках в Tompkins Square Park, а проголодавшись, перемещались в ресторан «Одесса» поесть свекольный борщ, заедая его черным хлебом, — и все-то удовольствие: тридцать пять центов.

Летом на улицах пахло гниющими помоями, отслоившейся краской и цветастым сладким сиропом с ледяной стружкой, которым торговали бродячие торговцы с тележками. Зимой гетто становилось серым от грязного снега и разносимого ветром мусора.

Мое прибытие совпало с новой волной иммиграции в этот район. Наплыв в Нижний Ист-Сайд новых поселенцев знаменовал собой путь, совершенно противоположный направлению их предшественников. Теперь в гетто поселялись те, кто спасались бегством от Америки, а не пытались в ней как-то устроиться. Они бежали от эмоциональной засухи их семей, их школ, их родных городов, их работ. Они переезжали, потому что плата за жилье здесь была невысокой, и никто вокруг не собирался им говорить, чтобы они подстриглись или нашли работу. Замерзая по ночам, они заглядывали в окна бакалейных лавок, видя, как мышь снует между связок зеленых бананов и грудами вкусного картофеля. Они осознавали, что они не в Грейт-Неке и не в Гленс-Фоллсе⁴, и не в Пеории⁵. Осознавали, что дышат одним и тем же воздухом — воздухом пособия по безработице. Газеты называли их «хиппи».

Я попал в Нижний Ист-Сайд не за тем, чтобы стать Motherfucker'ом. Будучи художником, я жил, в общем, одиноко, халтурил, где придется, и учился в Школе изящных искусств при Бруклинском музее. Рисовал я на кухне моей квартирки общажного типа, ходил на антивоенные демонстрации, но не состоял ни в одной организации. Наплыв хиппи начался спустя где-то год или два после того, как я переехал. Их присутствие вывело меня из добровольной изоляции, укрепило в мысли, что роль уединенного художника не для меня. Я начал писать эссе о смерти авангардного искусства, сжирающего себя заживо, запутавшегося в бессмысленной игре с больше никого не интересующими устоями. Обещание искусства об освобождении теперь осуществлялось в творческом преображении реальности. Я так и не закончил то эссе.

* * *

Мое погружение в контркультурную политику началось в 1966-м, когда я участвовал в срыве мессы в соборе

⁴ Пригороды Нью-Йорка, где селятся богатые люди.

⁵ Считающийся «типичным американским» город в центральной части штата Иллинойс, вошедший в поговорку «а пройдет ли это в Пеории?» (will it play in Peoria?), в разных контекстах означающую примерно следующее: «что подумают люди?», «схавает ли пипл?», «как отнесутся к этому широкие народные массы?» и т.д.

св. Патрика, протестуя против поддержки кардиналом Фрэнсисом Spellманом начала войны. Нас было двадцать три человека, и мы незаметно пронесли в церковь плакаты с изображением детей, пораженных напалмом. На каждом плакате сверху была выведена заповедь «не убий», а внизу: «Вьетнам» — выглядело это довольно смачно. И вот, мы одновременно встали, развернули плакаты. Как на грех, кто-то уже позвал ментов, нас тут же окружили и повязали люди в штатском. Вдруг один из нас начал распевать «Харе Кришна, Харе Кришна». Мы все присоединились, и вскоре я почувствовал приятную расслабленность. Я пребывал в ужасном умиротворении, и даже лампочка в тюремной камере, казалось, все проясняла в ином, более ясном свете.

Эта выходка оказалась кульминацией «Недели рассерженного искусства», недели искусства протеста, уличного театра, акций, проводимых художниками из Нижнего Ист-Сайда. Motherfuckers родились во время подготовки «Недели» и мы продолжали встречаться после ее окончания. Наше название произошло из стихотворения Амири Барака (Лероя Джонса) о восстаниях в Ньюарке, когда полицейские останавливали негров с воплями «Лицом к стене, ублюдки!». Мы бросали им в ответ тот же эпитет, которым они награждали нас. Мы были для них сущим кошмаром, мы нарушали их самые священные табу. Даже наше название нельзя

⁶ Хоффман Э. Сопри эту книгу! Как выживать и сражаться в стране полицейской демократии. М.: Гилея, 2003.

было произносить. Оно защищало нас от лишних людей. И наша революция не была похожа на революцию Эбби Хоффмана⁶. Кто-то назвал нас «уличной бандой с анализом».

Мы одевались в темные, грязные кожаные куртки, и у нас всегда при себе были складные ножи, которые умело открывались одной рукой. Вскоре у нас появилась репутация защитников и зачинщиков всех самых маргинальных и фриковых проявлений контркультуры. Наш уличный анализ был прост: дети цветов — слабаки. Их наивная вера в любовь и положительные эмоции не пригодны для выживания на улицах. Любовь нужно защищать. И она должна защищаться сама. И мы были, как провозглашала одна из наших листовок, детьми цветов с шипами.

В контркультуре, болтающей о любви как о какой-то абстракции, повергшей культуру хиппи в теплицу, мы заявляли о ярости — о той, которая в нас, и о той бешеной злобе, что испытывало общество по отношению к нам.

Одной из наших первых акций было что-то вроде уличного представления около Линкольн-центра, огромного комплекса в Верхнем Вест-Сайде в Манхэттэне.

Нижний Ист-Сайд представлял из своих вонючих улиц одну громадную свалку мусора. Огромные кучи пластиковых мешков, наполненных всякой дрянью, валялись прямо на тротуарах. Бесконечный праздник для крыс. Мы поступили просто: собрали мешки, прошли с ними по улицам, спустились в метро, доехали до Верхнего Вест-Сайда и возложили все это на безукоризненно чистые мраморные ступеньки Линкольн-центра. Я сочинил свою первую листовку для Motherfuckers:

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН
(мусор на мусор)

АМЕРИКА ПРЕВРАЩАЕТ В МУСОР ВЕСЬ МИР
ОНА ПРЕВРАЩАЕТ В МУСОР СВОИ ГЕТТО
ОНА ПРЕВРАЩАЕТ В МУСОР ВЬЕТНАМ

ВО ИМЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
(ДЕМОКРАТИИ, ПРАВ ЧЕЛОВЕКА)
ВО ИМЯ ОТЕЧЕСТВА
(СОБАК ПОРОДЫ КОЛЛИ, АНГЛИКАНСКИХ
ЦЕРКВЕЙ)
ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА
ВО ИМЯ ИСКУССТВА
ВО ИМЯ ДЕНЕГ

АМЕРИКА ПРИБИРАЕТ К РУКАМ
ВСЕ СЪЕДОБНОЕ, ВСЕ ЦЕННОЕ, ВСЕ ПРИНОСЯ-
ЩЕЕ ПРИБЫЛЬ
И НАЛАГАЕТ НА ВСЕ СВОЕ ВЕТО
ВЕСЬ МИР — ЭТО НАШ МУСОР, КОТОРЫЙ БОЛЬ-
ШЕ НЕ НУЖЕН

МЫ ВОЗЛЕЖИМ НА ЗЕЛЕННЫХ ПАСТБИЩАХ,
А ОСТАЛЬНОЙ МИР ВЫБРОШЕН НА ПОМОЙКУ

ДАЖЕ ПОСЛЕ НАШИХ ИГР ОСТАЕТСЯ МУСОР
БЕТХОВЕН, БАХ, МОЦАРТ, ШЕКСПИР —
ЭТО ВСЕ ПРИКРЫТИЯ НАШЕГО МУСОРА

И МЫ ВЫНОСИМ МУСОР ИЗ НАШИХ ДВОРЦОВ
КУЛЬТУРЫ
И МЫ НЕ ПОЗВОЛИМ НАШИМ ДОЧЕРЯМ
ВЫЙТИ ЗА МУСОР ЗАМУЖ
И МЫ НЕ БУДЕМ ИМЕТЬ С НИМ НИКАКОГО ДЕЛА
И НЕ ПОЗВОЛИМ ЕМУ УВЕСТИ НАШИ КОРАБЛИ

НО НА НАШИХ ГЛАЗАХ
ПРОИСХОДИТ ВОССТАНИЕ МУСОРА

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ИСПОЛЬЗУЕТ МУСОР КАК УДОБРЕНИЕ
ПОКАЗЫВАЕТ СЕБЯ В НОВОМ КАЧЕСТВЕ

И МЫ РЕШИЛИ ПРИНЕСТИ КУЛЬТУРНУЮ РЕВО-
ЛЮЦИЮ
ИЗ НИЖНЕГО ИСТ-САЙДА В ЛИНКОЛЬН-ЦЕНТР —
В МЕШКАХ

СТОИТ ЛИ ЕЩЕ НА СВОЕМ МЕСТЕ ЛИНКОЛЬН-
ЦЕНТР?

За этой акцией последовали многие другие. Мы приносили мешки с коровьей кровью госсекретарю Дину Раску и его гостям из высшего общества. Мы принимали участие в забастовке в Колумбийском университете. Мы были впереди во время столкновений с мужланами и мажорами, пытавшимися блокировать «захваченные» здания университета и препятствовать доставке пищи для бастующих. Мы участвовали в поднятии на воздух Пентагона в 1967-м и проникали внутрь, чтобы быть зверски избитыми охраной. Мы были в Чикаго в 68-м. В Нижнем Ист-Сайде мы организовывали бесплатные магазины и ночлежки, а также

пирушки во внутреннем двореке церкви св. Марка. Мы противостояли Биллу Грэму, требуя свободного прохода для членов коммуны в его рок-дворец «Fillmore East». Один из наших пуэрториканских беспризорников вмолил ему цепью, когда он пытался дать нам от ворот поворот, и так нам позволили провести несколько бесплатных вечеринок, на которых для анархической толпы зажигали MC5, White Panthers во главе с Джоном Синклером, the Living Theater. Мы печатали сотни всяких листовок на сломанных мимеографах, воевали с полицией за контроль над территорией, не сдавались перед Девятым участком, бегали от Tactical Patrol Force, били стекла в банках напротив Gem Spa на углу St. Marks Place и Second Avenue.

* * *

Длинноволосый, бородатый, немытый Motherfucker, я смотрелся в зеркало и с удовлетворением рассматривал в нем кошмар моей матери.

Мои родители были из круга еврейских левых интеллектуалов, покинувших Германию в конце 1930-х гг.

Во время войны мы жили в Вашингтоне, где отец со своими сослуживцами работал в OSS⁷ (впоследствии ставшем ЦРУ), собирая информацию по Германии. После войны он получил должность преподавателя политологии в Колумбийском университете. Жили мы в Верхнем Вест-Сайде

⁷ Office of Strategic Services (OSS) — Управление стратегических служб — федеральное ведомство, занимавшееся сбором и анализом разведывательной информации в период Второй мировой войны.

Бронкса в комфортном загородном двухэтажном доме. По другую сторону улицы находился Nip Nichen Tennis Club, куда, по слухам, евреям и чернокожим вход был заказан.

Мы жили на тихом холме, куда не доносились шум городского транспорта и деловая суета. Мой дом был анклавом интеллекта. Мне казалось, что мои родители знают абсолютно все. Мои убеждения формировались, когда я слушал их застольные разговоры. Передо мной предстал мир, разделенный великой войной, манихейской битвой между фашизмом и антифашизмом.

Фашизмом было мощнейшее восстание иррациональности, когда все дозволено, когда теряют смысл понятия меры и причины. Это триумф глупости и конформизма. Борьба против фашизма была войной угнетенного против угнетателя, борьбой причины против беспричинности. И мне казалось: чтобы стать антифашистом, необходимо всегда на все иметь причины. Страсть, хаос, даже мускулистость — отвергались. Вот, что было в голове у ребенка.

Внешнее спокойствие нашей буржуазной жизни перечеркивалось ужасными ссорами между мной и матерью. Мы ругались из-за бардака в моей комнате, из-за того, что я не умыт, неряшлив, все теряю. Эта брань обычно заканчивалась ее слезами. Я не понимал, в чем дело. Мой младший брат старался быть от этого подальше и воспитал в себе все то, что я не смог. А мой отец скрывался за своими учебниками. Он мог часами разгадывать кроссворды в «Нью-Йорк Таймс». А я в бешенстве уходил к себе в комнату. Меня всего трясло. Я все глубже убеждался, что я вообще здесь никто. Я был тем пятном в моем чистеньком и благообразном доме, которое никак не получается смыть. И если антифашизм был борьбой причины против беспричинности, то я являл собой второе.

Однажды я осознал, что супружеская жизнь моих родителей не была счастливой. Я не замечал между ними привязанности, и спали они на разных кроватях. Мать была моложе отца на десять лет, волевая женщина себе на уме, вынужденная воспитывать детей и нести крест профессорской жены, но желавшая хотя бы в этой области не ударить лицом в грязь.

Я рос, погруженный в невеселые думы, довольно рано начал читать Достоевского, представляя себя таким человеком из подполья, с наслаждением утопающего во грехе. В подростковом возрасте за мной водились рукоблудство, замкнутость, постоянное рассматривание прыщей в зеркале. Однажды, когда мне было четырнадцать, возвращаясь домой, я нашел на улице вырванную страницу из порножурнала. Это была черно-белая фотография обнаженной женщины, привязанной к столбу. Увидев это, я возбудился до умопомра

чения. Как будто это фото было радиоактивным изотопом, облучившим все тело. Я принес его домой и спрятал в глубине своей книжной полки. К стыду моему, в моих фантазиях стали появляться элементы садомазохизма. Часто я больно царапал себя расческой, утихомиривая причиняемые матерью душевные страдания физическими. Напротив нас жила еврейская семья, где тоже было два сына. Их отец был хирург, работавший по ночам в одной из крупнейших клиник в городе. У него были волосатые руки, которые он распускал на своих детей, постоянно их побивая. И мне хотелось быть на их месте. Я говорю об этом, так как мне кажется, что это имеет такое же отношение к моему будущему Motherfucker'а, как и боливийские оловянные рудники к партизанской войне в Боливии.

Когда мне было тринадцать лет, произошло несколько событий, которые круто изменили жизнь нашей семьи: они были похожи на землетрясение, которое вдруг обнаружило тайную комнату в доме, где ты жил много лет, — выясилось то, что раньше было скрыто. Я жил на верхнем этаже нашего дома, и вот однажды ночью я проснулся, услышав, как внизу плачет моя мать. Утром она сообщила мне, что они с отцом разводятся. Сказала, что он ушел от нее к своей студентке. Я был совершенно ошарашен этой новостью, и не в последнюю очередь потому, что отец мой, оказывается, тот еще парень. Я-то думал, что он — евнух: весь такой жирный, пассивный, асексуальный, тугоухий, лысеющий и близорукий. Когда мать сообщила мне об этом, он как раз колесил по Европе с лекциями. А спустя несколько месяцев, как-то утром, она позвала меня на кухню, чтобы сказать что-то очень важное. Попросила присесть и налила мне стакан молока. А затем сказала, что отец погиб. Машина, в которой он находился, упала в пропасть в горах Швейцарии. Причину несчастного случая установить не удалось.

Я помню, подумал тогда, что должен что-то чувствовать. Но я ничего не почувствовал. А через несколько недель, делая уроки, я вдруг ни с того, ни с сего разрыдался. Я даже сам удивился, ведь в тот момент у меня и мысли не было об отце.

Все те годы, что мы жили в Бронксе, с нами в одном доме жил также старый друг семьи, чья жена умерла от рака. И прошло, мне кажется, совсем мало времени после смерти отца, как мать объявила мне, что выходит замуж за этого друга. Она даже рассказала, что у него с отцом был как-то разговор на эту тему и отец был

⁸ Отцом Оши Ноймана был Франц Леопольд Нойман (1900–1954) — немецкий политолог, более всего известный своей книгой о национал-социализме “*Behe-moth*” (1944), а другом семьи был Герберт Маркузе.

не против. Все было очень цивилизованно. Лишь много лет спустя я узнал, что они стали любовниками почти сразу, как он поселился у нас, и с тех пор их связь была неразрывна. И уже нельзя было понять, знал ли об этом отец. Да, вещи не всегда то, чем кажутся⁸.

В 1957-м году я окончил школу и поступил в Свартсмор, маленький квакерский колледж недалеко от Филадельфии. Городок был известен своими рододендронами, но я не замечал всей этой красоты и бродил замкнутый и обособленный, как черепаха в террариуме. Студенческого движения там не было. Мой курс был последним из аполитичных и прозябавших в бездействии. Я закончил учиться в 1961-м, и уже в следующем году идилический ботанический сад превратился в главную арену студенческих протестов, всколыхнувших всю округу. Уже не застав этого, я разочарованно поступил в Йельский университет, но свалил оттуда уже через год, так как больше интересовался рисованием, чем учебой. Ни в школе, ни в университете не происходило ничего такого, что могло вывести меня из моего уединенного состояния, ничего, что интересовало меня больше, чем моя внутренняя, сокровенная жизнь.

С Motherfucker’ами я познал веселье и восхищение. Ненависть к войне и выступления против злодейств системы были абсолютно реальны. Но ярость эта, в своих истоках, была отражением глубоких личных страданий.

Став Motherfucker’ом, я переборол свою болезненную замкнутость. Я выбрался из порочного круга своей застенчивости, распрямился во весь рост. Слово сквозь густую чащу я пробирался к чему-то, как я пола-

гал, реальному. Я мечтал об этом всю свою жизнь. Целью было проникнуть за фасады, сбросить маски, рвать и метать, преодолеть. И если общество было олицетворением женственности, то метафоры, которые я использовал, вертелись несознательно, а иногда и сознательно, вокруг изнасилования. Я записал в своем дневнике после неудачи в соборе святого Патрика: *Я представляю кардинала Спеллмана — раздетого донага перед его паствой, избитого, оттраханного, обосфранного, поставленного на колени в окружении так же затраханных до крови и зажаренных заживо мальчиков из хора певчих и поставленного есть их плоть, а затем на века замороженного в дерьме.*

И паства его в наказание будет смотреть на это, а затем также раздета донага и заставлена избивать друг друга плетью. Их детей прямо у них на глазах пожениат на удолбанных наркотой чернокожих проститутках. И их супружеские обязанности будут исполнены на месте.

А после акции у Линкольн-центра я записал вот что:

Линкольн-центр

Это трусики Жаклин Кеннеди

Без пятен крови,

Деланное, чванливое искусство парикмахеров.

Современное искусство,

Крикливое барахтанье на поверхности,

Безрезультатное топтание на месте —

Вот, что удовлетворяет Линкольн-центр,

Как удовлетворяет рука в трусиках Жаклин Кеннеди —

Рука ее парикмахера⁹.

Ярость, которую я всегда носил в себе, нашла теперь свой выход. Пугливого и возбужденного, меня будоражил звон разбивающегося стекла. Я бегал по улицам, дрался с полицией, был преследуемым и арестованным, но все равно чувствовал себя свободным, даже оказываясь в обезьяннике.

Motherfuckers никогда не были многочисленной группировкой. Постоянного состава было человек пятнадцать-двадцать. Мы были выходцами из разных классов и — за исклю-

⁹ «А потому можно утверждать, что прошло время композиторских и художественных школ и настало время домов мод. Прошло время композиторов и художников, и настало время портных и парикмахеров» (Владимир Мартынов. Конец времени композиторов. М.: Русский путь, 2002. С. 270).

чением нескольких пуэрториканских беспризорников и Альфонсо Тексадора (хромого из-за полиомиелита пуэрториканского поэта) — белыми. И среди нас почти никогда не было женщин, тем более — детей, кроме одного яркого исключения: Чарли и Мамы Кэрол со своим малышом Чачей. Мама Кэрол прославилась тем, что однажды на углу Second Avenue и St. Marks Place приподняла майку и забрызгала избитого копа грудным молоком. Еще была Сумасшедшая Бернадетта, которая наскоро сколотила девчачью банду и назвала вдогонку к нам — Father Rapers, хотя это был скорее прикол, чем реальная организация. Все же мужское начало в группе превалировало, и женского там не было ни на грош.

Нашим харизматичным лидером был Бен Мореа, итальянский беспризорник и бывший джанки. Он был невысок и крепок, его взгляд, выражавший неизрасходованную энергию, был значителен и смел, чем и привлекал к себе внимание любого. Его походка была легкой и довольно развязной, а еще он имел привычку, вступая в драку, смешно хорохориться, чем сбивал противника с толку. Но Бен воспринимал все всерьез. Он воплощал собой опасность, риск, готовность поверять слова делами. И под его влиянием стиль нашей группы проявлялся в напряженном противостоянии всему и вся. Бен требовал безоговорочной преданности. Он, не терпевший никаких митингов, единственный, кто был Motherfucker'ом днем и ночью. Он обещал, что никогда нас не предаст. Его могли приводить в уныние наши слабости, он зло упрекал нас за малодушие, но если все получалось, то он окружал нас необъятной заботой — самым ценным, что было в наших отношениях.

Наш стиль был импровизаторским, сюрреалистическим, анархическим. Когда Валери Соланас совершила покушение на Энди Уорхола, Бен забросал все местные галереи листовками в ее поддержку. А я собирал жертвования на наши начинания, разгуливая с пустым унитазом по St. Marks Place и выкрикивая: «Америка просирает деньги. Сри сюда!» — до тех пор, пока взбешенный коп не разбил унитаз своей дубин-

кой. Мы не были теми студентами из колледжей, что ведут интеллектуальные теоретические дебаты. Мы присоединились к «Студентам за демократическое общество» не за тем, чтобы обсуждать идеологию, но чтобы подвергнуть суровой критике, поставить на место, да и просто обстебать этих студентов за полное отсутствие у них смелости. На одном из их митингов, посреди бесконечного разговора с Прогрессивной рабочей партией, я схватил микрофон, приспустил штаны и, потряхивая членом, уличил их в интеллектуальном онанизме. В другой раз мы задолго до конца покинули скучное собрание, наловили голубей, которых выпустили, вернувшись обратно, внутри помещения, показав, каким бывает настоящее освобождение.

Motherfuckers просуществовали сравнительно недолго. Время любви, гнева и сумасбродных надежд закончилось прежде, чем мы это заметили. Изменилась сама культурная ситуация. В 1969-м тяжелые наркотики вытеснили ЛСД с улиц Нижнего Ист-Сайда. Молодые хиппи оказывались в тяжелейшем положении. На Третьей улице появились байкерские банды. Бен имел стычку с одним из их лидеров — дрались на ножах, но все закончилось рукопожатием, засвидетельствовавшим обоюдное уважение. Мы продолжали оставаться маленькой группой, легко попадавшей на мушку полиции. Неряшливые секретные агенты в кожаных ботинках, выдававших их с потрохами¹⁰, прикармливались в наших бесплатных общинных столовых. Мы организовывали эти места как ночлежки для бомжей, а они заполнялись пьяницами, кото-

¹⁰ «Копам известен уже весь антураж, даже стиль одежды: длинные иисусовы волосы, индейские бусы, индейские головные повязки, бисер, колокольчики, амулеты, мандалы, божественные взоры, флюоресцирующие жилеты, рога единорога, дуэльные рубахи в стиле Эррола Флинна, — но им пока еще ничего не известно о башмаках. Насчет башмаков у торчков пунктик. Хуже всего — нечищенные черные туфли со шнурками. От них иерархия восходит вверх и, хотя практически все низкие ботинки считаются нехипповым фуфлом, заканчивается башмаками, которые нравятся торчкам, — легкими причудливыми башмаками, английскими башмаками из ассортимента стилига, если больше ничего нельзя достать, но лучше — что-нибудь типа мексиканских башмаков ручной работы с пижонским носком “кальенте” в форме буквы А. Так что представьте себе ФБР... черные... начищенные до блеска... зашнурованные... туфли ФБР...» (Вулф Т. Электропрохладительный кислотный тест / Пер. с англ. В. Когана. СПб.: Амфора, 2006). Спасибо Вите за подкачку.

рые с похмелья дрались между собой битыми бутылками. Эмоциональная составляющая Motherfucker'ов становилась все более темной. Казалось, мы притягивали к себе всякую дурь. Оптимизм сменился молчаливой борьбой за выживание. Я чувствовал, что баланс нарушен. Наши новые рекруты были в основном хулигански настроенные ребята, которых больше привлекала в нас риторика насилия.

Я же относился к насилию как к маскарадному костюму, фигуре речи. Во время одной из моих явок в суд тамошний судья назвал меня «смесью Рэпа Брауна и Гитлера». Меня? Как не смог он разглядеть за маской Motherfucker'а лица доброго еврейского мальчика?

Я не осознавал, что движение, чьей целью было сбросить все маски, само стало маской. За маской бравады и насилия скрывался страх вперемешку с желанием спастись, обрести чувство уверенности. Да и границы между маской и реальностью не было. Судя по риторике движения, буржуазные ценности американцев — это варварство. Но в моем случае варварская внешность идейного Motherfucker'а скрывала приверженность к этим самым буржуазным ценностям.

Абсолютно точно, что, став Motherfucker'ом, я решал свои личные проблемы и свою жизнь видел как стратегию самосохранения. И я разложил все это по полочкам, когда у меня завязались отношения с Лесли, девушкой, не имевшей с Motherfucker'ами ничего общего. Она жила в хорошем доме с лифтом, с видом на тихое кладбище при церкви на Десятой улице. И работала организатором коммун в службе по борьбе с бедностью в Нижнем Ист-Сайде.

Мои предыдущие связи с девушками были тягостными, закомплексованными и сексуально ничем не примечательными, или это были случайные одноразовые переписки с незнакомками. Но теперь сексуальные отношения с настоящей женщиной стали реальностью, хотя и совершенно противоположной тому миру насилия, где пребывали Motherfuckers. И я лег ей в постели, думая о том, что место мое на St. Marks Place.

Я был раздвоен и увивал от выбора. Я разбрасывал листовки с воспламеняющими призывами, драз-

нил полицейских, провозглашал свободу воображения, но бежал от этой свободы в объятия женщины. Дошло до того, что я стал осторожничать, бояться, что меня арестуют. Эта женщина была, как Далила¹¹ с ножницами наготове. Я боялся своей неуверенности, своей загнанности, изолированности в прелестной маленькой квартирке в Вест-Виллидж, где мы могли сидеть за кухонным столом, макать круасаны в кофе и томно шуршать страницами воскресного выпуска Times. Там, на улице, я играл роль культурного террориста, пророка высвобождения инстинктов, безжалостного и мстительного. И, возвращаясь из неистовства улиц, я обнаруживал свое бессилие в постели. Лесли лгала мне, убеждала, что все в порядке, успокаивала и нежно смеялась над моими страхами.

Эта раздвоенная жизнь длилась несколько месяцев, но в конце концов полочки рухнули. Пожар уничтожил две Motherfucker'ские ночлежки на Четвертой улице, и на следующей неделе вся орава переместилась в квартиру Лесли. Они просто зашли, сбросили со стен репродукции, а вместо них нанесли пульверизатором слоганы. С тех пор каждый день эта шпана попадалась на глаза управдому-пуэрториканцу, которому такое положение дел совсем не понравилось. Сначала он сделал им несколько замечаний, но, когда это не подействовало, он взбесился. Мне позже рассказали, что однажды вечером он поджидал их в подъезде и, когда ребята зашли в лифт, попытался плеснуть им в лицо щелочью. На следующий день они его зарезали, прямо у дома.

Мы кричали «Смерть свиньям!», но первый, кто умер, был управдом-пуэрториканец. Этот случай не получил огласку, никого из нас не арестовали и не допрашивали. И между нами, во всяком случае — в моем присутствии, это не обсуждалось. Мои попытки что-то выяснить натывались на грубые и односложные ответы: это было необходимо; живя на улице, нельзя не защищаться, когда нападают...

¹¹ Согласно ветхозаветной легенде, филистимлянка, обольстившая и погубившая Самсона, вытянув из него тайну его силы (секрет крылся в волосах — если состричь Самсону семь кос, он ослабеет). Далила убояла Самсона, уснувшего на ее руках, а потом вызвала слугу, который состриг герою семь кос, после чего филистимляне схватили и ослепили его.

Мы продолжали важно расхаживать по улицам, но я единственный чувствовал, что пространство вокруг нас сужается. Мы прорыли узкий проход, и он закончился тупиком: мы все еще оставались глубоко под землей, неуверенные друг в друге и в том, что эта шахта вскоре не обвалится. Маленькая канарейка начала кашлять и чихать. Пришло время мотать удочки.

Бен устроил нам побег. В Нью-Мехико намечался крупный слет хиппи, и мы туда подписались. С помощью хипповской коммуны Hog Farm Бен выхлопотал старый школьный автобус, и Motherfuckers, собрав пожитки — у кого они были, — двинулись через всю страну, воруя в попадавшихся на пути магазинах. Лесли и я поехали на собственной машине, присоединившись к ним уже на месте. Бен со своей репутацией революционера обеспечил нам жилье в Канжильоне, маленьком городке на северо-востоке штата.

Канжильон был центром «Альянсы» — движения под руководством Райеса Тийерины, выступавшего за возвращение собственности на испанские и мексиканские земли их коренным жителям. В июне 1967 г. Тийерина со своей группой дерзко, в сапатистском стиле, напали на здание администрации Терра Амарилья, что, как они надеялись, будет началом восстания. Они освободили заключенных, застрелили полицейского и тюремщика, и исчезли, взяв в плен секретаря и шерифа. На них началась охота, и Канжильон заполонила Национальная гвардия. Тийерину поймали, судили и отправили в тюрьму. А коренные жители

Канжильона вернулись, чтобы жить в округе национализированного леса, который, по их мнению, был несправедливо отнят у них правительством.

Местечко для нас было что надо. Мы ездили в Эспаньола получать льготные талоны на покупку продуктов, купили стволы, охотились на оленей в лесу, разводили коз и даже украли корову, когда захотелось мяса. Еще мы раскопали киву¹² на заднем дворе, читали Black Elk Speaks¹³ и начали превращаться в индейцев. Но посте-

¹² Ритуальное помещение у индейцев.

¹³ Блэк Элк (Черная Ель) (1863–1950) — визионер индейцев племени лакота, получивший известность благодаря двум книгам, в которых описал, приведя многочисленные факты притеснения индейцев, свою жизнь, а также движение Та-нец духов, основанное на шаманском могуществе его народа.

пенно наша изолированность приводила к вырождению. Барри Motherfucker был убит из-за того, что ки-нул наркоторговцев в Альбукерке. Рик Motherfucker, повредив ногу, захотел вылечить сам, запустил гангрену и умер. Да и работать никто из нас не собирался.

Год спустя Лесли подхватила гепатит и уехала лечиться со своей сестрой в Ла Йоллу. Я навестил ее. Мы занимались любовью. Она забеременела. Объявила, что не собирается возвращаться к Motherfucker'ам. И мне нужно было выбирать: она или они. Я выбрал ее.

* * *

Мои шестидесятые — это Motherfuckers со всем, что в них было хорошего и плохого. Я думаю, что есть резон попытаться осмыслить тот раскол в обществе, всю ту двусмысленность и взбудораженность, которыми насыщались революционное буйство и любовь того времени. Мне не хочется предаваться ностальгии, которой и так в избытке в воспоминаниях, подобных этим.

Мои поступки во многом были следствием того психологически некомфортного отрочества белого человека, жившего при материальном достатке. Хотя мне трудно судить о том, что двигало теми, кто был рядом со мной и кто имел совсем другое происхождение.

* * *

Будучи Motherfucker'ом, я чувствовал себя свободным, но что это такое? В 1968 г. французские студенты на баррикадах провозглашали: «Вся власть — воображению!» Но воображение не было дискриминировано. Хотелось ли мне высвободить мою жестокую сексуальную садомазохистскую фантазию? «Вся власть порнографическому воображению!» — может ли такое быть революционным лозунгом? А как насчет чувства вины, страха и желания при таком воображении? Чарльз Мэнсон претворил в жизнь то, что я оставил на бумаге. Бернадин Дорн¹⁴

¹⁴ Бывший член узерменов. Вошла в историю как «самая опасная женщина Америки» (титул, данный ей главой ФБР Эдгаром Гувером в 1980 г.). В результате теледебатов, на которых муж Дорн Билл Айерс признал причастность узерменов к

организации взрыва в главном управлении полиции Нью-Йорка в 1970 г., в вашингтонском Капитолии — в 1971 г. и в здании Пентагона в — 1972 г., чета подалась в бега. В конце концов, сдавшись властям, Дорн получила условный срок, но в итоге все равно отсидела год за отказ давать показания против другой бывшей узержменши — Сюзан Розенберг. Примечательно, что первый муж Дорн, Карл Рув, долгое время был главным советником Джорджа Буша Младшего, а Барак Обама дружил с Биллом Айерсом и, по слухам, даже получал от него деньги как начинающий политик.

на одном из собраний узержменов подняла вверх три пальца, напоминая о вилках, которыми Мэнсон и его сообщники протыкали своих жертв: Шэрон Тейт, Лено и Роземари Ла Бьянка. И если все общество было бесстыдным, то какое отношение имело мое неприличие к такому похабству? Вьетнам был настоящим изнасилованием. Как тогда быть с моими фантазиями?

* * *

В шестидесятые и в среде хиппи случались конфликты. Motherfuckers проводили политику ярости и объединения бунтующих, политику детей цветов с шипами. Мы вели борьбу на

идеологическом фронте с теми, кто не видел разницы между «ними» и «нами», кто превозносил аморфное — по типу «все включено» — бытие, комфортабельно оцепенелое разжижение личности. Они называли это любовью. И такую любовь они выказывали солдату со штыком, запихивая цветы ему в дуло ружья. Они говорили полицейскому, что любят его, как и цветок, заплетенный в их волосы. И эту любовь они выставляли как подлинную альтернативу всему тому беспределу, что творился вокруг. Они восхваляли ее танцуя: полуголые, с немытыми длинными волосами. Они приглашали присоединиться к ним всех тех безликих, застегнутых на все пуговицы прохожих на площадях. Нам тоже нравились эти танцульки, но мы помнили, что они ни к чему не приведут, а те танцоры как раз об этом забыли начисто. Они не были способны создать альтернативное культурное пространство. Они могли лишь быть подавлены и раздавлены.

В той довольно прямолинейной контркультуре хиппи было мало леваков. Она исчезла, и от нее остался, что называется, один отстой из пустышных диковин вроде цветастых футболок, психоделичных постеров

и состарившихся рок-звезд — наследие, скажем так, производящее самое гнетущее впечатление. С наследием Motherfuckers получилось чуть лучше. Мы слишком быстро самоустранились, став жертвами собственной риторики, несясь по направлению к своей собственной смерти с таким наслаждением, что всякая дрянь просто не успела к нам прилипнуть.

У нас был девиз: «Личное — это политическое». Назвался груздем — полезай в кузов: такие слова на наших знаменах ко многому обязывали. Мы стремились разрушить все барьеры между личной жизнью и политикой, и эффект получался поразительный: чем больше личное становилось политическим, тем более оно (личное) становилось видимым и осязаемым. Мы осознавали, что вкладываемое нами в политику было частью нашего личного. И мы были движимы своими нуждами не менее, чем моральным долгом. Смыть все различия, чтобы не потух огонь, поджигавший нашу страсть, и чтобы в нашей личной жизни оставалась возможность перемен.

«Личное — это политическое» — такой подход был побуждением политизировать наиболее интимную часть повседневной жизни. Старые отношения встали на пути революции. И мы экспериментировали с новыми. Образовывались коммуны, борьба была направлена на то, чтобы уничтожить моногамию, «купейность», гетеросексизм, семью. Сфера личной жизни сводилась на нет, личное преисполнялось общим. Все было на виду: от чистки зубов до ебли.

Но, несмотря на это, оставались секреты. Было кое-что, что мы хранили в тайне, порой даже от самих себя, — недопустимые противоречия. Провозглашая свое свободное течение в потоках революции, мы скрывали якоря, что держали нас в прошлом. Провозглашая коллективизм, мы сажали на отдельных участках семена будущего возвращения к исходному состоянию. И когда секретов стало слишком много и ослабела хватка идеологии, люди довольно скоро вспомнили

об отложенных в долгий ящик личных планах жениться и иметь детей.

Сейчас я живу в Беркли, в пригороде, повидавшем революцию. Портреты Мартина Лютера Kinga висят на фонарных столбах, освещающих улицу, названную его именем. Администрация заседает в центре имени Мартина Лютера Kinga, недалеко от общеобразовательной школы имени Малькольма Икс. «Что посеешь, то и пожнешь» — так Малькольм прокомментировал убийство Джона Кеннеди, но теперь эти слова, как и многие другие его цитаты, украшают фасады школы, названной в его честь. Таков удел. Невзирая на анахронизм инициативы, мы продолжаем здесь высказывать протест против гонки вооружений, интервенции в Центральную Америку, возрастания расходов на войну. А стоимость недвижимости продолжает расти. Многие дома по обеим сторонам моей улицы в последние годы покупаются молодыми парочками, которые за недолгое время уже успели обзавестись обширным потомством. Гетто превратились в лакомые куски для застройщиков. Все обувные мастерские на Sacramento Street, Sugar's Den и Monkey Shine были закрыты ради нового городского переустройства. И хотя СМИ до сих пор балаболят о «народной республике Беркли», дух шестидесятых здесь на положении кастрированного кота, счастливо греющегося на солнце, беспрестанно умывающегося и чешущегося от блох.

* * *

Перелом, наступивший в шестидесятых, по-разному отразился на разных слоях общества. Для белой Америки это был бунт детей, порвавших связь поколений в сфере культуры.

Молодость — это традиционно время страдания от осознания пропасти, лежащей между тобой и теми надеждами, что возлагает на тебя общество. В шестнадцать лет я по ночам комкал простыню в постели, держал комнату в хаосе, высокомерно брезговал обществом отца. Когда он о чем-то просил, я все делал нарочито медленно, заранее готовый огрызаться на его за-

мечания. Я демонстрировал всепоглощающую неприязнь не просто к тому, что он меня отвлекает, а к тому, что он просто ко мне обращается, что он вообще существует.

Стабильность в обществе сохраняется до тех пор, пока молодость находится в узде, пока ее недовольство не выливается на поверхность. В шестидесятые это недовольство превысило все нормы. Дети стали видеть в семье ячейку общества — фундамент, на котором строится политическое угнетение.

Молодежь стала выступать с протестом группами. Они отбросили меню из предложенных им ролей во взрослой жизни: пушечное мясо, домохозяйка, подхалим на лакейском поприще. Время было экономически устойчивое, и, запугивая нищетой, нельзя было заставить их свернуть с намеченного пути. Распевая «Черта с два! Мы не пойдем!», они ставили обществу ультиматум: или мы переиначим смысл взросления, или мы не будем взрослеть вообще.

Я не замечал репрессивности всего общественного устройства, потому что был материально обеспечен. И взбунтовался я не оттого, что кто-то имел больше меня, не оттого, что познал голод и холод. Боль, голод и холод — это все телесное. Когда тело пронзает боль, оно чувствует ее реальность и знает ее причину. Я же ощущал свою угнетенность как невозможность найти реальную точку опоры за пределами своего «я». Все вокруг меня было бессодержательным, неестественным.

Эта оторванность от жизни засасывала меня, заточала в бесшумной и темной комнате. Я вырослел и познавал окружающую действительность именно таким образом: не имея связи ни с внешним миром, ни с внутренним. Я жил в мире масок. На заре моей туманной юности присущая мне замкнутость сыграла свою роль. В семье я был как отрезанный ломоть. И дом наш находился в величественном отдалении от соседей, обнесенный рвом и окруженный аккуратной лужайкой. Никакого вынужденного соседства с бедностью. А так как положение нашей семьи не подразумевало ничего подобного, то и наш благоприятный район находился в

таком же надменном отдалении от третьего мира нищеты, расизма и насилия. Белая Америка была отгорожена от бесчинств, творящихся в трущобах третьего мира. Моя жизнь за стеной притупляла чувство реальности, и такое восприятие окружающего приукрашивало истинный смысл происходящего.

Восставая против этой оторванности от жизни, я, как и многие другие дети из белых «хороших» семей, пришли к мысли о бунте, восплавав решимостью вынудить систему показать свое настоящее лицо. Чтобы ее бессодержательность повернулась своей жестокостью во всей полноте — в виде полицейской дубинки и стальных прутьев тюремной решетки, чтобы ощутить на себе эту войну. Маленьким я мечтал о строгом отце, который поколачивал бы меня, что для меня было бы наслаждением по сравнению с психологическими пытками в моих отношениях с матерью. Уже став Mother-fucker'ом, я записал в дневнике:

Наша жизнь — это некая невоспроизводимая нулевая отметка, заключенная в скорлупу знаков. Этими образами поддерживается неспособность восприятия реальности. Бессодержательной жизни нужно все более знаков.

Сущность Америки — тот самый ноль. Сущность уничтожена. Война закончилась. Выходя на улицу и вступая в противостояние с ментами, мы создаем своего врага. Мы создаем то, против чего будем бороться. И это мы называем жизнью. Жизнь незаметна, пока не существует Америка. И мы победим лишь тогда, когда воссоздадим своего врага, воплотим его. И для этого нет иного пути, как насилие. То же самое с нами. Насилие воплощает и нас. Наше тело ощущает себя, только когда его бьют. Лишь то тело — живое, которое бьют или которое предчувствует свое избиение.

Мы были, как груша для сноса зданий, разрушающая фасады, скрывающие вредную и тлетворную реальность. Фасады, за которыми находятся семьи, являющие миру маски благоприличия, но скрывающие их настоящую мерзость. Фасады повседневной законопослушности гражданского общества, скрывающие жестокость и грубую силу своего фундамента. Жертвы этого общества скрывались, а бесчинства осуществлялись повсеместно. А мы заставляли ощутить войну во всей ее полноте, силой выбивая правду из пастей святош.

Здравый смысл был фасадом. Но ни в чем здоровом не было смысла. Мы посягнули на привычные понятия и употребляли наркотики как горючее для достижения «с лица необщим выраженьем» мира, скрываемого, подобно чувствам, невозможным в мире элементарном и материалистическом.

Мы были погружены в эту бессодержательность, как эмбрион в зародышевую оболочку. И нам нужно было прорваться через эти фасады, чтобы заново родиться, но теперь — из пасти зверя. Мы были детенышами этого зверя, загрызающими свою мать, раздирающими ее в клочья при рождении. Мы, Motherfuckers, трахали ее изнутри. Контркультура вообще подразумевает состояние, близкое к экзальтации. Motherfuckers же рвались и пробивались наружу, как заключенный рушит стены своей тюрьмы, как младенец рвется наружу из чрева. Это вторжение насильника, жестокое и отчаянное. Революция как изнасилование.

В странах третьего мира и в трущобах первого враг, нападающий на тело семьи, — это и враг, нападающий на тело государства. Колонизация — это враг Родины и Матери. Революционеры третьего мира борются за возможность взрослеть и стать мужчиной или женщиной, унаследовать хозяйство. Захватчик — это осквернитель дома, осквернитель Родины. Он приходит извне грабить и насиловать. Он ведет за собой полчища ублюдков, готовых исполнять его приказы и воевать против восставших.

В Центральной Америке революционеры боготворят своих матерей. Сандинисты печатали плакаты, где изображался защитник, обнимающий свою мать, призывающие к уважению матерей революционеров. «Матери Пропавших Без Вести», «Матери Революционеров-Мучеников»¹⁵ — богини в революционном пантеоне. Партизаны-подпольщики, скрываясь на явочных квартирах или в горных пещерах, помнят о своих матерях, и самое сильное у них желание — обнять свою мать еще раз. Биение сердца матери-

¹⁵ Матери пропавших без вести (Mothers of the Disappeared) — матери погибших в годы диктаторского режима в Чили. Матери революционеров-мучеников (Mothers of Revolutionary Martyrs) — матери погибших сандинистов в годы оккупации и гражданской войны в Никарагуа.

нской любви — это барабан, зовущий революционеров на бой против бессердечности империализма и злодейств диктаторства.

Революционеры Центральной Америки защищали свою мать. Мы, белые американские хиппи-радикалы, стремились ее уничтожить. Ее любовь придавала им силы и освобождала от сомнений в их борьбе против отцовской власти диктатора. Мы же восставали против нее, отягощенные непомерным чувством вины. Мы возродились в полной страха детской ярости. И, стремясь уничтожить ее, мы жаждали ее материнской защиты. Как бы я мог объяснить революционерам Никарагуа или повстанцам в Газе, что группа, к которой я принадлежу, называется Motherfuckers?

Суть традиционных революционных движений — это восстание против экспроприации, против отнятия имущества. И эти движения олицетворяли для нас революцию. Это движения бедняков по всему миру, восстающие против своей материальной нищеты. Но контркультура хиппи была порождением материального избытка. Motherfuckers были частью движения, взбунтовавшегося против материального избытка. Это бунт, направленный на «иметь», а не на — «не иметь». Он вспыхнул в гнетущей атмосфере относительного материального достатка. Нищета, на которую воспротивились хиппи, не была материальной. Это бессодержательность среды изобилия, нищета духа. Их голод отличался от голода эфиопов, однако это был не меньший голод.

* * *

Политизированная контркультура, вышедшая из новых гетто шестидесятых, строилась на некоторых константах, по которым мы ориентировались на врага. Мы соотносили себя с теми, кого общество угнетало более нас. Чернокожие в сельских и городских трущобах, вьетнамцы на своих рисовых полях и кубинцы на своих сахарнотростниковых были настоящими; мы же дрались, чтобы стать настоящими. Вскоре все сферы нашей жизни произвольно, бессознательно, ста-

ли идентифицироваться с жизнью гетто: чья-то подлость — с грязными улицами, буйство кого-то против своих родителей — с опасностью, подстерегавшей на каждом углу, наша ярость — с яростью угнетенных.

И вместе с этими угнетенными у нас была одна общая константа. Для нас бунт заключался в непрерывном процессе воплощения нашей угнетенности, чтобы, поймав ее за хвост, вышвырнуть из жизни.

Но, несмотря на заявления о солидарности по отношению к угнетенным по всему миру, существовали определяющие различия, характеризовавшие нашу борьбу. Мы выблеивали свой кусок пирога, в то время как остальные рвались к столу. Мы всегда «выпадали», другие искали возможности «впасть». Наша приверженность революции была выбором, их — необходимостью.

Безусловно, ни у кого и язык не повернулся бы сказать, что борьба чернокожих, вьетнамцев или бородастых кубинцев была «показухой». Но то, что двигало ими, постепенно двигало и против нас. Наше покаренное существование представляло в их свете какой-то личиночной стадией развития, которая, по прошествии времени, перейдет в стадию скучного конформистского оперения, по мере взросления индивидов. Мы неистово пытались опровергнуть то убеждение, что наш бунт был менее настоящим, чем бунт колонизированных народов, солидарность с которыми мы так провозглашали. Но как нам было избежать этих нападков?

Мы были убеждены, что в некоторых своих проявлениях наш радикализм превзошел их. Обнищавшие и обездоленные восставали против своего ухудшающегося экономического положения. Они голодали. И не однообразие пищи вызывало их недовольство. Это однообразие вызывало наше недовольство.

Это трудная тема, сложно утверждать что-то однозначное. Доминирующая культура проникает повсюду и везде встречает сопротивление. Из-под прохудившихся крыш где-нибудь в трущобах и гетто, из партизанских палаток Азии, Африки и Латинской Америки торчат телевизионные антенны. И внутри них, находясь в

унынии, бедняки смотрят ТВ и видят картинки здоровья, счастливые семьи с их мягкими креслами и приятными дверными звонками, видят девушек, автомобили, газоны, новые модные джинсы, дезодоранты, ванные комнаты, выложенные плиткой и где висят чистые полотенца. Там, на улице, время идет медленно или своим чередом, а вся деревня затаила дыхание. Гламурные музыкальные видеоклипы мелькают яркими кадрами, шумят, возбуждают. В третьем мире те, кто эксплуатируются как производители, соблазнены потреблением. Реклама повсюду, даже там, где ослы щиплют травку и свиньи роются в поисках желудей. Запад высасывает жизнь из третьего мира и культивирует там мечту о недостижимом образе жизни. И вот уже сопротивление принимает форму фундаментализма, неприятия прогресса, модернизации, западной рациональности. Это неприятие «не имеющих» культуры «имеющих». А самокритика имеющих, как показала культурная революция шестидесятых, также подразумевает и неприятие устаревших аргументов и привычного хода истории. И если фундаменталисты третьего мира славляли возвращение к традиционным ценностям, то для хиппи не было того, к чему они могли бы вернуться. Мы творили свою контркультуру из того, что было под руками, и всякий раз получалось что-то необыкновенное. В других культурах мы искали то, что можно перенять. Мы представляли себя индейцами двадцатого века, организовавшими свою племенную общность, местами — по книжкам, местами — самостоятельно. Мы непоколебимо двигались назад в будущее. И с помощью наркотиков мы исследовали пещеры нашего самосознания, ища необычайных, странных и удивительных возможностей, открытий новых пейзажей. И порой мы блуждали и падали с высоких крыш.

* * *

«Свобода немедленно!»

Политическая культура шестидесятых в своих требованиях освобождения не допускала отсрочки. Сво-

бода не представлялась нам результатом долгой борьбы поработанных. Свобода уже была частью борьбы, тем, что любой здесь и теперь мог переживать. На том и стояло все движение.

Ключом к этому запертому, но объединяющему ощущению в борьбе за освобождение было гражданское неповиновение. Акты неповиновения государственной власти позволяли моментально перемещаться на территорию свободы. В повседневной жизни факторы угнетения вездесущи, но замаскированы. Гражданское неповиновение — это тот атмосферный осадок, что смывает репрессивные наросты с бесструктурных маневров в нашем однообразном существовании. Это вынуждает их выходить из тени и ставить свои границы. А раз появляются границы, то становится ясно, куда переходить. Там, где кто-то находится в противостоянии (будь то в закуской «только для цветных», в военкомате, перед лающей собакой, перед машущим дубинкой ментом, перед отлучением от церкви), — там и есть территория свободы. Свобода расцветает на месте столкновения, ведь именно там репрессивные силы срывают свою маску.

В тюрьме, за решеткой, на нас нисходило умиротворение, и там мы ощущали всю полноту реальности. Распевая песни свободы, как будто и в самом деле у нас на руках цепи, мы ощущали свое объединение, ощущали свою радость. Ясное и не требующее доказательств прозрение. Это как наркотик.

И ясность такого прозрения породила антивоенное движение и движение за гражданские права. Это открытие свободы было как дар с неба. Но этот дар лишь на первый взгляд не требовал отдачи — явление нужно было еще объяснить. Движение не могло предложить народу лишь мгновения свободы, и не более того. Народ на это не пойдет. Жажда освобождения дает силы, но разрушает форму. Некоторые организации шестидесятых дожили до наших дней. Но у нас же никогда не было стратегий для исполнения каких-либо обещаний. Настоящее освобождение требует наступления по всем фронтам — на все общественные устои. А значит, претворение в жизнь некоторых частных придется

It is too often assumed that the law of nature is:
kill or be killed. Presenting an argument for the
opposite principle:

THE SKY'S THE LIMIT!

отложить, оставив на повестке дня лишь главное. Мы так и не создали движения, способного «навести мосты» — мосты между поколениями, мосты между ощущениями мгновений свободы и реализацией обещаний этих мгновений. Такое движение не появится вдруг. Нам удалось только породить такую политическую культуру, что помнила о своем обещании, но смогла сохранить только само желание свободы в силе и напоминание о том, что лишь его исполнение — мерило любого успеха. Мы не могли одновременно кричать «свобода немедленно!» и «нам не хватает свободы!».

Белое антивоенное движение, как и движение за гражданские права, переиначило смысл обещания немедленного освобождения. Ведь смысл был в том, что измениться может любой человек. Освобождение подразумевает раскрепощение от старого, от презрения к себе. Оно подразумевает возможность новой личности, наподобие бабочки, выбравшейся из кокона, и змеи, сбросившей старую кожу. Такой образ обновленной личности можно обнаружить повсеместно. Движения за гражданские права на Юге США — это одно, а партизаны Латинской Америки — это другое. Че Гевара и Фидель Кастро ушли в горы, отказавшись от домашнего тепла. В горах новый человек закалялся в боях. Вернувшись, они — бородатые, с сигарами — выглядели по-другому и были не такими, как раньше.

В странных сочетаниях эти образы перерождения человека перемешались в представлении многих с образами власти и остались в истории.

«Лучше жить под химией» — так гласил ироничный постер того времени. ЛСД растворил ветхую личность и способствовал появлению новой. Для нас открылись новые границы. Изменяясь каждый по-своему, сбрасывая с себя типичное американское высокомерие, мы верили, что можем быть кем угодно: дзенскими монахами, мексиканскими колдунами, шаманами сиу¹⁶. Мы были революционными героями Горацио Алгера¹⁷. Его герои без посторонней помощи выходили

¹⁶ Племя североамериканских индейцев.

¹⁷ Горацио Алгер (1833–1899) — американский автор более 130 дешёвых приключенческих романов, в большинстве которых повествуется о достижении «американской мечты»: бедный главный герой, претерпевая множество трудностей и благодаря своим находчивости, смекалке и трудолюбию, в конце концов достигает «хэппи-энда».

из грязи в князи. И мы думали, что можем измениться, пойдя по нехоженой тропе — с высот привилегий и связанных с ними ограничений — напрямик в будущее. Все это было необходимостью, желанием приключений.

Провозглашенное нами изменение личности имело свои потрясающие примеры, но, к сожалению, считанные. Не все были способны остаться в таком упертом движении, признающем только бескомпромиссную отдачу. Не всякий был готов превратить свою спальню или ванную комнату в поле боевых действий. Но все решало меньшинство — те, кто мог и не гнушался идти навстречу жестким требованиям нашего революционного проекта. Самыми настоящими революционерами оказывались те, кому нечего было терять, у которых была куча времени и никаких привязанностей. Наше движение было всем в жизни тех, кто в нем укоренялся, кто вычеркнул из своей жизни будничность обычных людей с их работами, семьями и детьми.

Расширив границы определений того, что есть политическое, мы попутно прокладывали новые тропы, придумывая неизвестные ранее способы политической активности. Уже существовавшие тактики устарели и не отвечали жизненным требованиям. Все, что не было рискованным, оказывалось безнадежно компромиссным. Выборы, открытые письма, мирные демонстрации, шествующие под надзором полиции, мягко выражаясь, были абсолютно бесполезны. Гражданское неповиновение становилось все менее гражданским.

Перемены начнутся только при абсолютном переустройстве общества. Лишь одна группа была верна до конца этой идее о тотальном переустройстве, члены которой начинали перемены с себя. Остальные группы постепенно превращались в секты, держащие своих членов в повиновении и изолирующие их от общества.

* * *

Нельзя всю жизнь быть движимым юношеской яростью. Это такое топливо, которое скоро выдыхается.

Лишь тот стержень, который может быть и в личности, и в организации движения, укрепляется с течением времени. Нам необходимы организации, конечно, имеющие некий центр управления, но в своих структурах не повторяющие авторитарные модели преобладающего большинства. Нам нужны организации, которые свяжут поколения и в которых вырастут новые Питеры Пэны. Под «вырастут» я имею в виду и биологию, и идейность.

Движения шестидесятых расширили зоны политической активности по всем направлениям: критике подверглись личность и повседневная жизнь. Система являет собой всеобъемлющее и деструктивное проникновение во все сферы бытия. И перемены в этой системе позволят изменить глубочайшую структуру общества и сознания. Сойдут фальшивые улыбки товаров потребления, и появится настоящее лицо мира, умытое своими возможностями. Наш взгляд был затуманен. Его прельщало сумасшествие так же, как блестящие побрякушки привлекают сороку, как пламя свечи тянет к себе мотыльков и бабочек.

И мы пугаемся, видя, как в этом пламени сгорают революционные мотыльки. Все идет к тому, что пламя шестидесятых гаснет, и нежные крылышки этих красавцев остаются в сохранности. Мы освободились от своих юношеских заблуждений как от воспаленных фантазий о грядущих перспективах. Но взгляд не потух. Горизонты, намеченные контркультурой шестидесятых, реальны. И кто захочет их достичь, будет творить чудеса.

Оша Нойман

СОДЕРЖАНИЕ

<ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ>	3
<i>Бен Мореа</i>	
BLACK MASK	5
<i>Крис Грей</i>	
BLACK MASK. № 1-10	29
Листовки BLACK MASK	126
UP AGAINST THE WALL MOTHERFUCKER (ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ БЕНА МОРЕА)	131
BLACK PEOPLE	149
<i>Лерой Джонс</i>	
UP AGAINST THE WALL MOTHERFUCKER (ЖУРНАЛ)	150
MOTHERFUCKER / INTERNATIONAL WEREWOLF CONSPIRACY (ЛИСТОВКИ)	159
FILLMORE EAST ПРОТИВ EAST VILLAGE	199
<i>Пол Нельсон</i>	
FILLMORE EAST. Листовки с места событий	210
Бунты, которые я знал и любил	215
<i>Уэйн Крамер</i>	
Вестники выживания хиппи	217

ПОСЛЕДНИЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ (статья из журнала «INTERNATIONALE SITUATIONNISTE»)	224
ВООРУЖЕННАЯ ЛЮБОВЬ ПРИ БЛАГОДЕНСТВИИ	228
<i>Тодд Джитлин</i>	
МУСОРНАЯ ГЕРИЛЬЯ (ИНТЕРВЬЮ С БЕНОМ МОРЕА)	233
<i>Джон Макмиллан</i>	
РАЗГОВОР С BLACK MASK	250
<i>Ян Макинтайр</i>	
ПРИЛОЖЕНИЕ	
MOTHERFUCKERS ТОГДА И ТЕПЕРЬ: МОИ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ	282
<i>Оша Нойман</i>	

MOTHERFUCKERS

Уличная банда с анализом

Корректор

Елена Салтыкова

Верстка

Сергей Введенский

Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.
Формат 84×108/32. Гарнитура NewBaskerville.
Заказ . Тираж 1000 экз.

В серии «**Час Ч**» вышли:

Субкоманданте Маркос. *Другая революция:* Сапатисты против нового мирового порядка

Хаким-Бей. *Хаос и анархия:* Революционная сотериология

Израэль Шамир. *Хозяева Дискурса:* Американско-израильский терроризм

Эбби Хоффман. *Сопри эту книгу!* Как выживать и сражаться в стране полицейской демократии

FARC-EP. *Революционная Колумбия:* История партизанского движения

Боб Блэк. *Анархизм и другие препятствия для анархии*

Ульрика Майнхоф. *От протеста — к сопротивлению:* Из литературного наследия городской партизанки

Кристоф Агитон. *Альтернативный глобализм:* Новые мировые движения протеста

Рауль Ванейгем. *Революция повседневной жизни:* Трактат об умении жить для молодых поколений

Джон Зерзан. *Первобытный человек будущего*

Motherfuckers: Уличная банда с анализом

а также:

Джерри Рубин. *Действуй!* Сценарии революции / Пер. с англ. и примеч. О. Озерова

«Чему йиппи научились у Карла Маркса — самого известного бородатого, патлатого и хиппового фрика, комика и агитатора — так это тому, что из революции необходимо создавать зрелищный миф. Карл написал и спел свой собственный рок-альбом «Манифест Коммунистической Партии». И эта пластинка скинула не одно правительство».

«Революция — это уличный театр. У этого театра нет правил, форм, структуры, стандартов, традиций — это чистая, натуральная энергия, импульс, анархия. Задача революционной театральной труппы в том, чтобы совершить переворот».

«Гилея» также представляет:

Илья Зданевич (Ильязд). *Философия футуриста*: Романы и заумные драмы. С приложением доклада И. Зданевича «Ильязда» и «Жития Ильи Зданевича» И. Терентьева

«Если бы он мог сию минуту перенестись куда-нибудь как можно дальше от всех этих петых и перепетых красот, от искусства, от всего, перед чем надо преклоняться, от покоев и соборов, в которых надо ходить на цыпочках и без шапки и откуда надо выходить пятясь, от всего этого никому не нужного великолепия, созданного людьми по глупости, по порочности человеческой породы, и от которых время, единственное приличное существо, не успело пока оставить груды развалин и мусора. С каким бы наслаждением приветствовал смерть пьяный Ильязд, если бы земля могла вдруг раскрыться и поглотить его со всеми Константинополями, прошлыми и будущими, Софиями и философиями, бардаками и посольствами, блядьми и султаншами, все без остатка, всю эту мерзость проклятую, идиотскую, придуманную для самообмана, самоунижения, самоистязания, гнусную ерунду, соблазнительный и решительно никому не нужный призрак вонючего города, нечистоплотных людей и, что еще хуже, питающихся мертвечиной умов и сердец».

Поэт Александр Введенский: Сборник материалов

«Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума – более основательную, чем та, отвлеченная ... Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бесвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то, значит, разум не понимает мира» (Александр Введенский).

«Гилея» также представляет:

Альманах дада (1920). По поручению Центрального управления немецкого движения дада под редакцией Рихарда Хюльзенбека

«Как явление эластичное, дада нельзя присвоить, как стремиться ухватить деньги или идею, и поэтому он – образец совершенной бесстрастной свободы характера. Дадаист – самый свободный человек на Земле. Идеологичен всякий человек, который, попав в ловушку, подстроенную его же собственным интеллектом, убежден в абсолютной реальности идеи как символа сиюминутно воспринимаемой действительности. С набором понятий можно манипулировать так же, как с костяшками домино.

...Дада не подводит под свои действия мотивы, преследующие определенную “цель”. Обращаясь к человеческому обществу, дада не порождает абстракций в словах, формулах и системах... Дада есть естественный творческий акт».

Павел Горгулов. *Коммуникационная теория безвластия*

«Главным в этом процессе является обесмысливание иерархической коммуникативной ситуации, лишение ее приданного ей смысла за счет обесмысливания опосредующих ее констант (правил, языка, других знаков). Должно продуцироваться недоверие к константе, как к конкретной, так и к любой. При этом происходит дискредитация знака без его замены и возможности восстановления. Утрата доверия к константе без предложения альтернативы влечет за собой «смазывание» константы – она начинает «плыть» в поисках замены себе. Сознание иерархизатора будет безнадежно пытаться перестроить систему опор и от этого потерпит фиаско. В отличие от практик *detournement* или «глушения культуры» должно происходить принципиальное обесмысливание, уворачивающееся от любых знаковых аналогий».

«Гилея» также представляет:

Алексей Кручёных. *К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. С приложением деклараций и статей А. Кручёных, а также статей И. Терентьева и С. Третьякова*

«Двадцать лет тому назад, когда мы с боем ворвались в литературу, мы имели плохую прессу, как говорят французы. Нас просто не принимали всерьез, старались представить ординарными хулиганами и скандалистами.

Сейчас бесполезно выяснять, что было здесь причиной — близорукость ли тогдашних хозяев Парнаса, невежество ли и продажность «критиков», или сознательный (как, напр., замалчивание) прием учувявшего опасность врага. Наверное, все это вместе.

Важно то, что в результате нам самим пришлось стать первыми критиками своих произведений. Что ж, если будет-ляне тогда не были еще законченными мастерами, зато молодой силы у них было хоть отбавляй. Брались за все, делали что угодно.

Писали стихи и прозу, трагедии и оперы, манифесты и декларации, статьи и исследования. Были ораторами и докладчиками, актерами и режиссерами, редакторами и иллюстраторами, издателями и распространителями собственных книжек. Горячее время, непрерывные битвы.

Выбирать оружие некогда. Дерись любым!»

Василий Кандинский. *Избранные труды по теории искусства: В 2-х т.* Издание второе, исправленное и дополненное. С приложением вологодской записной книжки 1889 г. и других материалов

«Самые неожиданные вопросы взаимопонимания, неожиданные разговоры на разных языках передовых живописцев с так отсталыми театральными артистами, ясность и сумбурность, гремящие столкновения идей — все это будет таким потрясением привычных форм, делений и перегородок между отдельными искусствами и внутри отдельных искусств, что от беспримерного напора, давления и взрыва разорвутся сферы обыденного и откроются дали, которым сейчас нет даже имени».

«Гилея» также представляет:

Дмитрий Пименов. *ВЕЛО*: Роман-альманах

«Хватит слушать лживую поэзию новостей и считать себя самими умными. Мы уже поняли, как и что нас заставляют думать и чувствовать. Мы освободили себя от их гипноза, теперь пора ударить по ним нашей магией».

«Я всегда хотел обгонять, потому был и надеюсь остаться не очень, на первый взгляд, популярным. Не совсем естественное желание, но опять на первый взгляд, потому что в том, чем я занимаюсь, главное — не популярность, а далеко смотрящий результат. Как дебют в шахматной партии: ничего не означает — всем управляет».

«— Вот тебе и поезд в страну Гарибальди, — метафора, шутка, последние слова. Я их произнес перед тем, как с чувством окончательного призыва на Дело Революции и Сопротивления я лег спать.

Утром я уехал, моя Революция всегда со мной».

А также книгу стихов **Алексея Илюшкина**

Размеры зверств

С КАРТИНКАМИ

Магазин «Гилея»

Москва, Нахимовский просп., 51/21

(в помещ. ИНИОН РАН),

тел. 8-499-724-6167,

e-mail: info@gileia.org

Независимый книжный магазин существует с 1992 года.

Мы располагаем более чем 15 000 изданий, охватывающих гуманитарные науки (философию, историю, филологию, политологию, востоковедение, искусствознание и др.) и интеллектуальную художественную литературу.

Особое внимание уделено авангарду художественной и политической мысли, футуризму и анархизму, представленным как изданиями «Гилеи», так и другими, в том числе редкими и давними, тиражи которых везде уже реализованы.

Теперь в магазине можно приобрести не только книги, но и музыкальные диски независимых лейблов: панк, хардкор, южный рок, всевозможные преломления авангарда, пост-рок, постметал, упадничество, утомление, гараж и психо-фолк. Представлены релизы лейблов: «Выггород», «Self Titled Demo Records», «RAIG», «Отделение «Выход», «Old School Kids Records», «Улитка», «Карма Мира», «Long Arms Records», «Feral Ward», «Retrotrash» и др. Списки будут увеличиваться.

С новостями магазина и издательства можно ознакомиться на сайте

gileia.org

Здесь же находится постоянно обновляемый каталог магазина, полный перечень книг, выпущенных и планируемых издательством, их фрагменты и другие интересные тексты, имеющие прямое отношение к нашей деятельности.

Книги издательства «Гилея» вы также можете купить в магазине «Фаланстер», находящемся по адресу:
Москва, М. Гнезниковский пер., 12/27 (вход в арке),
тел. 749-5721, 629-8821; e-mail: falanster@mail.ru

В отличие от Джерри Рубина (или Малькольма Икс, или Че Гевары, или Уззерменов) Мазафакеры до сих пор отказываются превращаться в пустой знак. Несправедливо то, что они остались неизвестны, хотя и играли уникальную роль в контркультуре.

